

- [Преподобный Амвросий Богоносный старец Оптинский](#)

- [Житие Преподобного Амвросия](#)

- [ДЕТСТВО](#)
- [ЖИЗНЬ АЛЕКСАНДРА ГРЕНКОВА ДО ПОСТУПЛЕНИЯ В МОНАСТЫРЬ](#)
- [ПРИЧИНЫ, ПОБУДИВШИЕ АЛЕКСАНДРА ГРЕНКОВА ПОСТУПИТЬ В МОНАСТЫРЬ](#)
- [НАЧАЛО МОНАСТЫРСКОЙ ЖИЗНИ. ПРОХОЖДЕНИЕ РАЗЛИЧНЫХ ПОСЛУШАНИЙ](#)
- [ЖИЗНЬ В СКИТУ](#)
- [ПОСТРИЖЕНИЕ И СЛУЖЕНИЕ В СВЯЩЕННОМ САНЕ](#)
- [НАЧАЛО СТАРЧЕСКОГО СЛУЖЕНИЯ](#)
- [ВНЕШНИЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ СТАРЦА АМВРОСИЯ И ЕГО КЕЛЕЙНОЕ ПРАВИЛО](#)
- [ДАРЫ БЛАГОДАТИ](#)
- [ДУХОВНОЕ ОКОРМЛЕНИЕ МОНАШЕСТВУЮЩИХ И МИРЯН](#)
- [СТАРЕЦ АМВРОСИЙ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА](#)
- [ЛИТЕРАТУРНО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ ПРИ СТАРЦЕ АМВРОСИИ](#)
- [УЧРЕЖДЕНИЕ ШАМОРДИНСКОЙ ОБЩИНЫ И ЗАБОТЫ СТАРЦА О ЕЕ БЛАГОУСТРОЙСТВЕ](#)
- [ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ЖИЗНИ И БЛАЖЕННАЯ КОНЧИНА СТАРЦА АМВРОСИЯ](#)

- [НАУКА О СПАСЕНИИ](#)

- [УЧЕНИЕ О СПАСЕНИИ И ДОСТИЖЕНИИ ЦАРСТВА БОЖИЯ](#)
- [О ПОКАЯНИИ](#)
- [О СМИРЕНИИ](#)
- [О ТЕРПЕНИИ В СКОРБЯХ](#)
- [О МОЛИТВЕ](#)
- [О СТРАХЕ БОЖИЕМ](#)
- [О СТРАСТЯХ И БОРЬБЕ С НИМИ](#)
- [О страсти блуда](#)
- [Страсть сребролюбия](#)
- [О МОНАШЕСТВЕ](#)
- [ЧАСТНЫЕ НАСТАВЛЕНИЯ МИРЯНАМ](#)
- [ЗАКЛЮЧЕНИЕ](#)

- [АЛФАВИТ ДУХОВНЫЙ](#)

- [Богослужение](#)
- [Болезни](#)
- [Вера](#)
- [Гордость](#)
- [Грех](#)
- [Дерзость](#)
- [Добродетели](#)
- [Долги](#)
- [Жертва Богу](#)
- [Жизнь вечная](#)

- [Жизнь духовная](#)
- [Жизнь. Как жить?](#)
- [Зависть](#)
- [Заповеди](#)
- [Искушения](#)
- [Келия](#)
- [Козни врага](#)
- [Крестное знамение](#)
- [Лицемерие](#)
- [Любовь](#)
- [Милостыня](#)
- [Мир душевный](#)
- [Молитва](#)
- [Молитва Иисусова](#)
- [Монашество](#)
- [Неверие](#)
- [Немощь человеческая](#)
- [Неосуждение](#)
- [Нечувствие](#)
- [Обещание](#)
- [Осуждение](#)
- [Пища](#)
- [Плач](#)
- [Правда](#)
- [Поведение внешнее](#)
- [Покаяние](#)
- [Поклоны](#)
- [Помощь Божия](#)
- [Помыслы](#)
- [Послушание](#)
- [Пост](#)
- [Похвала](#)
- [Правда](#)
- [Праздники](#)
- [Приметы](#)
- [Промысл Божий](#)
- [Простота](#)
- [Просфора](#)
- [Прощение обид](#)
- [Раздражительность](#)
- [Рассеянность](#)
- [Рассуждение](#)
- [Самолюбие](#)
- [Самомнение](#)
- [Самооправдание](#)
- [Самоукорение](#)
- [Сварливость](#)

- [Свобода в обращении](#)
- [Своеволие](#)
- [Скорби](#)
- [Св.Тайны](#)
- [Смирение](#)
- [Снисходительность](#)
- [Сны](#)
- [Совесть](#)
- [Спасение](#)
- [Страх Божий](#)
- [Терпение](#)
- [Тщеславие](#)
- [Уединение](#)
- [Уныние](#)
- [Царство Небесное](#)

Введение

Содержание

[Предисловие](#)

Он твердо верил, что все страдания мира, как бы ни были они сильны, жестоки и изощренны, не могут победить Божественной любви, в лучах которой тает и исчезает всякое страдание и уныние.

Схиархимандрит Иоанн

Предисловие

Имя великого Богоносного старца Амвросия стоит в одном ряду среди наиболее любимых и почитаемых народом святых: Сергия Радонежского, Серафима Саровского, Иоанна Кронштадтского... Свеча его святости своим ярким пламенем освещала не только всю православную Россию, но ее яркий свет вышел далеко за пределы пространства и времени.

«Подвиг его любви к ближнему изумлял его современников и волнующе захватывал и восхищал души последующих поколений...»

Этот подвижник, живший в маленькой келье, сумел раздвинуть ее стены на необъятные пространства. Люди всех званий и положений, жители самых далеких губерний — все знали смиренного прозорливого оптинского старца...

Имя старца Амвросия было известно далеко за пределами России. Знали его и Афон, и святой Иерусалим — весь православный Восток», — эти проникновенные слова схиархимандрита Иоанна (Маслова) как нельзя лучше отображают величие жизненного подвига преп. Амвросия Оптинского.

О преподобном написано множество книг — различными духовными лицами, духовными и светскими писателями, давними и новыми авторами. И все же книга схиархимандрита Иоанна — особенная. В чем же ее особенность? О великом духоносном старце XIX века пишет духоносный старец нашего времени, ученик великих Глинских старцев, который сам пришел в меру «мужа совершенна» и в полноте обладал благодатными дарами Святого Духа: духовного

рассуждения, прозорливости, исцеления, благодатного утешения и самым главным — совершенством христианской любви, безстрашием и чистотой сердца. О благодатной силе его духовного рассуждения свидетельствует тот факт, что о. Иоанна еще молодым иноком благословили Глинские старцы писать ответы на письма, приходившие в их адрес. При чем великий старец Андроник, дерзновенный молитвенник за мир, перечитывая ответы будущего схимника, с восторгом восклицал: «Так и надо писать!» Так еще с юности на нем лежала печать особого духовного избранничества.

И главная особенность этой книги состоит в том, что схиархимандрит Иоанн как никто иной сумел проникнуть в духовный мир преподобного Амвросия, раскрыть красоту и глубину его святой личности. Об этой книге можно сказать ее же словами, но уже применительно к самому о. Иоанну: **его слово горит огнем неотразимого благодатного убеждения, оно согревает теплотой любви каждое сердце; будучи чуждым холодности и внешней вычурности, оно дышит красотой христианского смирения, несет всем мир и радость.**

**Преподобный Амвросий Богоносный старец
Оптинский**

Житие Преподобного Амвросия

Великий Богоносный старец иеросхимонах Амвросий (в миру Александр Михайлович Гренков) родился 23 ноября 1812 года в селе Большая Липовица Тамбовской губернии. Во святом крещении он был назван Александром, в честь благоверного князя Александра Невского, память которого совершалась в самый день рождения младенца. Его отец, Михаил Федорович, занимал должность сельского дьячка. Мать, Марфа Николаевна, занималась воспитанием своих детей, а их было восемь человек. В их семье жили еще дед и бабушка. Александр рос веселым и резвым мальчиком. Он любил сельское приволье и шумные игры. Его детское воображение постоянно было наполнено забавами, и поэтому ему не сиделось дома. Часто случалось, что, получив от старших какую-нибудь работу по дому, он при первой же возможности бросал ее и убегал на улицу.

Родители, а также дед и бабушка были людьми глубоко религиозными и благочестивыми, и это находило свое отражение в укладе семейной жизни. О матери своей старец всегда говорил, что она была святой жизни. Понятно, что резвость Александра не находила одобрения в этой степенной и скромной семье, где на все детские, даже невинные, шалости смотрели как на значительные проступки. Поэтому к мальчику в семье относились с холодностью; и ни дед, ни бабушка, ни даже родная мать не любили его так, как остальных его братьев, которые пользовались вниманием и любовью старших. «Однажды, — так впоследствии передавал сам старец Амвросий, — очень раздосадованный этим, я решил отомстить брату, которого особенно любили родители. Зная, что дед мой не любит шума и что, если мы дети, бывало, расшумимся, то он всех нас без разбора: и правого, и виноватого — отдерет за чуб, я, чтобы подвести своего братишку под тяжелую руку деда, раздражил его. Тот закричал, и выведенный из терпения дед отодрал и меня, и его. А последнее-то мне и нужно было. Впрочем, мне и помимо деда доставалось за это порядком и от матери, и от бабки».

Однако все воспитание Александра проходило в строго религиозном направлении. Юному отроку старались привить любовь к чтению слова Божия, которое было основой всей жизни этой благочестивой семьи. Каждый праздник отец брал его с собой в церковь, где он вместе с родителем на клиросе читал и пел, что ему очень нравилось.

ЖИЗНЬ АЛЕКСАНДРА ГРЕНКОВА ДО ПОСТУПЛЕНИЯ В МОНАСТЫРЬ

Когда мальчику исполнилось 12 лет, родители определили его в первый класс Тамбовского духовного училища, по окончании которого в 1830 году он поступил в Тамбовскую духовную семинарию. И в училище, и в семинарии благодаря природной одаренности Александр Гренков учился очень хорошо. Вот как об этом вспоминал один из его сверстников: «Бывало, на последние копейки купишь свечку, твердишь заданные уроки, Гренков же мало занимается; а придет в класс, станет отвечать: так валяет без запинки, как по писанному, лучше всех».

Больше всего Александр любил Священное Писание, богословские, исторические и словесные науки. Не подлежит сомнению, что собственно богословские науки, духовно-нравственное чтение, а также служба Божия особенно были дороги сердцу благочестивого юноши. Именно в это время и были заложены основные начатки того глубокого и широкого изучения слова Божия и святоотеческих творений, которыми так отличался старец в своей последующей жизни. маслов

В семинарии Александр был душой общества. Все любили его за веселость и доброту. Но, будучи веселым и остроумным юношей, он всегда сохранял нравственную чистоту и скромность, внутреннюю собранность духа и глубокое религиозное чувство, что, несомненно, привлекало к нему сердца всех, кто с ним общался. Даровитый юноша любил поэзию и даже пытался писать стихи. Впоследствии отец Амвросий вспоминал, что, будучи еще в семинарии, он однажды «выбрал хорошее местечко, где были долины и горы, и расположился там писать, да так ничего и не написал. Получилось точь-в-точь, как рассказывали академики про одного лаврского монаха. Тот монах (Исихий) задумал однажды писать стихи, ушел на берег Днепра и, взирая на реку, стал писать: «Тече, тече Днепр тихий», а далее, ничего не мог придумать, просидел до вечера, а уходя, подписал свой стих: «Писал сии стихи монах Исихий». Не сделавшись поэтом, Гренков, однако, будучи уже старцем, любил говорить поучения своим слушателям в рифму.

Кто мог предположить, смотря на молодого юношу, который, от природы обладая живым характером, любил веселое общество, увлекался музыкой и пением и даже помышлял о поступлении на военную службу, что его ждал монастырь. Он сам говорил: «В монастырь я не думал никогда идти,... впрочем, другие почему-то предрекли мне, что я буду в монастыре». Но мысли человеческие не те, что мысли Божие. «От Господа стопы человеку исправляются» ([Пс.36:23](#)). То, что другие провидели в Александре будущего инока, несмотря на его веселость и общительность, свидетельствует, что окружающие видели в нем человека, качества души которого не принадлежали веку сему. Он не обращал внимания на эти черты своей души, но людям были заметны эти особые качества, которые определили его духовные стремления. Окружающие не могли предположить для него иного пути жизни, как только путь всецелого посвящения себя Богу в монашестве.

ПРИЧИНЫ, ПОБУДИВШИЕ АЛЕКСАНДРА ГРЕНКОВА ПОСТУПИТЬ В МОНАСТЫРЬ

Сам Александр не отдавал себе ясного отчета в своем жизненном призвании, но бывали моменты, когда это призвание само неожиданно и властно напоминало ему о себе. Так, за год до окончания курса семинарии Александр очень серьезно заболел. Он сам так рассказывал об этом: «Все отчаялись в моем выздоровлении, мало надеялся и я сам. Послали за духовником. Он долго не ехал. Я сказал: «Прощай, Божий свет!» И тут же Александр дал обещание Господу, что если Он воздвигнет его здоровым от одра болезни, то непременно пойдет в монастырь. Александр никогда не думал о монастыре, и вдруг дает обет сделаться монахом. Не ясно ли из этого, что этот обет неведомо для него самого давно уже сложился и жил в глубине его сердца. Он был уже начертан предшествующими обстоятельствами его жизни и благочестивым настроением его души. Недоставало только подходящего случая для того, чтобы это настроение ясно вспыхнуло в его сознании.

Юноша выздоровел, но исполнить обет не имел возможности: ни начальство, ни родители не отпустили бы его до окончания курса занятий. А год, проведенный в привычном оживленном товарищеском кругу, ослабил его желание уйти в монастырь.

В 1836 году, окончив семинарию, Александр не решался тотчас постричься в монахи; в душе его происходила острая внутренняя борьба между принятым решением и страхом порвать связь с привлекательными сторонами жизни в миру. Перед 23-летним юношей открывалось несколько жизненных дорог. Он мог пойти в высшую духовную школу — Академию, мог стать священником и отдаваться пастырской деятельности или пойти в университет, куда в то время шло много молодых людей из семинарии. Ему необходимо было определить дальнейший путь в жизни. Совесть как бы постоянно обличала его за неисполнение данного им обета, но он не находил еще в себе мужества твердо стать на путь монашества. Поэтому он решил избрать для себя такое общественное положение, находясь в котором, он имел бы возможность исполнить свое обещание. В это время один помещик предложил Гренкову быть учителем его детей. Он с радостью соглашается на это предложение.

Двухлетнее пребывание в доме помещика имело большое значение для его будущей деятельности как духовного руководителя не только монашествующих, но и мирян, ибо здесь впервые познакомился со светским обществом, что значительно расширило его жизненный опыт. Здесь у него начинает проявляться заботливое попечение о людях и умение направлять их волю в сторону добра.

В 1838 году в Липецком духовном училище открылось место преподавателя, и 7-го марта Александр Михайлович занял эту должность. Здесь он проявил себя как добрый и вместе с тем строгий наставник и оставил после себя добрую память. К нему искренно были расположены сослуживцы, он очень любил свое преподавательское дело; кажется, жизнь протекала ровно и безмятежно, но на самом деле было не так. Внутренний голос не давал ему покоя. И чем больше проходило времени, тем мучительней становились укоры совести. Временами он продолжал развлекаться в кругу молодежи, но и в разгаре веселья он чувствовал какое-то внутреннее неудовлетворение. Внутренний голос упрекал его за пустое времяпрепровождение, неотступная дума о монашестве, о принятом обете не покидала его сердца. Вот как сам старец описывает свое положение того времени: «После выздоровления я целых четыре года все жался, не решался сразу покончить с миром, а продолжал по-прежнему посещать знакомых и не оставлять своей словоохотливости. Бывало, думаешь про себя: ну вот отныне буду молчать, не буду рассеиваться. А тут, глядишь, зазовет кто-нибудь к себе, ну, разумеется, не выдержу и увлекусь

разговорами. Но придешь домой, — на душе неспокойно; и подумаешь: ну теперь уже все кончено навсегда, — совсем перестану болтать. Смотришь, — опять позвали в гости, и опять наболтаешь. И так вот я мучился целых четыре года. Облегчение от этого мучения глубоко верующий Александр Михайлович находил в молитве. На казенной квартире, где он жил с товарищами по службе, у него была икона Божией Матери «Тамбовская» — родительское благословение. И перед этой иконой он часто ночью, неслышно для людей, подолгу молил Небесную Утешительницу упредить путь его жизни. Избегая насмешек соседей по квартире, он стал уходить молиться на чердак, а потом за город в лес.

Уединенная пламенная молитва все более и более укрепляла в душе молодого человека чувство глубокой любви к Богу. Реальное ощущение близости Бога все более и более овладевало его сердцем, становилось для него все сладостнее, все ближе.

Но и после того, как сердце Александра Михайловича ощутило близость Бога, он и тогда еще медлил исполнить свое обещание. Его волновал вопрос: «Пригоден ли он для избираемого пути? Не берет ли он на себя легкомысленно непосильное бремя и сможет ли он его понести? Серьезно ли его решение? Не впадает ли в самообольщение? Он страшился не выполнить в своей жизни предназначенную ему свыше волю Божию. Тщательно скрывая от всех свое душевное состояние, он ожидал определенного указания свыше, от Господа. И когда в сердце его зажглась пламенная молитва, когда он ощутил близость Бога, его намерение уйти из мира в тихую иноческую обитель все более крепло. Он сознавал всю важность решения, которое складывалось в его душе, но твердости воли еще не было в нем, чтобы полностью оставить все мирское и посвятить себя Богу, а поэтому ему пришлось обратиться за советом к более мудрому мужу. Поддержку он нашел в лице Троекуровского затворника Илариона, которого он посетил летом 1839 г. Старец принял его ласково и после того, как Александр Михайлович изложил ему свои думы и чувства, ответил: «Иди в Оптину, — и добавил многозначительные слова, — ты там нужен».

Так все более и более обстоятельства благоприятствовали его уходу в монастырь. Но Александр Михайлович все еще не решался привести в исполнение свое намерение. Он направился в Троице-Сергиеву Лавру, чтобы у гробницы преподобного Сергия в горячей молитве испросить благословение на новую трудную жизнь, избираемую им.

И когда он увидел перед собой места, которые некогда были покрыты дремучим лесом и которые были свидетелями уединенных молитвенных подвигов преподобного Сергия, его душу охватило неизъяснимое чувство умиления. Ведь ему были так понятны эти подвиги, они были так желательны для его собственного благоговейного сердца! С трепетом и горячей молитвой припал он к мощам великого молитвенника, испрашивая себе благословения и помощи. Глубокий внутренний мир и спокойная решимость снизошли в душу его в этом священном месте.

С грустью покидал он святую обитель. Теперь его намерение определилось окончательно, и все же самостоятельно он не может покинуть этот мир; необходим был какой-то внешний толчок, последний зов Божий. Поэтому по окончании летних каникул он вернулся в Липецк и приступил к занятиям в училище.

«Легко совершается оставление мира людьми, созданными так, что мир не имеет для них цены, — говорит Е.Поселянин, — такими, как преподобный Сергий, как старец Серафим, с детства призванные, отмеченные перстом Божиим. Но как невыразимо трудно заклание себя в жертву Богу людьми, которые не меньше первых любят Бога и желали бы знать в жизни — Его Одного..., но которые, вместе с тем, множеством связей любовно и крепко привязаны к миру и постигли лучшие стороны жизни, которым в жизни хорошо, как в родной стихии, им не чуждой...».

Вскоре после начала занятий Александр Михайлович был приглашен в гости к одним знакомым. Своими шутливыми словами он настолько рассмешил всех присутствующих, что они смеялись до упаду. Все были в восторге от оживления, после чего в благодушном настроении разошлись по домам. Но для Гренкова настала мучительная ночь. Его так бурно разразившаяся веселость казалась ему тяжким преступлением. «Он понял тут, что в миру ему не совладеть с собой, и в полноте ощутил на себе слова о том, что нельзя работать двум господам, Богу и миру. Он вспомнил обет, данный им в минуту тяжелой болезни и совет старца Илариона, вспомнил свои пламенные молитвы в ночной тиши, вспоминал предчувствие какого-то громадного захватывающего счастья, которое он пережил на месте, где спасался некогда преподобный Сергей». А внутренний голос властно говорил ему: «Будет! Пора положить всему конец! Нельзя служить и Богу и мамоне ([Мф.6:24](#)). Надо выбирать что-нибудь одно! Надо всецело прилепиться к Единому Богу! Надо бросить мир!» Подавив в себе все колебания и сомнения, он сделал окончательный выбор между миром и монастырем в пользу последнего. И через несколько дней тайно, без разрешения начальства, не говоря никому ни слова, покинул Липецк и направился в Оптину Пустынь, куда и прибыл 8-го октября 1839 года.

НАЧАЛО МОНАСТЫРСКОЙ ЖИЗНИ. ПРОХОЖДЕНИЕ РАЗЛИЧНЫХ ПОСЛУШАНИЙ

Духовный руководитель Оптиной братии старец схиархимандрит Лев с любовью принял Александра Михайловича и благословил предварительно пожить на гостинном дворе. Правда, первое впечатление о старце у него сложилось неблагоприятное. «Пришел я к отцу Льву, — рассказывал впоследствии о.Амвросий, — вижу сидит он на кровати, сам тучный, и все шутит и смеется с окружающим его народом. Мне это на первый раз не понравилось». Скоро, однако, его отношение к о.Льву изменилось, когда представился случай убедиться в его громадном духовном опыте и святости жизни. В тот же день, или на следующий, когда он был у о.Льва, пришел к старцу скитский иеросхимонах Иоанн; его только постригли в схиму. Лицо у него было светлое, ангельское, и он очень понравился Александру Михайловичу. Придя в келью о.Льва, схимник поклонился ему в ноги и стал говорить: «Вот, батюшка, я сшил себе новый подрясник, — благословите носить его!». Старец отвечал: «Разве так делают? Прежде благословляются сшить, а потом носят. Теперь же, когда уже сшил, носи, — не рубить же его». Александр Михайлович с этой минуты полюбил старца, «открыл ему свою душу, объяснил ему все обстоятельства своей жизни и просил совета, ожидая от него с трепетом решения своей участи». Старец со вниманием и участием выслушал молодого человека и благословил остаться в монастыре. Живя на гостинном дворе, Александр Михайлович ежедневно посещал старца, слушал его наставления, а в свободное время по его поручению переводил рукопись «Грешных спасение» с новогреческого языка. Работа над этой рукописью принесла ему много пользы, она познакомила его с наукой о духовной жизни, ввела его в область невидимой брани со страстями.

В это время начинаются его «бумажные дела», связанные с освобождением от должности учителя и определением в монастырь, которые продолжались до апреля 1840 года.

В свое время внезапное исчезновение преподавателя духовного училища произвело много шума, и смотритель училища долго не решался возбудить этот вопрос перед начальством. Когда он узнал о местопребывании Александра Михайловича, то послал о. Настоятелю Оптиной Пустыни формальное отношение, в котором просил подтвердить, что Гренков находится в его обители. По благословению старцев Льва и Макария, Александр Михайлович написал ответ смотрителю училища и прошение Преосвященному Арсению, епископу Тамбовскому, в которых просил прощения за самовольность своего поступка и высказал свое намерение поступить в монашество.

В прошении Преосвященному Александр Михайлович, все еще сомневавшийся в твердости своего решения и поэтому желавший пожить в монастыре без точного определения положения, просил владыку, ссылаясь на болезнь, предоставить ему отпуск на шесть месяцев. Самовольность Александра Михайловича произвела на владыку неприятное впечатление, и вместо высылки ему шестимесячного билета он сделал такое распоряжение: «Отнестись в Калужскую духовную консисторию, и объявив, что Тамбовское епархиальное начальство не находит со своей стороны препятствия к увольнению учителя низшего класса Липецкого духовного училища Александра Гренкова в Калужскую епархию для поступления в Оптину Пустынь по его желанию, просить уведомления, согласно ли Калужское епархиальное начальство на принятие его в свою епархию».

В свою очередь Калужское епархиальное начальство послало запрос в Оптину Пустынь о согласии принять учителя Гренкова в обитель. Александр Михайлович, вызванный настоятелем о.игуменом Моисеем, неожиданно был поставлен перед необходимостью дать решительный ответ о своем намерении поступить в монастырь. Он выразил желание остаться в монастыре. И

только 2-го апреля 1840 года, по Указу Калужской духовной консистории, Александр Михайлович Гренков был зачислен в число братства. Несколько раньше — в начале января — он, по благословению старца Льва, перешел в монастырь, оставаясь в одежде мирянина. Теперь, по получении указа о зачислении его в монастырь послушником, его одевают в подрясник и назначают на послушание. Некоторое время он был келейником старца Льва и чтецом (т.е. вычитывал в положенное время для старца молитвенные правила, так как старец, по слабости телесных сил, не мог ходить в храм Божий), затем он был в хлебне, варил дрожжи, пек булки.

Сам старец Амвросий так вспоминал о своем первоначальном пребывании в обители: «Год жил (я) в монастыре на кухне. Пять келий переменял; жил и в келье о.Игнатия, и в башне. На кухне год прималчивал, т.е. спросят что, скажу... А через год меня прямо в келейники взяли».

Исполняя обязанности келейника, Александр имел возможность часто посещать старца. Он относился к старцу со всей искренностью. Видя это, старец Лев возлюбил его. Однако старался воспитать в начинающем послушнике безгневие, смирение и терпение и с этой целью умышленно делал ему несправедливые выговоры, гневно крича на него.

В ноябре 1840 года послушник Александр Гренков переводится из монастыря в скит, где прожил около 50 лет, до самого своего последнего отъезда в Шамордино летом 1890 года. Несомненно, что стремление к строгой духовной жизни молодого учителя было сразу отмечено старцами Львом и Макарием, и они находили, что ему полезнее жить в более безмолвном месте под непосредственным руководством старца Макария. Но и после перехода в скит он продолжал ради душевной пользы ходить к старцу Льву.

Первое послушание в скиту послушник Александр нес на кухне, исполняя обязанности помощника повара. Черная и трудная кухонная работа не смутила бывшего преподавателя духовного училища. «Молодой послушник, уже понявший цену беспрекословного послушания богомудрым старцам, не стал рассуждать, что послушание не по нем, не по его силам..., а принял назначение старцев со смирением, как из уст Самого Господа». Из жизнеописаний старца не видно, чтобы он когда-нибудь смутился каким-либо низким послушанием. Поваром на кухне был простодушный молодой послушник Герасим, который на год раньше Александра поступил в скит, а по возрасту был на год моложе. Он был, подобно Александру, веселого характера и любил поговорить. Александр сначала старался воздерживаться от посторонних разговоров, но с простодушным братом Герасимом он часто и откровенно беседовал. Поводом почти всегда служила одна причина: «горячая вода». И пока вода остывала, молодые послушники садились обыкновенно на прилавок, и дружеская непринужденная речь лилась из уст обоих, как быстро бегущая вода журчащего ручейка. Тут нередко вспоминались случаи из прожитой жизни, каковых у собеседников было не мало. Впрочем, все эти воспоминания сводились всегда у них к одному заключению: «Слава и благодарение Премилосердному Господу, Своим дивным Промыслом избавившему нас от всей этой мирской суеты и пустоты и направившему ноги наши на путь мирен, в тихой обители тружеников Божиих!» Эти беседы среди уединенной однообразной трудовой жизни были своего рода некоторым развлечением.

Вообще же Александр Михайлович старался в то время, по наставлению старцев, более внимать себе: избегал близких знакомств с кем бы то ни было, выходя из кельи лишь в церковь, на молитвенное правило, на послушания да к старцам.

Поварская работа отнимала у молодого послушника большую часть дня. Она обязывала его приступать к ней с самого раннего утра и заканчивать после вечерней трапезы. Поэтому ему мало приходилось бывать на богослужениях, но это приучало его к внутренней молитве во всякое время и везде. «Молитва Иисусова часто бывала на его устах, когда его руки были заняты житейскими работами».

Александр Михайлович имел возможность постоянного общения со старцем о.Макарием, что очень поддерживало и радовало его душу. «Как в то время Господь ко мне был милостив, — пишет он. — К старцу приходилось мне по послушанию ходить каждый день, да и в день-то побываешь не один раз: то сходишь (как к начальнику скита) благословиться насчет кушаний, то ударять к трапезе». При этих посещениях послушник Александр рассказывал старцу о своем душевном состоянии. Поэтому его жизнь протекала без бурь и жестокой борьбы, и если были искушения, то благодаря своевременной исповеди и мудрым советам старца они легко побеждались, после чего в его душе восстанавливались мир и спокойствие. Так, например, было через три-четыре месяца после начала его послушания на кухне скита, когда его назначили главным поваром. Причиной этому послужило то, что Герасим отлучился в это время по личным делам к себе на родину. А когда он возвратился, то его не оставили в прежней должности, а предложили быть помощником Александра. Это понижение вызвало бурю

волнений у Герасима и крайнее смущение Александра. Но это возмущение недолго беспокоило молодых послушников, оно быстро рассеивалось после того, как каждый из них рассказывал о своих помыслах старцу. Между ними воцарился мир, и они опять стали задушевными друзьями.

Мудрые старцы Лев и Макарий старались, по выражению св. Иоанна Лествичника, «изыскать случаи для приобретения подвижающимися в деле спасения братьями венцов терпения». Таким же образом они поступали и с начинающим монашеский путь новоначальным послушником Александром. Однажды старец Лев надел ему на голову в присутствии многочисленного народа шапку одной монахини. Этим прозорливый отец указывал на будущую его заботливость о монахинях, но в тот момент молодому послушнику стоять в женской шапки среди народа было не очень приятно. В другой раз старец грозно отчитал его в присутствии лучших его друзей по духовному училищу. Когда они пришли к о.Льву, в это время в монастыре ударили в колокол к вечерне. «Старец, сидевший на койке, в самоуглублении, с великим благоговением произнес обычное иерейское славословие Господу: «Благословен Бог наш всегда, ныне и присно, и во веки веков». Александру вообразилось, что старец сотворил обычное начало вечернего правила. «Аминь, — возгласил он. — Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе. Царю Небесный» и пр. Вдруг старец останавливает его замечанием: «Кто тебя благословил читать?» Александр, по оптинскому обычаю, становится пред старцем на колени, кланяется в ноги и просит прощения. Старец продолжает его отчитывать, а на долгие смиренные просьбы послушника, он, как будто вовсе не замечая их, только стучал ногами, размахивал над его головой руками и грозно восклицал: «Ах ты, самочинник! Ах ты, самовольник! Да как ты это смел сделать без благословения?»

В это время Александр уже твердо стал на монашеский путь и во всем стремился отсекал свою волю и раздражение. Иногда старец не обращался к нему даже по имени, а просто называл «Химерой». «Таким-то горьким опытом, — свидетельствует Агапит, такою-то дорогой, кровавой ценой мало-помалу стяжевал о.Александр боголюбезную добродетель смирения, и, так сказать, закаливался в терпении скорбей, которые нередко приходилось ему переносить от искренно любившего его старца о.Льва». Испытания смирения и воли послушника давали хорошие плоды. Старец часто говорил о нем в его отсутствие: «Великий будет человек».

Но недолго пришлось юному подвижнику руководствоваться окормлением мудрого старца. 11 октября 1841 года о.Лев переселился в вечные обители. Скорбь послушника Александра увеличилась тем, что он не мог присутствовать при погребении, так как был занят обычным своим поварским послушанием.

Но эта скорбь не была безутешна, потому что остался другой духовно близкий человек — о.Макарий. Незадолго до смерти о.Лев, прозревая о своем любимом молодом послушнике Александре будущего великого старца, поручил его особенному попечению своего сотаинника — старца о.Макария. Сам отец Амвросий об этом вспоминал так: «Покойный старец тогда призвал к себе батюшку о.Макария и говорит ему: вот человек больно уютится к нам, старцам. Я теперь уж очень стал слаб. Так вот я и передаю тебе его из полы в полу, — владей им, как знаешь». Александр всецело передал себя руководству старца Макария, еще раньше, после перевода в скит, он горячо возлюбил его и теперь продолжал служить ему так же усердно, как и о.Льву. Старцу нравился скромный и расторопный ученый послушник, и он благословил перейти ему на новое послушание. Вскоре после кончины старца Льва послушник Александр Гренков стал келейником о.Макария.

С кончиной старца Льва духовное окормление братии Оптиной Пустыни и всех духовных чад, прибегающих к его мудрому руководству, не прекратилось. «Взоры всех, приверженных к старчеству, обратились к о.Макарию, и не напрасно: он вполне заменил о.Льва», — писал архимандрит Григорий. В последние годы жизни о.Льва он как равный разделял его труды.

Послушник Александр, находясь у основания старчества, Промыслом Божиим подготавливался к своему будущему служению. Он помогал старцу, как некогда и о.Льву, в обширной переписке с лицами, просившими духовных советов и назиданий. В дальнейшем он стал помощником старца в духовном окормлении братии и посетителей. Келейником о.Макария он пробыл четыре года. О том, какое влияние это близкое общение со старцем оказало на духовную жизнь и мудрость будущего старца Амвросия, можно судить по тому, как о.Амвросий в своих разговорах нередко употреблял выражения: «батюшка о.Макарий говаривал так-то», «при батюшке о.Макарий бывало так-то», «батюшка о.Макарий в таких случаях поступал так-то».

Для Александра Гренкова это были годы высшей школы, когда он постигал науку из наук — монашескую жизнь. О том, как он терпеливо переносил искушения и приобретал смирение и послушание, уже было сказано. Кроме смирения и послушания, юный подвижник приобретал навык молитвы, нестяжательности и многих других добродетелей. Любовь к молитве он имел еще в миру, и здесь «в тишине скитской жизни, среди иноков-подвижников, под руководством великих старцев-молитвенников, при собственном неудержимом стремлении к богослужению, молитва должна была найти себе простор в его душе».

О нестяжательности и нищелюбии молодого подвижника говорит убогость его кельи и простота одежды. Вот как описывается в жизнеописании старца посещение его келий Павлом Степановичем Покровским — другом Александра Михайловича по духовному училищу в Липецке: «Войдя в эту келейку, Павел Степанович прежде всего поражен был ее крайней нищетой. В святом углу виднелась уже знакомая нам маленькая икона Богоматери, — родительское благословение Александра Михайловича. На койке валялось что-то вроде истертого полушубка, который служил и подстилкой и изголовьем; а укрывался он, вероятно, подрясником, который носил на себе; затем еще ветхая ряса с клобуком. Больше он ничего не заметил».

Ежедневное внимательное испытание своей совести и чистосердечное откровение помыслов старцу ограждали его от всяких неожиданностей в жизни духовной, от подвигов «не по разуму». Все это вместе взятое способствовало его быстрому духовному возрастанию.

ПОСТРИЖЕНИЕ И СЛУЖЕНИЕ В СВЯЩЕННОМ САНА

Еще летом 1841 года послушник Александр был пострижен в рясофор, а через год, по предоставлению своего начальства и согласно разрешению Св. Синода, 29 ноября 1842 года был пострижен в мантию и наречен Амвросием, во имя св. Амвросия, епископа Медиоланского. В это время ему исполнилось 30 лет, из них три года он провел уже в Оптиной Пустыни.

Многие высказывали удивление по случаю такого скорого пострижения. Некоторые говорили, что этому постригу способствовали благоприятные обстоятельства: во-первых, правящий в это время Калужский архипастырь Николай всегда был расположен к скорейшему пострижению в монашество с посвящением в последующие затем степени священства людей, получивших школьное образование; во-вторых, в Синоде служил одноклассник и друг Александра Михайловича, который немедленно выхлопотал разрешение на пострижение. Но, несомненно, во всем этом действовал Премудрый Промысел Божий, направляющий все обстоятельства людей к благим целям. Если принять во внимание только одно обстоятельство, что молодого инок Амвросия ожидал в недалеком будущем крест болезней, то всякое замедление пострижения его в мантию и посвящения в степени священства неблагоприятно отразилось бы на дальнейшей его духовной судьбе: ему не пришлось бы, возможно, вовсе быть иеромонахом, а, следовательно, и духовником, а это было бы великим ущербом для будущих его духовных детей.

Через два месяца, 4 февраля 1843 года, о. Амвросий был рукоположен в иеродиакона, а 9 декабря 1845 года — в иеромонаха. Сам о. Амвросий считал себя недостойным диаконского сана, а тем более — священства. Живя около старцев, он видел, что священнослужитель не только исполнитель священных действий, но и пастырь овец словесных. Пример старцев показывал всю сложность и ответственность этого подвига. Но не трудности пугали о. Амвросия, а ощущение собственного недостойнства и неподготовленности к этому высокому служению. Свои мысли он высказывал старцам, которые давали утешительные наставления во всем полагаться на Промысел Божий и Его милосердие.

Служение о. Амвросия у престола всегда сопровождалось чувством глубокого благоговения. Так, много лет спустя он говорил одному немощному иеродиакону, который тяготился отправлением чреды священнослужения: «Брат! Не понимаешь дела, — ведь жизни причащаешься».

Однако о. Амвросию недолго суждено было приносить Господу бескровную жертву. С первых дней после посвящения его постигла болезнь, которая со временем навсегда лишила его возможности и утешения совершать Божественную литургию. Еще в декабре 1845 года при поездке в Калугу для посвящения во иеромонаха он простудился и стал чувствовать постоянное недомогание. Однако сразу вылечиться не мог, так как новорукоположенному необходимо было постоянно участвовать в богослужении. По временам он бывал так слаб, что не мог долго держать потир в руке, и, как старец рассказывал сам, ему иногда приходилось прерывать приобщение народа, возвращаться на время в алтарь и ставить чашу на престол, чтобы дать отойти онемевшей руке.

В сентябре 1846 года о. Амвросий выехал по Белевской дороге за 18 верст от Оптиной навстречу Курскому архиепископу Илиодору, которого он должен был пригласить посетить обитель, а 17 сентября заболел так серьезно и пришел в такое изнеможение, что 26-го октября во время утрени был особорован и приобщен Св. Христовых Тайн. В это время он был келейно пострижен в схиму с сохранением имени Амвросия. Болезнь затягивалась, лечение не помогало, и в декабре 1847 года он заявил, что желает остаться в обители за штатом. Только летом 1848

года после почти двухлетней жестокой болезни о.Амвросий стал выздоравливать и выходить на воздух.

Эта тяжелая и продолжительная болезнь была явным действием Промысла Божия. Еще перед этой болезнью, летом 1846 года, о.Амвросий, тоже по причине болезненного состояния, освобождается от келейничества и, по ходатайству о.Игумена Моисея и старца Макария, получает от архиепископа Николая назначение быть помощником о.Макарию в духовничестве. В это время о.Амвросию было только 34 года, но старцы монастыря видели, что он в своей духовной жизни достиг высоких степеней нравственного совершенства и сможет принести большую пользу нуждающимся в духовном руководстве. Постигшая о.Амвросия тяжелая болезнь имела большое значение для его духовной жизни: она умерила живость его характера, предохранила его, быть может, от развития в нем самомнения и побудила его глубже войти в себя, лучше понять самого себя и человеческую природу. Болезни не покидали его до последних дней его жизни.

Несмотря на свои многочисленные болезни, о.Амвросий не только никогда не скорбел о них, но считал их необходимыми как лучшее средство для воспитания души. И насколько его внешний человек предавался тлению, настолько внутренний обогащался духом.

В это время одновременно с помощью старцу Макарию в духовничестве о.Амвросий вместе с другими учеными братьями занимался переводом святоотеческих писаний и подготовкой их к изданию. Эти труды продолжались вплоть до самой смерти иеросхимонаха Макария (7 сентября 1860 г.). Были изданы писания преподобных отцов: Нила Сорского, Варсонофия Великого и Иоанна, Симеона Нового Богослова, Феодора Студита, Максима Исповедника, Исаака Сирина, аввы Фаласия и аввы Дорофея; всех изданий было шестнадцать. Только один перечень имен святых отцов показывает, какими обширными познаниями обогатился о.Амвросий, участвуя в этой работе.

Перевод этих святоотеческих писаний был сделан старцем Паисием Величковским, но для издания их требовалась еще значительная обработка. Эта значительная работа была проделана некоторыми оптинскими монахами. В этих трудах заключалась и награда трудившимся. Так, один из участников этих трудов — о.Леонид (впоследствии архимандрит, наместник Троице-Сергиевой Лавры) — вспоминает: «Как щедро были награждены мы за малые труды наши! Кто из внимающих себе не отдал бы несколько лет жизни, чтобы слышать то, что слышали уши наши: это — объяснения старца (Макария) на такие места писаний отеческих, о которых — не будь этих занятий, — никто из нас не посмел бы и спросить его, а если бы и дерзнул на сие, то несомненно, получил бы смиренный ответ: «Я не знаю сего, этой не моей мерью». Какая требовалась глубина мысли и духовного опыта, чтобы составить примечания к писаниям святых отцов! И несомненно, что труд над творениями святых отцов явился для о.Амвросия как был школой систематического изучения аскетической литературы под руководством умудренного большим духовным опытом иеросхимонаха Макария.

Внешняя обстановка жизни о.Амвросия в этот период оставалась такой же простой, как в первые годы. В келье его по-прежнему царила полная нищета. В переднем углу стояло несколько икон. Около двери висели ряса и подрясник с мантией. Затем кровать с постланным на ней холщовым, набитым соломой, тюфяком и такой же подушкой. Под рукой у него была корзина, которая, вероятно, служила ему вместо комода или сундука. В употреблении пищи о.Амвросий, как и прежде, соблюдал крайнее воздержание. И во всем он хранил полное послушание старцу Макарию. «Казалось, что у о.Амвросия не было своей воли в распоряжении даже келейными мелочными вещами, а во всем воля старца, и во всем давался и отчет старцу о. Макарию». Вся иноческая жизнь о.Амвросия, протекавшая под окормлением мудрых старцев, шла ровно, без особых преткновений.

Оказывая о.Макарию значительную помощь в его переписке, о.Амвросий многое черпал из богатейшего источника мудрости этого старца. Многие письма, приходившие на имя о.Макария, о.Амвросий тоже читал. Ответы писались или под диктовку о.Макария, или непосредственно самим о.Амвросием. Все это способствовало тому, что он основательным образом познавал человеческую душу с ее тайными изгибами, с ее немощами и силами, это знакомило его с мирским человеком. Тут он научился любить страждущего человека до самопожертвования.

С 1846 года старец о.Макарий благословлял некоторым из братии обращаться за духовными советами к о.Амвросию. Один из них (о.Геронтий) рассказывал: «Ходили на совет к о.Амвросию только немногие из монастырских и скитских братии и не иначе, как по благословению старца Макария: о.Амвросий, хотя и старчествовал, но как бы прикровенно». Но уже в 1852 году старец Макарий, уезжая по личным делам в Москву, объявил, что во время его отсутствия по всем духовным вопросам за советами обращаться к иеромонаху Амвросию. А советовал о.Амвросий, всегда основываясь на учении святых отцов. «Придешь, бывало, к нему..., — вспоминал один из иноков, — скажешь, что нужно; а он развернет книгу и заставит меня прочитать ответ на мое недоумение. В то время я возымел было ревность к высоким иноческим подвигам, но о.Амвросий вразумил меня, что ревность моя была не по разуму, и заставлял меня прочитывать св. Исаака Сирского в Добротолубии». Наставления о.Амвросий преподавал не от своего мудрования, а непременно из учения св. Отцов. Для этого он обычно раскрывал книгу того или другого отца, находил, сообразно с устройством пришедшего брата, главу писания, давал ему прочитать и затем спрашивал, как брат понимает ее. Если кто не понимал прочитанного, то старец мудро разъяснял содержание святоотеческого учения своими словами. Но очень часто самыми простыми словами он поучал братию находить внутренний мир и упокоение в самоиспытании и самоукорении, ибо сам опытно убедился в спасительности этих действий. И несомненно, что это внимание себе способствовало самому старцу в приобретении умной молитвы и созерцании Бога.

Игумен Марк, которому старец Макарий благословил обращаться с откровением помыслов к о.Амвросию, вспоминал: «Иногда... я заставлял его лежащим на кровати и слезящим, но всегда сдержанно и едва заметно. Мне казалось, что старец Амвросий всегда ходил пред Богом, или как бы ощущал присутствие Божие».

Около этого времени духовному окормлению о.Амвросия уже были поручены монахини Борисовской пустыни Курской губернии. Старец Макарий знакомил его с некоторыми боголюбивыми посетителями обители, которые искали духовного окормления, и благословлял вести душеполезные беседы в хибарке, примыкающей к келье старца снаружи скитской ограды, где принимался женский пол. То, что вокруг старца постепенно собирался народ свидетельствует о том, что о.Амвросий уже возрос «в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова» ([Еф.4:13](#)) и был способен преподать духовное утешение ищущим его. Старец о.Макарий иногда шутил, указывая на о.Амвросия, окруженного толпой: «Посмотрите-ка, посмотрите! Амвросий-то у меня хлеб отнимает, хлеб отнимает».

Так постепенно о.Амвросий Промыслом Божиим готовился к самостоятельному старчеству. Постоянное духовное руководство старца Макария, внимательное изучение святоотеческих подвижнических творений, но более всего постоянный личный подвиг молитвы и непрерывного внимания себе — подготавливали о.Амвросия к этому великому служению.

НАЧАЛО СТАРЧЕСКОГО СЛУЖЕНИЯ

7-го сентября 1860 г. Господь благоволил отозвать из земной жизни в вечное упокоение старца Макария. Казалось бы, что с кончиной о.Макария Оптина Пустынь и ее посетители навсегда останутся без духовного окормления. Но Господь не оставил жаждущих спасения без духовного вождя. Вместо старца Макария Промыслом Божиим поставляется на это великое служение миру о.Амвросий.

Вначале он был мало кому известен как духовный руководитель. К тому же и годами он был не стар: всего 48 лет. Поэтому, кроме тех, кому о.Макарий еще при своей жизни поручил обращаться к о.Амвросию, никто не пользовался его духовными советами. Монашествующие, а также многие из посетителей монастыря не могли сразу избрать постоянного руководителя, переходя от одного иеромонаха к другому, и были «аки овцы, не имущие пастыря» ([Мф.9:36](#)). Но такое разделение существовало недолго. Не мог остаться незамеченным тот, кто имел такое же любвеобильное сердце, как и старец Макарий, кто отказался от своей воли и жил такими же стремлениями и желаниями. И некоторые видели это. Еще в то время, когда все знающие о.Макария находились в глубокой скорби по поводу его кончины, один из его духовных сыновей — К.К. Зедергольм писал своему брату: «Доселе мне кажется, что с батюшкою о.Макарием скончалось все утешение мое. Обращаюсь к о.Амвросию, истинному ученику батюшки, проникнутому его духом». Господь благоволил поставить горящий светильник на подсвечнике, который бы освещал и показывал путь многим блуждавшим во тьме. И действительно, этот свет настолько стал видимым, что к нему начали стекаться люди со всех уголков России. Все они, обремененные тяжелым трудом над восстановлением в себе искаженного образа Божия и очищения своего сердца от страстей, нуждались в помощи более искусного и умудренного опытом руководителя.

Старец Амвросий и стал таким руководителем, знатоком сокровенных движений человеческого сердца, любвеобильным наставником, обладателем духовных сокровищ, которые он приобрел великими трудами.

Так исполнились слова троюковского старца Илариона, сказанные им двадцать один год назад Александру Гренкову, тогда еще молодому человеку: «Иди в Оптину. Ты там нужен». И действительно, теперь он был крайне нужен в Оптиной Пустыни, потому что никто из монашествующих в обители, кроме него, не мог стать на место о.Макария.

С течением времени слухи о духовной опытности и мудрости о.Амвросия все более распространялись, и число обращавшихся к нему все более возрастало. Смотревшие первоначально на о.Амвросия с недоверием, стали изменять о нем свое мнение. Так, одна знатная женщина, бывшая духовной дочерью о.Макария, после его смерти не желала идти к о.Амвросию и иногда даже порицала его. Однажды, случайно встретившись с ним и получив духовное назидание, она была поражена этой беседой и впоследствии говорила: «Я знала обоих, но чувствую, что о. Амвросий еще выше о. Макария». Постепенно имя его стало известно и в богатых палатах и в бедных хижинах. Все более и более расширялся круг лиц, пользовавшихся духовными советами и руководством о. Амвросия, как среди братии обители, так и среди приезжавших в Оптину Пустынь монашествующих и светских лиц. С утра до вечера он только и жил заботой о ближних. Он никогда никому не отказывал в совете и помощи. А сколько людей он привел к Богу своими благодатными советами и своей сострадательной любовью! Он жил жизнью других, радовался их радостями и печалился их печальями.

Отец Амвросий, как истинный пастырь, знал, что там, в ищущем Бога мире, много алчущих и жаждущих Христова слова, любви и веры. Поэтому он и любил этот мир и отдал ему всю свою

жизнь. Все приходившие к нему — богатые и бедные, ученые и простецы, — чувствовали себя пред ним только смертными. С особой отеческой любовью принимал старец тех, кого терзали горести, печали, уныние, кто стоял на распутье и не знал, каким путем идти ему в жизни. Он принимал также и тех, кто был обуреваем сомнениями и жил вне спасительной ограды Христовой Церкви. С каким угнетенным душевным состоянием и с какими стонами неутолимых печалей и мук приходили к о.Амвросию люди из мира! Старец с открытым сердцем выслушивал их скорби и тотчас накладывал пластырь на душевные раны, давая нужные советы и наставления. Он твердо верил, что **все страдания мира, как бы ни были они сильны, жестоки и изощренны, не могут победить Божественной любви, в лучах которой тает и исчезает всякое страдание и уныние.** Сколько утешения, успокоения и отрады вливали в души этих скорбящих и обремененных людей благодатные наставления, беседы и молитвы любвеобильного старца! А иногда даже от одной встречи со старцем посетители получали большую пользу для своей души. Страдание их утихало прежде, чем старец начинал говорить. Туча душевная рассеивалась, и успокоение, какое-то тихое и благодатное, наполняло их души. Одаренный духовным рассуждением, острой памятью и словом, отец Амвросий всякому приходящему к нему давал соответствующие наставления из Священного Писания и отеческих книг. Его беседы были преисполнены глубокого смирения; они согревали охладевшие сердца, открывали душевные очи, просвещали разум, призывали людей к раскаянию, душевному миру и к духовному возрождению, они покоряли сердца людей, вселяя в них благодатный мир и тишину.

Все наставления старца Амвросия убедительно свидетельствуют о его искренней преданности делу спасения человеческих душ. Он понимал всех, кто жаждал получить слово утешения, вразумления, кто алкал услышать слово о Вечной, Животворящей Правде Божественной, всех жаждущих напоил живительной водой из благодатного кладезя — своей богопросвещенной души. Спасая других, он и сам восходил на вершину богообщения и слушающих его возводил за собой.

Словом — вот чем служил миру старец Амвросий. **Его слово горело огнем неотразимого благодатного убеждения; оно согревало теплотой любви каждое сердце,** было чуждо холодности и внешней вычурности и несло всем мир и счастье. Слово старца Амвросия, изображая земную жизнь как подвиг временного странствия на пути к вечной жизни, звало людей к жизни, к жизни истинно христианской, совершенной, возвышенной, духовной. О.Амвросий отдал всего себя, все свои силы, разум, сердце и волю великому делу назидания и христианского руководства своих духовных чад. Все наставления, назидания и поучения старца Амвросия имели своей целью святость отрешенности от всего мирского, земного, льстящего греховному человеческому разуму. Старец, подобно апостолам, звал всех к жизни небесной; он каждого призывал стяжать нетленное богатство Богосыновства, соделаться наследником Царствия Божия по благодати усыновления. К нему могут быть приложимы слова Христа Спасителя о том, что блажен тот, кто «сотворит и научит, сей великий наречется в Царствии Небесном» ([Мф.5:19](#)). И, исполняя волю Небесного Учителя, старец учил людей. Учил до последней минуты своей жизни, учил ежедневно, оставляя самое малое время для отдыха и молитвы, но и в молитве он непрестанно вздыхал за своих пасомых и о всем человечестве. **Это была беспредельная любовь, горевшая желанием всем помочь, всех утешить, всем спастись.** Эта самоотверженная любовь к людям была характерной чертой иеромонаха Амвросия. Любовь побуждала его заботиться о каждой душе христианской, скорбящей и озлобленной. Она была «крепка, как смерть» (Пес.8:6), ради нее он готов был терпеть тысячи раз муки рождения ([Гал.4:19](#)) и от которой не могли разлучить его ни холод, ни теснота, ни многие жизненные трудности ([Рим.8:35](#)). Эта любовь в старце достигла высоты евангельского

совершенства. Она любила только «человека», и любила его во Христе. По подобию любви Первообраза она хотела «всем человеком спастися и в разум истины приити» ([1Тим.2:4](#)). **Подвиг его любви к ближнему изумлял его современников и волнующе захватывал и восхищал души последующих поколений русских людей.**

Но сам старец как будто бы не видел ни своих постоянных трудов, ни подвигов любви и постоянно укорял себя в «ничегонеделании», прося молиться о том, чтобы всеблагий Господь не вменил ему в вину его «неделательное глаголение». Глубочайшее смирение и постоянное самоукорение лежали в основе всей жизни и деятельности иеромонаха Амвросия. Он и подвиг старчества принял на себя, видя в этом волю Божию и нисколько не считая себя достойным этого ответственного служения.

Великое дело быть оптинским старцем, особенно после духоносных подвижников, известных всей России — о.Леонида и о.Макария. К старцу в Оптину шли как к святому человеку, веря и надеясь, что получают исцеление от недугов духовных и болезней телесных. И если о.Амвросий страшился в свое время принять диаконский сан, то как он мог не ужасаться великой и страшной ответственности перед людьми и Богом, какую налагало на него старческое звание!? Он видел в себе полное бессилие и одну греховность, и только глубокая вера и надежда на милость Божию, сознание, что он лишь орудие в руках Промысла Божия, а также сознание своего пастырского долга вдохновили его на подвиг старчества.

Волю Божию — быть ему старцем — о.Амвросий впервые узрел в словах отца Макария, сказанных незадолго до его кончины: «Будешь жить в хибарке по ту сторону ворот, и смотри — вот тебе мой завет — никого из приходящих не оставляй без утешения». По смирению о.Амвросий вступил на путь старчества, со смирением шел по нему до последних дней своей жизни. «Я грешен: неразумен и немощен душевно и телесно», — вот что постоянно раздавалось в его сердце. Поэтому все его беседы, поучения и особенно письма проникнуты внутренним сознанием своих немощей как душевных, так и телесных. Как часто он покаянно вздыхает, что, уча других, сам он не исполняет того, чему учит! Апостольское увещание: «Научая убо инаго, себе ли не учиши?» ([Рим.2:21](#)) — он всецело относил к себе. Старец сам опытно прошел скорбный путь послушания и уничижения под руководством опытных старцев, прежде чем приобрел истинное смирение. Этот личный опыт он с радостью и готовностью передавал другим. «Когда человек понуждает себя смиряться, — поучал он одну монахиню, — то Господь утешает его внутренне, и это-то и есть та благодать, которую Бог дает смиренным». Преподавая мудрые советы другим, старец по своему смирению сам искал совета у других, не полагаясь на свой разум: По кончине старца Макария, не имея к кому обратиться за советом в своей обители, о.Амвросий обращался к своему архипастырю Григорию. Когда же он узнал от достоверных людей об одном странствующем духовном старце, то постарался с ним сблизиться и затем постоянно писал к нему с той целью, чтобы все сделать с советом другого, в чем видел выражение воли Божией, боясь поступать по своей воле.

ВНЕШНИЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ СТАРЦА АМВРОСИЯ И ЕГО КЕЛЕЙНОЕ ПРАВИЛО

Старец Амвросий каждую минуту своей жизни посвящал служению ближним. И чтобы хоть немного понять это, необходимо рассмотреть образ жизни о.Амвросия.

Внешняя обстановка жизни о.Амвросия была самая скромная. По кончине старца Макария он перебрался в другое помещение — в домик, который находился справа от святых ворот скита, коридором он разделялся на две половины. В одном — келья старца, в другой — приемная келья, где он принимал почетных гостей, и келья второго его послушника. Вход в скит лицам женского пола был запрещен, но расположение домика близко около ограды дало возможность построить между домом и оградой помещение с отдельным входом, позволяющим входить в эту комнату, не заходя в скит. Старец называл ее «хибаркой», и служила она для приема посетительниц. Во всех перечисленных помещениях, как в домике, так и в хибарке находились святые иконы. В частности, в келье старца находились: икона «Нерукотворного Образа», иконы Божией Матери «Тамбовская» — родительское благословение, «Скоропослушница», «Киево-Печерская» с предстоящими преподобными Антонием и Феодосием и икона св. великомученика Пантелеимона. Здесь же на стенах висели портреты выдающихся духовных лиц: митрополитов Филарета Московского и Филарета Киевского, Вышенского затворника епископа Феофана, Троекуровского затворника Илариона, протоиерея Феодора Александровича Голубинского, протоиерея Иоанна Ильича Сергиева, оптинских старцев: иеросхимонаха Леонида, иеросхимонаха Макария, архимандрита Моисея и другие портреты. Кроме койки в келье был еще аналой в виде шкафчика с необходимыми книгами для вычитывания правил, а также стол-"конторка», где писарь писал диктуемые старцем письма, шкаф со святоотеческой литературой, два старинных кресла для почетных гостей и несколько стульев.

Повседневная жизнь о.Амвросия начиналась с келейного правила. Старец вставал в часа четыре. По его звонку приходили келейники и прочитывали утренние молитвы, двенадцать избранных псалмов и первый час. Отдохнув немного, старец слушал третий, шестой часы, изобразительные псалмы, а также канон (в зависимости от дня) с акафистом Спасителю или Божией Матери. Вечернее молитвенное правило состояло из малого повечерия, канона Ангелу Хранителю и вечерних молитв. По окончании правила старец испрашивал у предстоящих прощение, после чего они брали у него благословение и направлялись к выходу. Как видно, правило было несколько даже меньше обычного монашеского правила, но необходимо учесть, что о. Амвросий нес тяжелый крест болезней и подвиг служения народу. Целый день дверь его кельи была открыта, и сотни лиц шли к нему, чтобы получить от него духовное утешение, разрешение житейских вопросов, укрепление, вразумление, прощение грехов. И так каждый день, и не один год, а в течении более тридцати лет. Измученный, усталый, едва переводя дыхание, старец, возвратившись в свою келью, вместо отдыха слушал краткое правило. Если все это представить, то станет ясно, что и это правило стоило ему больших усилий.

Тяжело заболев, о.Амвросий терпеливо нес тяжкий крест болезней до самой кончины. В 1871 году из-за геморроидальных истечений старец настолько обессилел, что долгое время не мог сам переходить из кельи в келью и был вынужден передвигаться с помощью келейников. К этому еще надо добавить, что старец был очень чувствителен к перемене температуры и при небольших изменениях быстро простуживался. Старец сам говорил: «Жару и холод равно не выношу. В меру только один семнадцатый градус, а выше и ниже дурно влияет». В зимнее время, не выходя из кельи, старец часто получал сильную простуду от одного холодного

воздуха, если посетители, не обогрившись, входили к нему прямо с улицы. Старец также страдал расстройством желудка, так что даже небольшое количество пищи (обычно старец съедал не более чем может съесть трехлетний ребенок) вызывало у него рвоту. В одном из писем старец писал: «Болезненные прижимки во всем теле есть, и от холоду и от невольного голоду. Много вещей есть, да многое нельзя. Слабый желудок и неисправные кишки не позволяют. Впрочем, по старой привычке, я все-таки понуждаюсь есть, хотя после и приходится большую тяготу понести от головной боли и от рвотной доли». Старца мучила также испарина, по причине которой он часто менял белье и носки. В довершение всего чувствовалась постоянная слабость, невозможность хоть малое время стоять на ногах. Все эти недуги лишали старца возможности совершать Божественную литургию, о чем он очень скорбел. Доктора, которые по просьбе лиц, любивших старца, навещали его, всегда говорили, что его болезни особенные. «Если бы вы спрашивали меня о простом больном, — говорил один из них, — я бы сказал, что остается полчаса жизни, а он, может быть, проживет и годы». Старец существовал благодатию. Он не отказывался от медицинской помощи. У себя в келье он имел полочку, заставленную разными лекарствами, но всю надежду возлагал на Господа и Его Пречистую Матерь.

Во время тяжелых болезней, по просьбе старца, в его келье служились молебны перед чудотворными иконами Божией Матери, которые приносились по этому случаю из других мест. Так, в 1871 году (как уже говорилось, старец тяжело болел в этом году) из Козельска приносилась чудотворная икона Божией Матери «Ахтырская»; из Мещевского Георгиевского монастыря — икона «Всех скорбящих Радосте»; из села Калуженки — «Калуженская». По заказу почитателей старца, на Афоне была написана и доставлена в его келью икона св. великомученика Пантелеимона, молитвы перед которой доставляли ему значительное облегчение. И часто болезнь старца, подолгу беспокоившая его и не уступавшая никаким врачебным средствам, в таких случаях прекращалась. О том, как страдал старец, видно из его слов, которые однажды невольно вырвались у него: «Если я скажу иногда про свое здоровье, то только часть. А если б знали все, что я чувствую... Иногда так прижмет, что, думаю, пришел конец». Старец терпеливо и со смирением переносил все испытания. Часто от него можно было слышать: «Терпел Моисей, терпел Елисей, терпел Илия, так потерплю же и я».

Только в молитве старец находил утешение в поддержку своим крайне слабым силам. Но сам старец о своей молитве говорил так: «Вот в Глинской пустыне умер один старец, так у него часа три после смерти рука все перебирала четки. А я вот, грешный, и не знаю, когда только их перебирал, — добавил батюшка со вздохом и печально махнул рукой. — Я даже и в монастыре-то, пожалуй, всего только один год прожил». Но как много мы находим в его жизнеописании свидетельств горячей, слезной молитвы старца Амвросия. Например, когда в его келье отправлялся молебен с акафистом перед чтимой им келейной иконой Богоматери «Достойно есть», он умиленно взирал на благодатный лик Царицы Небесной, и все видели, как слезы струились по его исхудалым щекам. **Когда он молился, все лицо его преображалось, и он погружался в созерцание неизреченной славы небесной.** Один раз келейник старца, подходя к нему под благословение в конце утреннего правила, **увидел лицо старца светящимся.** Позже он по своей простоте спросил его: «Или вы, батюшка, видели какое видение?!» Старец, не сказав ему ни слова, только слегка стукнул его по голове рукой (это было знаком особенного старческого благоволения). Старец Амвросий всегда имел особое благоговение к Божией Матери, как к единой всемогущей Предстательнице и Заступнице рода христианского пред Ее Сыном, Царем и Господом. Поэтому ни одного Богородичного праздника не пропускал он без того, чтобы не отправить пред Ее святой иконой келейного бдения.

Как истинный подвижник, старец Амвросий всегда чувствовал потребность молитвы, ибо

только в молитве он обретал необходимую духовную и телесную силу, нужную для его высокого старческого подвига. Ни одного своего решения старец не принимал без усердной молитвы и без ясного указания Божия. Одна Шамординская монахиня рассказывает, что о.Амвросий назначил ей трудное послушание в трапезной. Не надеясь на свои силы, она несколько раз просила освободить ее, но старец неожиданно сказал: «Ведь я же не сам тебе назначил это послушание, такова воля Царицы Небесной».

О.Амвросий, как и каждый подвижник, стремился к уединенной молитве. Иногда он удалялся в монастырскую дачу, находящуюся верстах в десяти от монастыря, а когда усердием его почитателей была построена отдельно стоящая лесная келия, он уезжал туда. Там его также ожидали посетители. И только ночью, когда весь мир спит, когда спят те, которые оставили в его кельи свои горести и грехи, старец Амвросий, забывая себя, протягивал к небу свои руки, в слезной молитве прося милосердного Господа о ниспослании благодатного утешения и покоя в души его духовных чад. И тот факт, что в Оптину к старцу из мира, забывая неудобства сложного тогда пути, съезжались представители всех сословий, свидетельствует, что молитва старца всегда была слышима.

ДАРЫ БЛАГОДАТИ

И только при таком духовном состоянии, которое воспитывается в человеке непрерывной внутренней борьбой, самоуничижением, скорбями и всякого рода испытаниями, возможно получение величайшего дара благодати Божией — христианской любви, которая стоит в неразрывной и глубокой связи с христианской верой и сердечной молитвой. Этими дарами был преисполнен старец Амвросий. В нем явился обильный дар духовного рассуждения, дар проникновения в души людей, дар прозорливости и дар исцеления. Поток посетителей увеличивался с каждым днем. Для каждого приходящего находилось у него и ласковое слово, и мудрый совет. Незнакомых ему лиц он часто называл по имени, говорил их тайные грехи, исцеляя больных от недугов прежде, чем они просили его об этом. Это сверхъестественное ведение души и законов ее жизни, дар проникновения в сердце человека позволяли ему безошибочно видеть нравственное состояние обращающихся к нему, то есть, читать душу ближнего. Дар рассуждения старца Амвросия проявлялся в том, что он умел сразу определить духовное состояние человека и дать ему самый правильный и полезный совет. Вся сила духовного руководства старца сводилась к тому, чтобы указать каждой душе путь спасения через веру во Христа Спасителя. Старец твердо верил, что первопричина всех душевных и телесных неустройств и болезней кроется в нарушении заповедей Христовых, и как основное средство для выздоровления предлагал чистосердечное покаяние в грехах и приобщение Святых Тайн.

Отец Амвросий обладал всеобъемлющей опытностью, широким кругозором и мог дать совет по любому вопросу, не только в области духовной, но и житейской, применительно к данному лицу и данным обстоятельствам. Одному он советует, как усовершенствовать душу, другому, как вести хозяйство в обители, третьему — как направить дело в суде. Однажды один богатый предприниматель сказал старцу, что хочет устроить водопровод в своих обширных яблоневых садах. «Люди говорят, — начинает старец со своих обычных в таких случаях слов, — что вот как всего лучше сделать...». И далее подробно описывает водопровод. Впоследствии этот человек начинает просматривать литературу по этому вопросу и находит, что о. Амвросий описал последние изобретения по этой части.

Дар проникновения в тайники душ человеческих у старца Амвросия удивлял многих и располагал сразу всецело отдаваться его руководству. У людей появлялась уверенность, что старец лучше их знает, в чем они нуждаются и что им полезно. Одна молодая девушка много слышала от своей сестры о святости жизни о. Амвросия, но относилась к словам сестры с недоверием и даже с презрением, а старца называла «лицемером». Однажды, по просьбе сестры, она поехала в Оптину Пустынь. Придя к старцу на общий прием, она стала позади всех у самой двери. Отец Амвросий, выходя из кельи, помолился, посмотрел на всех, а затем обращает свой взор на Веру (так звали девушку) и говорит: «Что это за великан тут стоит? А, это Вера пришла смотреть на лицемера?» После такого обличения ее тайных мыслей и особенно после беседы со старцем она совершенно изменила свое мнение о нем, искренно возлюбила его, а впоследствии поступила в Шамординскую обитель. Именно таким образом старец многих наставлял на путь покаяния, нравственного очищения и смиренного перенесения жизненных испытаний.

Этот особенный дар прозорливости, который Господь дает некоторым праведным людям и благодаря которому праведник может предвидеть будущее и проникновенно созерцает даже сокровенные мысли и настроения сердца человека, очень часто проявлялся в старце Амвросии в период его старчества. Приведем несколько примеров дивной прозорливости старца Амвросия. Однажды одна женщина просила его благословения выдать замуж свою дочь, но старец не

благословил ее и велел повременить. Через некоторое время она опять обращается к старцу с подобным вопросом. И снова старец велит подождать и добавляет: «У нее такой будет жених замечательный, что все позавидуют ее счастью. Вот, прежде мы встретим Святую Пасху. А как на этот день солнце весело играет! Воспользуемся зрением этой красоты. Да не забудь же ты: припомни, посмотри!» Дождавшись Пасхи, мать с дочерью вспомнили слова старца и вышли посмотреть на восходящее солнце. Вдруг дочь воскликнула: «Мама, мама, я вижу Господа, Воскресшего во славе. Я умру, умру до Вознесения!» Действительно, у нее заболели зубы, и она скончалась.

Более изумительный случай о старце Амвросии повествует оптинский инок Даниил. Одна вдова была обеспокоена тем, что она часто видит своего покойного мужа во сне, который о чем-то просил ее. Не зная, чем помочь ему, она обратилась с этим вопросом к старцу Амвросию, который после ее слов некоторое время был в задумчивости, а затем сказал: «Твой муж должен был деньги, — тут он назвал одно собственное имя (без отчества и фамилии), — этот долг его тяготит. Заплати этому человеку, и душа твоего мужа успокоится». Благоразумная женщина тщательно искала человека по имени, названному старцем. Наконец нашла и возвратила ему долг, занятый мужем, после чего покойный не стал больше беспокоить ее.

Еще один случай, свидетельствующий о прозорливости старца, произошел с иконостасным мастером, который приехал к настоятелю получить деньги за выполненную работу. О.Амвросий под разными предлогами три дня задерживал его отъезд из обители. Мастер очень скорбел из-за этого, так как к нему на дом должны были приехать для переговоров очень выгодные заказчики, но нарушить слово старца он не решался. Каково же было его удивление, когда на другой день после его возвращения домой приезжают и заказчики, которые также задержались на три дня. Но вся сила дара прозорливости старца в этом случае открылась через четыре года. Один работник этого мастера на смертном одре сознался, что он в те дни хотел убить своего хозяина, чтобы забрать деньги, которые он вез из Оптиной Пустыни, и для этого три ночи караулил его под мостом. «Не быть бы тебе в ту пору живым, да Господь за чьи-то молитвы отвел тебя от смерти без покаяния... Прости меня, окаянного...» — это были последние слова умирающего.

Провидя так ясно души своих посетителей, старец Амвросий знал и то, что приводило их к нему. Часто были такие случаи, что пришедший еще не успел открыть свою нужду или скорбь, а старец дает уже ответ. Так, например, одна монахиня написала старцу письмо, прося совета по некоторым вопросам. Дня через два она была у старца, и он на все пункты ее письма дал исчерпывающие ответы, вспоминая сам, что еще там написано. Монахиня ушла от старца утешенная и успокоенная, не подозревая, однако, какое чудо прозорливости старца совершилось над ней. В октябре того же года старец скончался, и через шесть недель, при разборке его келейных бумаг, нашли нераспечатанное письмо на его имя. Обратный адрес свидетельствовал, что это письмо той монахини.

Трудно перечислить все случаи дивной прозорливости старца Амвросия, который стремился обратить дар, данный ему от Бога, на пользу ближних. Им он открывал волю Божию. И много примеров, как некоторые, не последовав его благословию, приезжали со слезами раскаяния, так как не было удачи в делах. Так, один козельский житель просил благословения послать своего сына в Москву на обучение. Старец дал совет отправить его учиться в Курск. На возражения отца старец шутливо ответил: «Москва бьет с носка и колотит досками. Пусть едет в Курск». Не послушал отец старца, послал сына в Москву. В скором времени этому юноше на стройке раздробило обе ноги досками, он остался на всю жизнь калекой, не способным ни на какую работу. Горько плакал отец, осуждая себя за недоверие к словам старца.

К старцу обращались также многие люди, прося его исцелить их от телесных болезней. Велика была сила молитв о.Амвросия, и многочисленные примеры мгновенных исцелений

свидетельствуют об этом. Но старец по своему смирению, избегая человеческой славы, посылал больных или к св. мощам, или к чудотворным иконам. А иногда просто советовал принимать какую-либо лекарственную траву. Больные совершенно исцелялись от своих болезней и, конечно, понимали, что не трава им помогла, но молитвы старца совершили чудо. Отец Амвросий по своему смирению не любил слышать, когда ему прямо говорили, что он исцелил, или даже когда его просили об этом. Одна женщина очень долго страдала болезнью горла, врачи уже были бессильны помочь ей, а болезнь все более усиливалась. Наконец, не имея возможности принимать никакой пищи, она потеряла всю надежду на свое выздоровление и готовилась к смерти. Услышав о старце Амвросии, о его чудесах и исцелениях, она решила поехать в Оптину. Одна монахиня, сопровождавшая ее к батюшке, попросила его исцелить ей горло. Старец разгневался, что она так говорит ему, и сделал ей выговор, а больной посоветовал взять масла из лампы пред иконой Божией Матери и помазать горло. К этому добавил слова: «Царица Небесная тебя исцелит». Все было исполнено так, как повелел старец, и женщина совершенно исцелилась от своей болезни. Здесь уже действовала не человеческая мудрость или врачевство, но сила Божия по молитвам праведного старца.

Более яркий пример дара исцелений старца засвидетельствован над больным, мальчиком, который страдал болезнью уха, головы и челюстей. Сильные боли не давали ему покоя ни днем, ни ночью. Усилия врачей были бесплодны, силы малютки постепенно слабели, и видна была его близкая кончина. Родители поспешили в Оптину Пустынь к старцу Амвросию, прося его помощи и молитв. Сердце любвеобильного старца было чутко и отзывчиво к скорбям другого человека. Он готов был сам страдать за людей и всеми своими силами старался помочь страждущим душам. Как всегда, так и в этот раз старец, успокаивая родителей мальчика, говорил: «Все пройдет, только молитесь». Получив известие из дома о критическом положении их сына, отец и мать хотели тотчас отправиться в дорогу, но старец посоветовал им остаться, а на другой день, провожая их, сказал: «Не беспокойтесь и не огорчайтесь. Поезжайте с миром. Надейтесь на милосердие Божие, и вы будете утешены. Молитесь Богу, молитесь Богу. Вы будете обрадованы». Когда они прибыли на станцию, встречавшие сообщили, что больной чувствует себя все хуже. Какова же была их радость, когда войдя в дом, они нашли своего сына на ногах! Так Господь молитвами старца Амвросия, к удивлению всех, воздвиг его от одра болезни... Это чудо многих заставило верить в благодатную силу старческих молитв.

Были еще и другие более поразительные случаи, когда старец Амвросий в скорбные минуты для той или иной души являлся некоторым, совершенно не знающим его людям, исцеляя их от болезней или предостерегая от какой-либо опасности. Свидетельством этому служит яркий пример, когда старец не во сне, а наяву явился совершенно не знающей его больной девушке, лежавшей в неизлечимой болезни три года. «Ты обманула угодника Божия Николая Чудотворца, — сказал он ей, — обещалась съездить к нему помолиться и не исполнила, вот и лежишь теперь. Сними мерку с твоего роста, попроси кто бы за тебя поставил ему свечку, заказанную в твой рост. Когда сгорит эта свеча, тогда ты выздоровеешь». И действительно, она полностью выздоровела, когда было выполнено это требование. Позже будучи в гостях в одном доме, она увидела портрет о. Амвросия и признала в нем того монаха, который являлся ей.

Очень часто старец Амвросий, чтобы избежать человеческой славы, скрывал дар чудотворения под видом шутки. Чаще всего это проявлялось в виде ударов по больному месту, иногда даже сильных. Так, например, пришел к старцу один монах с ужасной зубной болью. Проходя мимо него, старец сильно ударил его в зубы и еще весело спросил: «Ловко?» — «Ловко, батюшка, — отвечал монах при общем смехе, — да уж больно очень». И уходя от старца, он заметил, что боль его прошла и в дальнейшем уже не возвращалась. Таких примеров

было множество, так что крестьянки, приходившие к старцу со своими недугами, сами нередко наклоняли головы и говорили: «Батюшка Амвросий, побей меня, у меня голова болит». Обращались к старцу и с просьбой помочь избавиться от худых и пагубных привычек. И неизменно в таких случаях старец указывал на таинство покаяния, как верное средство для исцеления.

Так служил миру о.Амвросий, ущедренный от Бога многоразличными дарованиями благодати Божией и проникнутый горячей любовью к страждущему человеку. В жизнеописании старца Амвросия сказано, что все зафиксированные случаи его жизни, в которых проявлялись дары благодати, составляют лишь малую часть, потому что в продолжении более чем тридцатилетнего его старчества подобные случаи повторялись едва ли не каждый день.

ДУХОВНОЕ ОКОРМЛЕНИЕ МОНАШЕСТВУЮЩИХ И МИРЯН

Иеросхимонах Амвросий безгранично любил Господа. По любви к Нему он покинул мир и стал на путь нравственного совершенствования. Но как любовь к Богу в христианстве неразрывно связана с подвигом любви к ближнему, так и подвиг личного совершенствования и личного спасения у старца никогда не отделялся от подвига его служения миру.

Старческое служение о.Амвросия прежде всего началось с окормления братии Оптиной Пустыни. Старец любил свою обитель и ее питомцев. Каждый из братии поверял старцу свою душу. Случалось ли какое искушение, возникало ли какое-либо недоумение или сомнение — со всем этим инок шел к старцу, все рассказывал ему и получал утешение. Если нападало на монаха уныние, отчаяние или он не мог найти места от какой-либо мысли, не зная, что делать, то шел к старцу — и получал душевный мир и покой. Помимо келейных признаний, по примеру прежних старцев, о.Амвросий делал общее исповедание помыслов и дел. Хилый и больной, выйдет старец к братии, которая после вечернего правила сходится к его келье, сядет и начинает беседовать. Тут и идет общее, во всеуслышание, исповедание: «Я вражду на такого-то, я возгордился тем-то, я то-то помыслил, я то-то сделал». Тут же и прощение, тут же наставления и мир.

Особенно внимателен и отчески попечителей был о.Амвросий к новопоступившим в монастырь и к новоначальным монахам. Многие из живущих в Оптиной Пустыни иноков и послушников обязаны своим поступлением в монастырь именно о.Амвросию.

Хотя формально в Оптиной Пустыни настоятельством о.Исакий, но духовно главенствовал старец Амвросий. Он по-прежнему оставался тем же «заштатным иеромонахом» без всяких официальных прав, но без его совета не предпринималось ничего сколько-нибудь важного; он стоял во главе всего внутреннего строя обители. А в скиту на попечении старца находилось хозяйство и финансовые дела, потому что начальник скита иеросхимонах Анатолий, занимаясь старчеством и умной молитвой, в которой, по отзыву о.Амвросия, достиг высокого совершенства, уклонялся от хозяйственных дел скита. Настоятель наряду с братией смиренно подчинялся духовному водительству старца, открывая перед ним свои помыслы. Двери кельи и сердце старца Амвросия всегда были открыты для братии, каждый мог входить к нему в любое время без всякого доклада. Своим добрым влиянием как на братию обители, так и на приходящих богомольцев старец Амвросий содействовал подъему и благоустройству Оптиной Пустыни. Взаимные отношения старца с настоятелем и братией основывались на христианской любви и смирении. Старец относился к настоятелю с глубоким уважением и на более важные дела сам всегда испрашивал у него благословение. О.Амвросий никогда не настаивал на своем мнении, но только подавал мудрые советы. Поэтому настоятель добровольно подчинялся воле старца. Впоследствии, когда старец скончался, о.Исакий со скорбью говорил: «Двадцать девять лет провел я настоятелем при старце, и скорбей не видел. Теперь же, должно быть, угодно Господу посетить меня грешного скорбями».

Но служение старца не ограничивалось только монастырем. **Этот подвижник, живший в маленькой келье, сумел раздвинуть ее стены на необъятные пространства. Люди всех званий и положений, жители самых далеких губерний — все знали смиренного прозорливого оптинского старца.** К о.Амвросию в Оптину Пустынь тянулись тысячи верующих душ. Как часто келейники о.Амвросия, уступая многочисленным просьбам посетителей докладывали старцу: «Батюшка, вас ждут». — «Кто там?» — спросит бывало старец. «Московские, вяземские, тульские, белевские, каширские и прочие народы», —

отвечают келейники. Десятиминутного разговора со старцем ждали по несколько дней. Не хватало ямщиков для перегона между Оптиной и Калугой, а также номеров в многочисленных оптинских гостиницах.

Христианское участие к людям заставляло иеросхимонаха Амвросия открывать двери своей кельи всем, стучавшим в нее. Прием посетителей он начинал после утреннего чая; это было часов около девяти-десяти. Но и до этого времени старец был погружен в заботы о других. Когда старец начинал умываться, келейниками задавались вопросы: «Батюшка! Вот тот-то в таких-то обстоятельствах находится, — что ему благословите делать?» или: «вот та-то просит благословение на такое-то дело, благословите или нет?» — и проч., и проч. Отец Амвросий успевал и свое дело делать и отвечать на вопросы. Во время утреннего чая старец диктовал письма. К этому времени собиралось довольно много посетителей, которые, проявляя нетерпение, начинали звонить в звонок и стучать в дверь. Но прежде чем выйти к ним, болезненный старец нуждался в переодевании, чтобы снять потное белье и носки и надеть сухие. Старец при всяком удобном случае старался преподать назидательное слово о христианской жизни. И в данный момент, подготавливаясь к выходу к посетителям, он занимался с кем-либо из братии, с одним или несколькими, если велся общий разговор. Наконец, в простой одежде послушника старец выходил к давно уже ожидавшим его посетителям. Жизнеописатель старца Амвросия, описывая его портрет, говорит: «По виду батюшка о.Амвросий был благородный старец, немного выше среднего роста и несколько от старости сутуловат. Будучи смолоду очень красивым..., он и в старости не потерял приятности в своем лице, несмотря на его бледность и худобу. На голове спереди имел небольшую лысину, которая, впрочем, нисколько его не безобразила и даже как будто шла к его лицу, а сзади несколько прядей коротких темно-русых с проседью волос; на лбу две-три морщины, которые при случае совершенно сглаживались; глаза светло-карие, живые, пронизательные, видящие душу насквозь; губы обыкновенные; борода довольно длинная, редкая, седая, в конце раздвоенная. Батюшку нельзя себе представить без участливой улыбки, от которой становилось как-то весело и тепло, без заботливого взора, который говорил, что вот-вот он сейчас для вас придумает и скажет что-нибудь очень полезное. Также трудно представить его и без того оживления во всем, — в движениях, в горящих глазах, — с которыми он вас выслушивает и по которому вы хорошо понимаете, что в эту минуту он весь вами живет, и что вы ему ближе, чем сами себе».

Выйдя из кельи, старец сначала проходил по коридору, где были мужчины. Одного он на ходу благословлял, другому говорил несколько слов; с особенными же нуждами принимал в приемной келье отдельно и занимался более продолжительное время. Потом проходил в хибарку и там уже оставался надолго. Целый день о.Амвросий проводил среди народа, приходившего к нему за советом, благоговевшего пред своим наставником. Делая каждому наставления соответственно его духовным нуждам и духовному развитию, он вникал в положение каждого, обращавшегося к нему, определяя его личный характер, его склонности, и с любовью указывал лучший исход. Все уходило от него утешенными и с облегченным сердцем. Духовный опыт старца Амвросия был настолько богат, что он как бы читал мысли приходящих к нему и часто, указывая на их сокровенные тайны, в беседах прикровенно обличал их. Однажды одна монахиня пришла к нему на исповедь и говорила все, что помнила. Когда она кончила, старец сам начал говорить ей все, что она забыла. Но одного греха, названного батюшкой, она, по ее настойчивым уверениям, не делала. И тогда старец ответил: «Забудь об том, я так сказал». И еще не успел закончить речь, как сестра неожиданно вспомнила, что этот грех действительно был совершен ею. Пораженная, она принесла чистосердечное раскаяние. Если старец беседовал с кем-либо при народе, то он не имел обыкновения обличать прямо и

резко, но поучал так искусно, что его обличение, несмотря на присутствие множества народа, понятно было только одному тому, к кому оно относилось.

Познав на личном опыте спасительность смирения, старец стремился научить этому и своих духовных детей. На самый насущный вопрос каждого человека: «Как жить, чтобы спастись?» — старец давал такие шуточные ответы: «Нужно жить нелицемерно и вести себя примерно, тогда дело наше будет верно, а иначе будет скверно», или «жить можно и в миру, только не на юру, а жить тихо». «Мы должны, — говорил еще старец, — жить на земле так, как колесо вертится — чуть только одной точкой касается земли, а остальными непременно стремится вверх; а мы как заляжем на землю, так и встать не можем». С первого взгляда простые и шуточные слова, но какой глубокий смысл содержится в них. Вот как объясняет жизнеописатель иеросхимонаха Амвросия, близко знавший его и воспринимавший его дух, ответ старца на подобный вопрос «Как жить?» «Жить — не тужить, никого не осуждать, никому не досаждать, и всем мое почтение». Если посерьезнее вникнуть в это наставление, то каждый увидит в нем глубокий смысл. «Не тужить» — т.е. чтобы сердце не увлекалось неизбежными для человека скорбями и неудачами, направляясь к Единому Источнику сладости вечной — Богу, через это человек, при бесчисленных и разнообразных невзгодах, может успокаивать себя, мирясь с ними, или «смиряясь». «Не осуждать», «не досаждать» — ничего нет обыкновеннее между людьми осуждения и досаждения, этих исчадий погибельной гордости. Их одних достаточно к тому, чтобы низвести душу человека во дно ада; между тем, они в обществе и за грех не считаются. «Всем мое почтение», — указывает на заповедь Апостола: «Честию друг друга больша творяще» ([Рим.12:10](#)). То есть, в вышеприведенном изречении проповедовалось старцем, главным образом, смирение — эта основа жизни духовной, источник всех добродетелей, без которого, по учению св. Иоанна Златоуста, невозможно спастись. О значении смирения сам старец говорил так: «Лишь только смирится человек, как тотчас же смирение поставляет его в преддверие Царства Небесного».

О.Амвросий принимал посетителей или беседуя с каждым в отдельности, или выходил на общее благословение, сначала к мужчинам, а затем к женщинам.

Иногда летом старец выходил к народу на воздух. Медленно согбенный старец вдоль жердей, которые устанавливались от крыльца и служили старцу опорой при передвижении, в то же время сдерживая народ от напора. Отец Амвросий по временам останавливался, давая ответы вопрошающим его. Тысячи всевозможных вопросов сыпались ему из толпы, он все выслушивал внимательно. «Батюшка, — спросит кто-нибудь, — как мне благословите жить?» «Батюшка, — спрашивала другая, — куда мне благословите: замуж или в монастырь?» Вопросы один за другим: «Я гибну от нищеты»; «Я потерял все, что мне было дорого в жизни. Мне незачем жить»; «Неизлечимая болезнь меня терзает. Я не могу не роптать»; «Мои дети, в которых я вложил жизнь и душу, стали мне врагами»; «Я потерял веру, я не вижу благодати Божией. На моем языке одни проклятия». К кому идти, кому довериться, перед кем выплакать душу, кто снимет с человека это каменное оцепенение долговременного безысходного страдания? И все приходило к старцу, как к последнему пристанищу. И среди этих стремнин горя, греха и отчаяния стоял о.Амвросий и с любвеобильным сердцем врачевал всех. Сколько раз самые сложные, отчаянные и запутанные житейские вопросы он решал двумя-тремя приветливыми, полными сердечного участия советами. Так, по-видимому, мимоходом решалась чья-нибудь судьба, решались важные вопросы, но всегда по благословию благодатного старца выходило хорошо, и решение оказывалось мудрым и правильным. Многие, имея какое-нибудь дело, желали только одного: чтобы при начале этого дела старец молча перекрестил их.

Но не все приходило к о.Амвросию за делом. Некоторые только отнимали у него время и этим очень отягощали его. Он сам жаловался на таких посетителей в своих письмах: «Старость,

слабость, бессилие, многозаботливость и многозабвение, и многие бесполезные толки не дают мне и опомнится. Один толкует, что у него слабы голова и ноги, другой жалуется, что у него скорби многи; а иной объясняет, что он находится в постоянной тревоге. А ты все это слушай, да еще ответ давай; а молчанием не отделаешься — обижаются и оскорбляются». И так тяжело ему было переносить ропот тех, кого он не мог по болезненности немедленно принять. Так, однажды, истомленный старец, с потупленным взором, едва брел среди толпы народной, а вслед ему послышался чей-то голос: «Этакая злоба! Прошел и не взглянул». «Вот так мы день за днем и живем, писал старец ответы в одном из писем, — и несправедливыми сльзем в приеме проходящих и приезжающих. А виновата моя немощь и неисправность пред Богом и людьми». И всегда старец не только скорбел о своей болезненности, но был в веселом настроении и даже шутил. А выражавшие ропот вскоре начинали сожалеть о своей нетерпеливости и просили старца простить их. Старец принимал посетителей до вечера, делая небольшие перерывы на прием пищи и малый отдых. Иногда после обеда, когда старец был слаб, он принимал посетителей у себя в келье. А после вечернего правила к нему приходила монастырская братия на ежедневное исповедание помыслов.

СТАРЕЦ АМВРОСИЙ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Имя старца Амвросия было известно не только в среде простых посетителей и рядового монашества, но и среди интеллигентного общества и высшего духовенства.

Калужские епархиальные архиереи Григорий, Владимир, Анастасий во время поездок по епархии неизменно посещали Оптину Пустынь и старца Амвросия. Для встречи владык старец одевался во все монашеские одежды и при встрече всегда держался обычной своей детской простоты. Особое благоговение питал старец к архиепископу Григорию, о котором отзывался: «свят и умен». Он часто к нему обращался при решении более важных вопросов относительно внешней и внутренней жизни обители. В свою очередь владыка Григорий в некоторых случаях прямо говорил: «Да это уже как сам старец решит, — я не беру этого на себя». Посещал старца митрополит Московский (позже Киевский) Иоанникий. Преосвященный Вениамин, епископ воронежский, приехавший в Оптину еще при жизни о.Макария, долго беседовал с о.Амвросием, и всегда после того относился к нему с глубоким уважением. О.Амвросий был известен и святителю Московскому Филарету, который еще в 1865 году с одним бывшим в Москве оптинским монахом прислал образок Нерукотворного Спаса.

Кроме иерархов, о.Амвросия посещали и многие выдающиеся светские лица. Оптиной Пустынью интересовались такие видные философы и писатели, как В. Соловьев, С.П. Шевырев, И.В. и П.В. Киреевские, М.П. Погодин и другие. Они часто посещали эту обитель не из-за пустого любопытства, а с надеждой получить благословение и укрепить свои духовные силы. С благословением эти люди изучали и описывали Оптину Пустынь, так как малейшее знакомство с жизнью и деятельностью оптинских старцев порождало в душе исследователей стремление глубже изучить и определить ее значение в истории Русской Церкви. Они сознавали высоту внутреннего строя Оптиной Пустыни. И.В. Киреевский прямо говорит, что **для ознакомления с христианством необходимо познакомиться с жизнью оптинских старцев.**

Слушали беседы старца Амвросия и пользовались его духовными советами Н.В. Гоголь, А.П. Толстой, Ф.М. Достоевский, К.Н. Леонтьев, Л.Н. Толстой. К Ф.М. Достоевскому, приехавшему в Оптину после смерти любимого сына, старец отнесся с уважением и сказал о нем: «Это кающийся». Иеросхимонах Иосиф пишет, что беседы Достоевского с иеромонахом Амвросием длились подолгу, они говорили о многих насущных вопросах духовной жизни и спасении души. Вскоре затем появились в печати «Братья Карамазовы», написанные отчасти под впечатлением посещения Достоевским Оптиной Пустыни и бесед с о.Амвросием.

К.Н. Леонтьев провел под непосредственным руководством старца Амвросия последние годы жизни, живя рядом с Оптиной Пустынью. За несколько дней до кончины старца он принял тайный постриг и позже переехал в Сергиев Посад, где вскоре и скончался.

Вот как отзываются о старце Амвросие Л.Н. Толстой: «Этот о.Амвросий совсем святой человек. Поговорил с ним и как-то легко и отрадно стало у меня на душе. **Вот когда с таким человеком говоришь, то чувствуешь близость Бога**».

По свидетельству современника, Л.Н. Толстой, следуя за движениями народного духа, лично проверял факты религиозной жизни и отношения народа к своему духовному наставнику и для этого несколько раз посещал Оптину Пустынь. У старца Амвросия Толстой был трижды. Первый раз — в 1874 году, во второй раз пришел пешком в крестьянской одежде со своим конторщиком и сельским учителем в 1881 или 1882 году (расстояние между Оптиной Пустынью и Ясной Поляной — 200 км.), а в третий раз приехал со своей семьей в 1890 г.

Самую продолжительную беседу с о.Амвросием Лев Толстой имел при посещении

Оптиной Пустыни в третий раз. Он отправился к о.Амвросию после того, как у старца побывала его семья, очень довольная и утешенная его беседой. Известно, что в этой беседе о.Амвросий предлагал Толстому принести публичное покаяние в своих заблуждениях. Выходя из кельи, Лев Николаевич высказался о своей беседе со старцем такими словами: «Я растроган, я растроган». А о.Амвросий о своей бесед с ним сказал: «При входе Толстого в мою келью я благословил его, и он поцеловал меня в щеку. Горд очень».

Л.Н. Толстой после кончины о.Амвросия посещал старца Иосифа, он также приехал в Оптину Пустынь в последний год своей жизни, собираясь надолго остановиться в близлежащей деревне. Вообще, Оптина Пустынь сыграла основную роль в осознании Л.Н. Толстым своих заблуждений. Это прекрасно видно из его разговора со своей сестрой — монахиней Шамординской обители.

«Сестра, — говорил Л.Н. Толстой, — был в Оптиной; как там хорошо! С какою радостью я теперь надел бы подрясник и жил бы, исполняя самые низкие и трудные дела; но поставил бы условие — не принуждать меня молиться: этого я не могу». Сестра отвечала: «Это хорошо, брат, но и с тебя взяли бы условие — ничего не проповедовать и не учить». «Чему учить? Там надо учиться; в каждом встречном насельнике я видел только учителей. Да, сестра, тяжело мне теперь. — А у вас? Что, как не Эдем? Я и здесь бы затворился в своей храмине и готовился бы к смерти: ведь 80 лет, а умирать надо», — сказал граф. Потом, наклонив голову, он задумался и сидел так до тех пор, пока не напомнили ему, что он уже кончил обед.

«Ну, а видел ты наших старцев?» — спросила его сестра. «Нет», — ответил граф. Это слово «нет» было сказано, по словам сестры, таким тоном, который ясно доказывал, что он сознает свою ошибку в жизни. Несомненно, что все это произошло в значительной степени под влиянием встреч с о.Амвросием.

Давая оценку посещениям писателями старца Амвросия, В.В. Розанов пишет: «Благодеяние от него духовное, да, наконец, и физическое. **Все поднимаются духом, только взирая на него, как это явно записано об о.Амвросии.** Самые пронизательные люди посещали его: Толстой, Достоевский, Леонтьев, Вл. Соловьев, и никто не сказал ничего отрицательного. Золото прошло через огонь скептицизма и не потускнело».

Имя старца Амвросия было известно далеко за пределами России. Знали его и Афон, и святой Иерусалим — весь православный Восток. К старцу непосредственно или письменно обращались лица других вероисповеданий. Так, в Оптину приезжал реформаторский суперинтендант Москвы Карл Зедергольм. А его сын Константин, учившийся в Московском университете, подолгу беседовал с о.Амвросием и закончил тем, что перешел в православие, а затем принял монашество под именем Климента. В жизнеописании о.Амвросия приводятся имена многих лиц, которые после бесед со старцем приняли православие.

Чем же объяснить, что к простому, хотя и имеющему семинарское образование, старцу обращались представители высокообразованного общества и даже те, которых в этом обществе называли «гигантами духа и мысли»? Ответ прост, он может быть выражен словами апостола Павла: «Не аз, но благодать, яже во мне». Многими подвигами о.Амвросий предочистил свою душу, сделал ее избранным сосудом Святого Духа, Который обильно действовал через него. Эта духовность о.Амвросия была настолько велика, что старца заметила, оценила и потянулась к нему интеллигенция XIX века, которая в это время нередко была слаба в вере, мучилась сомнениями, а иногда и вовсе была враждебна к Церкви и всему церковному. Перед многими вставали вопросы о смысле и цели жизни, и все, обращавшиеся к старцу, находили ответ в своих сомнениях. К тому же старец имел удивительный индивидуальный подход к каждому вопрошавшему. Вот как об этом пишет писатель В. Розанов: «Некоторые из образованных поступали под водительство старца. Никто их к этому не нудил. Они начинали это, когда

хотели, и оканчивали — когда хотели же. Но, обыкновенно, раз обратившийся уже никогда не хотел отойти вследствие явной пользы советов, основывавшихся единственно на обстоятельствах того, кто просил совета, а не (на) настроении самого старца». По словам С. Четверикова, во второй половине XIX века иеросхимонах Амвросий явился связующим звеном между образованным обществом, народом и Церковью.

ЛИТЕРАТУРНО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ ПРИ СТАРЦЕ АМВРОСИИ

Несмотря на увеличивающийся приток посетителей и болезненное состояние, старец занимался и литературно-издательской деятельностью, начавшейся при иеросхимонахе Макарии. Но если раньше издавалась только святоотеческая аскетическая литература, то при иеросхимонахе Амвросии стали издаваться еще и церковно-исторические труды самой Оптиной Пустыни. В 60—70 годах под руководством о.Амвросия и при деятельном участии о.Климента (Зедергольма), о.Леонида (Кавелина), о.Анатолия (Зерцалова), о.Агапита и других лиц были изданы следующие книги:

«Сказание о жизни и подвигах старца Оптиной Пустыни иеросхимонаха Макария» (составленное архимандритом Леонидом Кавелиным); Собрание писем о.Макария в шести томах; Новое издание аввы Дорофея, приготовленное к печати о.Климентом и о.Антонием; Симеона Нового Богослова — 12 слов в переводе тех же лиц; «Жизнеописание игумена Антония» (составленное о.Климентом); Преп. Отца Федора Студита огласительные поучения в русском переводе; Поучения Петра Дамаскина в переводе о.Ювеналия; «Жизнеописание старца Леонида» (составленное о.Климентом); «Описание Козельской Оптиной Пустыни» (составленное о.Леонидом); «Царский путь креста Господня» (в переводе о.Климента); «Жизнеописание архимандрита Моисея» (составленное архимандритом Ювеналием) и другие.

Книги эти, а также изданные прежде, всегда имелись у старца Амвросия; ими он наделял более почетных посетителей обители, а прочим он раздавал мелкие брошюры, в которых старец никогда не имел недостатка. Чаще всего он раздавал следующие: «Советы ума своей души» преп. Марка Подвижника; «О вещах, возбуждающих ко спасению» с душеполезными беседами старца Зосимы; толкование на «Господи, помилуй»; «Слово о страстях и доброжелателях» преподобного Иоанна Дамаскина; «Беседа на шестой псалом» св. Анастасия Синаита.

О том значении, какое придавал старец Амвросий этим книжечкам, можно судить из его слов: «В них хотя кратко, но ясно и практически изложено, как должен всякий христианин евангельское учение приспособлять к образу своей жизни, чтобы получить милость Божию и наследовать вечное блаженство». Давая оценку издательской деятельности Оптиной Пустыни, известный подвижник прошлого столетия, современник старца Амвросия, епископ Игнатий Брянчанинов писал: «Все русское монашество обязано особенно благодарностью Оптиной Пустыни за издание многих творений святых Отцов... Перевод на русский язык монашеских отеческих писаний, по знанию монашеской жизни, гораздо удовлетворительнее совершается братьями обители, нежели перевод их людьми, чуждыми этой жизни».

УЧРЕЖДЕНИЕ ШАМОРДИНСКОЙ ОБЩИНЫ И ЗАБОТЫ СТАРЦА О ЕЕ БЛАГОУСТРОЙСТВЕ

Литературно-издательской деятельностью, духовным окормлением насельников и богомольцев Оптиной Пустыни, огромной перепиской по самым разнообразным вопросам далеко еще не исчерпывались многообразные труды старца Амвросия. С именем старца-подвижника связано устройство Шамординской женской обители.

Предметом неустанных забот о.Амвросия было попечение об одиноких женщинах, проводивших благочестивую жизнь, но по своей бедности не имевших возможности поступить в монастырь, так как в то время при вступлении в монастырь нужно было купить для себя келью, внести в обитель хотя бы малый вклад и содержать себя или своими трудами, или своими средствами. В монастырь иногда принимали и неимущих женщин, но только в тех случаях, когда поступающие имели хорошее здоровье, при котором они могли бы нести любое тяжелое монастырское послушание. Женщин с плохим здоровьем не принимали ни в один монастырь, даже при большом взносе, из опасения, что в случае продолжительной болезни они будут тяжелым бременем для монастыря.

Старец проявлял неустанную заботу о скорбях и обездоленных женщинах, многие из которых не мели даже своего пристанища. Он всячески старался содействовать устройению женских обителей, привлекая к этому делу богатых лиц, а также и сам неусыпно вникал во все их нужды. Его заботами и указаниями были созданы: Предтеченская женская обитель в г. Кромы Орловской губернии; в 70-х гг. по его благословию на средства благотворителей устроены женские общины — Козельщанская в Полтавской губернии и Николо-Тихвинская в Воронежской.

В устройстве всех этих общин старец Амвросий принимал самое активное участие, не только давал свое благословение на основание этих обителей, но и покровительствовал им, защищая перед епархиальными архиереями и членами св. Синода от недоброжелателей, которые иногда всячески препятствовали их устройению. Заботами старца Амвросия в Козельске был нанят особый дом для попечения душевнобольных женщин.

Устройство всех перечисленных женских обителей не могло обеспечить приют всем женщинам, обращавшимся к о.Амвросию за помощью. Постепенно у старца начала созревать мысль о том, как бы создать такую обитель, где могли бы приютиться и жить благочестиво многие обездоленные женщины. Старец- Амвросий всей душой стремился к осуществлению заветного замысла, но как истинный последователь Христа он был так далек от самочинных начинаний и ждал, когда Сам Господь благословит привести в исполнение намеченный план. Вскоре Промыслом Божиим все обстоятельства стали складываться так, что воистину исполнились над старцем слова псалмопевца: «Волю боящихся Его сотворит, и молитву их услышит» ([Пс.144:19](#)). Один состоятельный человек, почитатель о.Амвросия, живший в Москве, пожелал иметь дачу поближе Оптиной Пустыни. Он попросил иеросхимонаха Амвросия найти и купить для него имение, что вскоре и было исполнено. В 12-ти километрах от Оптиной Пустыни по Калужской дороге стояла деревня Шамордино, около которой находилось небольшое имение, состоящее из одного домика и двухсот десятин земли. Престарелый владелец имения согласился продать его при условии, чтобы ему дали дожить последние дни его жизни в монастырской гостинице.

Этому помещику перед тем, как он продал свое хозяйство, было замечательное видение. Выйдя однажды из дома, он увидел над своим имением церковь, стоящую на облаках. Это видение впоследствии сбылось: здесь была построена первая церковь Шамординской общины.

Вскоре имение было приобретено. По благословию старца Амвросия, деньги за имение уплатила одна монахиня по имени Амвросия, которая имела раньше большое состояние, а после принятия монашества жила с двумя внучками-малютками при Оптиной Пустыни в отдельном корпусе. Тот, для кого была произведена покупка, отказался от своего намерения переехать в приобретенное имение, поэтому старец благословил монахине Амвросии оставить его за собой для ее внучек. Через год после этого началась постройка нового дома. Старец настоял, чтобы в плане были предусмотрены кельи для послушниц матушки Амвросии, бывших ее крепостных. Он также благословил, чтобы большой зал занимал восточную часть строящегося здания, хотя такое расположение не нравилось монахине Амвросии, и она была этим очень недовольна. Не раз впоследствии о.Амвросий вспоминал, как матушка Амвросия скорбела, что его план не согласен с ее желанием. «Она строила детям дом, — говорил он, — а нам нужна была церковь».

Так в этом проявилась дивная прозорливость старца Амвросия, ибо такая распланировка позволила впоследствии из выстроенного дома быстро сделать храм. Еще за 7 лет до смерти девочек старец предсказывал: «Дети жить не будут; а на место их в имении будут за них молитвенницы».

Затем, по совету старца, мать Амвросия купила для своих внучек еще близлежащие дачи в селах Руднево, Преображенское и Акатово, а также определила им небольшую часть капитала. В завещании, по благословию о.Амвросия, она поставила условие, чтобы, в случае неожиданной кончины ее внучек, в этом имении была устроена женская община, а дачи и капитал послужили к устройению этой общины.

23 марта 1881г. умерла мать Амвросия, а в июне 1883г. почти одновременно скончались обе девочки. Так, по Промыслу Божию, все способствовало созданию женской общины. Перед старцем Амвросием открылось широкое поле деятельности. Он принимал самое живое участие в устройстве новой обители. Еще до ее официального открытия стали строиться один корпус за другим, но желавших поступить в общину было так много, что этих помещений оказывалось недостаточно.

Первыми насельницами стали уже жившие здесь сестры-послушницы, находившиеся ранее при монахине Амвросии. Чаще всего старец принимал в устрояемую им общину вдов и сирот, находившихся в крайней бедности, а также всех страдающих какой-либо болезнью и не могущих найти в жизни ни утешения, ни пристанища. Но приходили сюда также и молодые курсистки, искавшие смысл жизни, но более всего просились в общину простые крестьянки. Все они составили одну тесную семью, объединенную любовью к своему старцу, который собрал их и который так же горячо и отечески любил их.

О том, как община по благословию старца наполнялась насельницами, прекрасно рассказал писатель Ф.П.Ч. Он пишет, как вместе с подругами пришла «посмотреть» старца светская девушка. Через минуту ее сердце согревается, и она не хочет отходить от о.Амвросия. «Ступай в Шамордино», — говорит старец, и девушка едет в общину. Полная гнева, с решительным требованием вернуть дочь приезжает мать этой девушки. Старец усаживает ее и начинает беседовать. Через минуту она просит позволения просто увидеть дочь. «Кто же вам мешает, — отвечает старец, — пожалуйста в Шамордино». Мать отправляется в Шамордино и, хотя ужасается, встретив свою дочь, подметавшей двор, однако через некоторое время сама остается в общине. «Отец родной!» — взывает страдалец, которого по внешнему виду трудно признать человеком. Старец благословляет его и спрашивает: «Что тебе?» И через некоторое время говорит: «Ступай в Шамордино» (там устроена богадельня). Приносят грязного, полунагого, покрытого лохмотьями и сыпью от нечистоты и истощения ребенка. «Возьмите его в Шамордино», — распоряжается старец (там приют для беднейших девочек).

Здесь не спрашивали, способен ли человек доставить выгоду монастырю. Здесь видели, что

человеческая душа страдает, что иному голову некуда приклонить, — и всех принимали, всех успокаивали.

Первой настоятельницей общины о.Амвросий избрал свою духовную дочь Софию Михайловну Астафьеву, которая была самой преданной и деятельной его помощницей. Она принимала живое участие в устройстве юной общины. 4 сентября 1884г. старец Амвросий постриг ее в монашество и ходатайствовал перед архиереем о том, чтобы утвердить монахиню Софию настоятельницей нововозникшей обители.

1 октября 1884г. в день праздника Покрова Божией Матери, в обители была освящена домовая церковь во имя Казанской иконы Божией Матери, по имени которой и сама обитель стала называться Казанской. Местночтимая Казанская икона была главной святыней храма. Так день освящения храма стал днем основания общины. Но сам старец на открытии общины не присутствовал. Затворившись у себя в келье, он целый день провел в усиленной молитве.

Вновь открытая обитель, насчитывавшая уже около 70-ти сестер, стала очень быстро расти. Производились новые постройки. Дело требовало огромных забот и средств. Все эти попечения легли на престарелого и болезненного старца, который всей душой отдавался этому делу. Сама м.София, став настоятельницей, тоже неустанно трудилась с утра до вечера, руководя всеми монастырскими работами, а также строго следя за внутренней жизнью сестер. Помимо выполнения основных монастырских обязанностей она нередко совершала поездки по делам обители в Москву, в Калугу и в другие города. Все это, вместе взятое, очень скоро сломило ее силы, и она на 3-м году своей настоятельской деятельности, 24 января 1888г., уснула вечным сном праведницы. Старец Амвросий часто говорил о ней, что она «обрела милость у Господа». После кончины настоятельницы Софии, старец Амвросий избрал ее преемницу, способную возглавить молодую обитель и поддержать дух осиротевших сестер. По его указанию управление обителью было поручено монахине Белевского Крестовоздвиженского монастыря Евфросинии (Розовой), которая также была одной из преданнейших послушниц старца.

Заботами, трудами и молитвами о.Амвросия и новой настоятельницы обитель постоянно росла, строительство не прекращалось, но столько было поступающих, что мест для них все еще не доставало. А старец принимал всех приходивших к нему. Громадные постройки требовали и больших расходов, а иногда наличными оставалось несколько рублей. Но велика была вера старца и упование его на милость Божию. Не раз старцу говорили: «Батюшка, что же вы все больных и убогих принимаете, а чем содержать их будете?» Батюшка на это отвечал: «Да на больных, да на убогих мне Бог больше посылает, а на здоровых и вовсе ничего не дает».

Для непосредственного наблюдения за хозяйством основанной обители старец Амвросий приезжал в Шамордино. Время пребывания старца в обители для сестер считалось светлым праздником. Все с любовью встречали дорогого батюшку и неотступно сопровождали его, когда он осматривал обитель. Можно представить себе, что переживали сестры, беседуя со старцем, если они считали за счастье даже перенести шарф или другую батюшкину вещь. Во время пребывания в обители старец посещал все корпуса, кельи, объезжал постройки и делал соответствующие указания. По-прежнему его осаждали многочисленные посетители, которым старец уделял все свободное время, для приема которых построили в Шамордино специальную «хибарку».

Но не только женская община была заботой старца Амвросия. Приходит к нему как-то незнакомый человек из Сибири, отдает ему свою маленькую дочь и говорит: «Возьмите, у нее нет матери». Этот случай побудил старца устроить при Шамординской обители детский приют, в котором скоро собралось около 50-ти девочек. Когда старец приезжал в Шамордино, приют он посещал одним из первых. Малютки приветствовали своего покровителя пением разных молитв и духовных стихов. Свидетели рассказывали, что нельзя было без волнения следить за старцем

в эти минуты. Серьезно и задумчиво слушал он эти детские моления, и часто крупные слезы катились по его морщинистым щекам. Проведя несколько дней в обители, духовно напитав ее насельниц, о.Амвросий возвращался в Оптину. Все сестры всегда с большой скорбью провожали своего духовного отца.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ЖИЗНИ И БЛАЖЕННАЯ КОНЧИНА СТАРЦА АМВРОСИЯ

В начале июля 1890 года о.Амвросий уехал в Шамордино, предполагая пробыть там не более десяти дней. Как в каждый свой приезд, так и в этот раз о.Амвросий посетил постройки, ездил на монастырскую дачу в село Руднево, беседовал с настоятельницей и сестрами. Пробыв в Шамордино более 2-х недель, старец стал собираться обратно в Оптину. Был назначен день отъезда. В назначенный день все сестры собрались около кельи, где находился старец, желая проводить его. Была уже подана карета и уложены в нее вещи батюшки. Все с нетерпением ожидали старца, желая принять от него последнее благословение, но он все не выходил. День уже начал клониться к вечеру. Карету отправили назад, объявив сестрам, что батюшка плохо себя чувствует и отложил свой отъезд. Перед самым отъездом о.Амвросий почувствовал такую слабость, что не имел сил отправиться в путь. Отдохнув за ночь, он на следующий день думал покинуть Шамордино, но опять почувствовал себя плохо и не смог уехать. Через несколько дней, в течении которых он по-прежнему принимал посетителей и занимался монастырскими делами, о.Амвросий хотел опять уехать, но та же слабость и в третий день не позволила ему осуществить это намерение.

Уразумев после троекратных неудавшихся попыток волю Божию пребывать ему в этой обители, старец уже более не пытался уехать из Шамордино. В Оптину он написал: «Я задержался здесь по особому промыслению Божию, — а зачем, — это означится после».

Шли дни за днями. Прошла осень, наступила зима, а старец все жил в Шамордино. Много было различных толков среди его почитателей о причине задержки его. Многие осуждали его; но несомненно, что в это время старец был больше нужен Шамординской обители, чем Оптиной. Молодая, еще не устроенная в духовном и хозяйственном отношении Шамординская обитель нуждалась в постоянном окормлении старца, и он отдал ей последние дни своей жизни.

С переселением старца Амвросия в Шамордино весь многочисленный поток посетителей направился в эту обитель. Посещая старца, многие влиятельные люди познакомились с Шамординской обителью и, видя любовь старца к ней, из уважения к отцу Амвросию сами становились усердными благодетелями обители, что крайне необходимо было для ее дальнейшего существования. Всю зиму старец ежедневно принимал посетителей, но заметно было, что он постепенно слабел. Часто к вечеру он приходил в полное изнеможение и терял совершенно голос. В воскресенье и праздничные дни в келье старца совершали «бдения», для чего специально приезжал иеромонах из Оптиной Пустыни. Первое время, когда батюшка имел больше сил, он сам во время бдения делал возгласы и читал Евангелие. Когда наступало время чтения Евангелия, все присутствовавшие (несколько сестер и немного из приезжих) подвигались к дверям батюшкиной кельи и обращались в слух и внимание. Старец выходил своей торопливой походкой к аналою и тихим старческим голосом читал Евангелие. Его чтение производило на всех глубокое впечатление. Один из очевидцев пишет: «Какая это была торжественная минута: седой, сторбленный старец — живой проповедник Евангелия, и слова, им произносимые, становились как бы живыми, росли... и наполняли собой всю душу!..»

Живя в Шамордино, о.Амвросий причащался один раз в две недели.

Особым торжеством для Шамординской обители в зиму 1890 года было 7-е декабря — день ангела их любимого старца. Храм к этому дню был убран по-праздничному. Из Оптиной Пустыни приехали архимандрит Исаакий со старшей братией поздравить с днем тезоименитства своего духовного отца. Было торжественное бдение, божественная литургия и молебен с многолетием имениннику. Вся многочисленная шамординская семья пришла

поздравить старца. Многие сестры приготовили ему подарки: кто икону, кто четки, кто связал какую-то вещь. Батюшка был очень растроган единодушным выражением любви, всех благодарил, но был несколько смущен торжеством и даже сказал о.Исаакию: «Уж... очень много параду сделали».

Шла зима. Сестры ежедневно назидались душеспасительным словом батюшки. Сам же он постепенно таял и все чаще стал прикровенно говорить окружающим о своей смерти. Когда на Новый год все сестры пришли к о.Амвросию поздравить его и получить благословение, он вышел к ним, благословил всех, затем сел на диван и очень серьезно произнес начало стихотворения: «Лебедь на водах Меандра песнь последнюю поет...» И затем прибавил: «Лебедь на водах Шамордиандра песнь последнюю поет». При этом старец пояснил, что лебедь поет свою песнь только однажды, перед смертью. Все сестры были опечалены этими словами, но вскоре они забылись, потому что жизнь текла своим обычным порядком; старец, хотя и был слаб, но продолжал принимать посетителей.

Спокойно, в обычных иноческих трудах прошел Великий пост. С особой радостью шамординские сестры встретили Св. Пасху; их любимый старец был с ними. Всю светлую седмицу сестры пели в келье у старца утреню, часы и вечерню. Батюшка сам пел вместе с певчими, младенческая радость сияла на его лице. В пятницу на светлой седмице, благодаря сестер за то утешение, которое они ему доставили, о.Амвросий ласково сказал им: «Спаси Господи, — а потом прибавил, — будете вы вспоминать эту Святую (седмицу)». Сестры не придали особого значения этим словам, и только через год, когда в этот же день отмечалась полугодичная память со дня кончины старца, им стал понятен смысл слов старца.

Когда наступила теплая погода, о.Амвросий неоднократно выезжал на место строительства корпусов и детского приюта. Ни один важный вопрос хозяйственной, дисциплинарной и духовной жизни не решался в это время без совета мудрого старца. Непрестанные заботы лишали о.Амвросия последних сил. Многие из его близких говорили, что ему нужен полный покой и отдых, но старец на это отвечал со свойственным ему юмором, что покой для человека настанет только тогда, когда пропоют над ним: «Со святыми упокой». Часто старец был настолько слаб, что не мог принимать многочисленных посетителей и, зная, что на него обижаются те, кто долго не мог попасть к нему, говорил: «Ведь не верят, что я слаб, а ропщут».

В течении всего лета в Шамординскую обитель приходили слухи, что новый Калужский архиерей, Преосвященный Виталий собирается посетить их обитель. Приезд владыки вызывал у многих опасения, так как было известно, что Преосвященный был недоволен столь долгим пребыванием о.Амвросия в Шамордино. Сестры спрашивали с тревогой батюшку, как встретить им владыку? На это старец, ободряя их, полушутя говорил: «Не мы его, а он нас будет встречать, а мы ему «аллилуйя» пропоем». Когда в другой раз сестры сказали о.Амвросию, что владыка хочет с ним о многом поговорить, он ответил: «Мы с ним потихоньку будем говорить, никто не услышит». Эти слова вызывали недоумение у сестер и стали понятны им лишь тогда, когда наступили для обители дни печали...

Наступила осень 1891 года. 21 сентября, в субботу, как всегда, приехал иеромонах из Оптиной для совершения бдения в келье батюшки, но в этот день старец настолько ослаб, что не смог слушать службу, у него появился озноб. Тревожная весть, подобно молнии, облетела обитель и встревожила всех. «Батюшка захворал», — передавали друг другу с трепетом сестры. Все понимали, что для старца, истощенного многими трудами, любая болезнь может быть очень опасна. Никто не хотел думать, что началась болезнь, которая сведет старца в могилу, но это было так. На следующий день у отца Амвросия заболели уши, в течении нескольких дней боль усиливалась, и он почти совершенно потерял слух. В эти дни старец сказал одной из прислуживающих ему сестер, что «это последнее испытание». Болезнь постепенно

прогрессировала; к боли в ушах прибавилась еще боль в голове и во всем теле. Встревоженная настоятельница послала телеграмму в Москву, прося приехать к больному старцу известного опытного врача. 27 сентября нарыв в ухе о.Амвросия прорвался, и боль стала утихать. Вечером приехал доктор и успокоил всех, сказав, что болезнь не опасна. Старец действительно стал видимо поправляться и даже принимал некоторых посетителей. Однако ко всеобщему огорчению, 4-го октября головные боли у старца усилились, а к вечеру поднялся жар. Все следующие дни старец находился в лихорадочном состоянии, иногда от сильного жара погружался в забытие. В редкие промежутки, когда о.Амвросию становилось лучше, он делал распоряжения по обители, призывал некоторых лиц и беседовал с ними.

В эти дни проявилась прозорливость старца. Большая толпа его почитателей с утра до вечера стояла у его крыльца, хотя по состоянию здоровья он никого не мог принимать. Но однажды старец вдруг проговорил вслух: «Кто это опять там проситься в монастырь?» В келье никого из посторонних не было, и старца пытались успокоить, что никто не проситься. Через несколько минут болящий опять, но уже с гневом произнес: «Да что же мне не скажут, кто это еще проситься в монастырь?» После этих слов келейник вышел на крыльцо, недоумевая, как ему узнать, кто из многочисленной толпы желает поступить в обитель. Когда келейник появился на крыльце, к нему обратился молодой человек, желавший спросить у о.Амвросия, в какой монастырь благословит он его поступить. Вопросивший был некогда послушником в Оптиной Пустыни, затем ушел на Афон, но и там не смог ужиться; но душа его тосковала в мире, и он решил с благословения о.Амвросия опять поступить в какую-либо обитель. Келейник передал просьбу вопрошавшего. Батюшка пригласил его к себе, благословил и велел поступить в известную по высоте и строгости духовной жизни Глинскую Пустынь. Восьмого числа усилился жар, который временами сменялся ознобом, временами больной бредил и впадал в забытие. Из скита были вызваны о.Анатолий (скитоначальник) и о.Иосиф (старший келейник о.Амвросия). Весь день батюшка был без сознания. Жар доходил до сорока градусов. К вечеру было решено совершать над болящим таинство Елеосвящения, но он был настолько слаб, что окружающие думали, что он умрет, и о.Иосиф прочитал отходную; а затем было совершено елеосвящение. Все время совершения таинства о.Амвросий был без сознания. После 12-ти часов жар стал постепенно спадать, и больной пришел в сознание. 9-го в шесть часов утра старец с большим трудом причастился Св.Таин. В этот день он не терял сознание, но был очень слаб. Когда к нему подошла матушка Евфросиния, он ласково посмотрел на нее и тихо произнес: «Плохо, мать».

В этот день к умирающему приезжал проститься настоятель Оптиной Пустыни о.Исаакий. Войдя к нему, он был поражен его изможденным видом и заплакал от жалости. В это время старец уже не мог говорить, но он узнал о.Настоятеля. Устремив на него глубокий пристальный взгляд, он поднял руку и снял шапочку — этим он выразил свое последнее приветствие своему горячо любимому настоятелю.

Очевидец последних часов жизни старца Амвросия рассказывает, что в последнюю ночь старец шептал молитву вплоть до утра; в три часа утра жар начал спадать, но вместе с тем последние силы начали оставлять старца. Его взор начал останавливаться на какой-то точке, губы перестали шевелиться, пульс становился слабее. В одиннадцать часов прочитали отходную молитву. Через несколько минут началась агония: ноги вытянулись, присутствующие могли заметить, что старец быстро взглянул на лево и быстро же отвернулся, страдальчески скосив лицо как бы от испуга или от острой боли. Правой рукой он будто отмахнулся, бросив ее к левому плечу, и, повернул голову вправо, просиял, лицо осветилось, и он чуть-чуть улыбнулся. Лицо старца начало покрываться мертвенной бледностью — старец умирал. Дыхание становилось все реже и реже. Вскоре он сильно вздохнул; через несколько минут вдох повторился, после этого батюшка поднял правую руку, слабо перекрестился и вздохнул в третий

и последний раз. Душа великого старца-подвижника оставила его многострадальное тело. Все присутствующие в священном трепете стояли вокруг одра своего духовного отца, никто не решался нарушить священную тишину, во время которой произошла тайна разлучения души с телом; все молчали, а «святая душа его была уже далеко: она тихо отлетела в иной мир и предстала престолу Всевышнего, в сиянии той любви, которой он полон был на земле».

Через несколько минут после кончины батюшки вся обитель погрузилась во всеобщий стон. Невозможно словом описать горе сестер, для которых старец Амвросий был единственной опорой в их тяжелой земной участи.

В этот же день было разослано множество телеграмм во все концы России с извещением о кончине старца. Была послана телеграмма и Калужскому епископу Виталию, но она застала его уже на дороге в Шамординскую обитель. Владыка выехал из Калуги в половине двенадцатого, в то самое время, когда скончался старец. Узнав о смерти о.Амвросия, Преосвященный произнес: «Теперь я вижу, что это старец меня пригласил на отпевание; простых иеромонахов не отпевают епископы, но этот старец так велик, что его непременно должен отпевать епископ. Меня доктора отпустили с условием, чтоб я нигде не служил, но я считаю обязанностью отпевать старца».

Сразу же после кончины старца в соседней комнате начали читать попеременно псалтырь по усопшему. 11-го октября в Шамординской обители, Оптиной Пустыни и многих других местах были отслужены заупокойные литургии. После литургии началось непрерывное служение панихид, во время которых непрерывно прибывавшие почитатели старца изливали горячие молитвы об упокоении его души и в этом находили облегчение своему безутешному горю. Панихиды большей частью служили представители белого духовенства, съехавшиеся из окрестных сел и городов. Они считали за честь отслужить панихиду по великом старце. Белевский женский монастырь прислал свой хор певчих. Уставших шамординских певчих сменяли белевские, затем пели воспитанницы приюта, пели оптинские монахи, пели, наконец, все, кто мог петь, и как придется, потому что все-таки не хватало сил служить все панихиды. В два часа гроб с телом почившего старца перенесен из настоятельского корпуса в храм. Народ нескончаемой вереницей стал подходить к гробу и, прощаясь с великим печальником, воздавал ему последнее целование. Многие приносили своих детей и прикладывали их ко гробу. Приносили также платки, куски холста и разные вещи, прикладывали их к телу праведника и, как великую святыню, уносили обратно.

Отпевание было назначено на 13-го октября. К этому дню в обитель съехалось множество почитателей старца. Приехали многие настоятели и настоятельницы соседних монастырей, иеросхимонахи и священники соседних обителей и приходов, большинство из них были учениками и ученицами покойного. В этот же день утром прибыл для совершения отпевания епископ Виталий. Он вошел в храм неожиданно. В это время совершалась очередная панихида и пели «аллилуйя» (по окончании «Благословен еси Господи»). Так исполнилось пророческое слово о.Амвросия, что при встрече архиерея сестры споют ему «аллилуйя».

Преосвященный Виталий отслужил в этот день в храме обители заупокойную литургию в сослужении многочисленного духовенства. После запричастного стиха студент Московской Духовной Академии иеромонах Григорий (Борисоглебский) произнес пространное слово, в котором он прекрасно рассказал о значении старца Амвросия для русского монашества и всего русского народа. Несколько раз вдохновенные слова молодого проповедника заглушались рыданиями присутствующих в храме.

После литургии епископ Виталий в сослужении 30-ти священнослужителей совершил чин отпевания.

Необыкновенное впечатление оставило на души всех присутствующих это отпевание. Все

священнослужители были в белых одеяниях, величественно пел архиерейский хор, и ему проникновенно вторил сонм духовенства: «Упокой, Господи, душу усопшего раба Твоего». Перед пением кондака «Со святыми упокой...» студент Московской Духовной Академии иеросхимонах Трифон (впоследствии митрополит Дмитровский) произнес краткое, но глубоко прочувствованное слово. После окончания отпевания духовенство, а затем опять множество народа стали прощаться с покойником. В это время настоятельница в своих покоях предложила гостям поминальный обед, за которым присутствовало около 500 человек. Во время обеда произошел случай, который еще раз показал всем прозорливость старца. Среди обедавших была одна молодая чета, которая не имела детей и очень скорбела об этом. Еще при жизни старца Амвросия супруги просили его, чтобы он благословил им взять ребенка на воспитание. Батюшка ответил, что через год он пришлет им на воспитание девочку. И вот теперь, через год, они сидели за поминальным столом и скорбели не только о том, что нет уже старца в живых, но и о том, что он не успел исполнить своего обещания. В это время разнесся слух, что на лестнице настоятельских покоев найдена покинутая неизвестно кем младенец-девочка. Услыхав об этом, супруги сразу же объявили, что берут эту девочку себе на воспитание, как обещанный дар от старца Амвросия.

14-го октября после заупокойной литургии гроб с телом старца был поднят сестрами обители, обнесен вокруг храма, и многочисленная процессия направилась к воротам обители. Старец возвращался в свою обитель — Оптину Пустынь. Тяжело было сестрам расставаться со своим аввою. Они желали похоронить старца в своей обители, чтобы иметь возможность в любое время на его могилке изливать свои скорби. Но оптинские монахи также требовали, чтобы старец был погребен в их обители. Удивительно, что старец предвидел такой ход событий и незадолго до своей кончины говорил в шутовском тоне окружавшим его шамординским сестрам: «Смотрите, — идет осень: и там и сям достанется — и уткам и гусям. Гуси потащат, а утки поплачут». И действительно, не имея возможности переубедить шамординских сестер, братия Оптиной Пустыни обратилась за разрешением этого вопроса в Св. Синод, который распорядился похоронить старца в Оптиной Пустыни, рядом с могилой его учителя о.Макария. «Настала ужасная, тяжелая минута, — пишет один из очевидцев, — дорогой, любвеобильный батюшка навсегда покидал свое любимое детище, на которое столько сил и труда было положено. Его Шамордино видело в нем свое основание... С отчаянным взором следили сестры за удаляющимся от их пределов гробом». Торжественно и необычайно умирительно происходило перенесение гроба с телом старца Амвросия. Похоронное шествие растянулось на целую версту. Множество народа окружало гроб. Сестры, оптинские иноки и монахи попеременно несли на руках носилки с гробом; хоругви, зажженные свечи, колокольный звон, с которым встречали процессию в каждом селе, — все это напоминало скорее перенесение мощей, чем обычное погребение. В селах, через которые проходила похоронная процессия, священнослужители в облачениях и в преднесении хоругвей встречали гроб старца; около храмов делали краткие остановки и служили литии.

В течении семи часов продолжалось перенесение тела почившего старца. Все это время погода была самая ненастная, почти непрерывно шел дождь и дул сильный ветер. Замечательно, что в течении всего времени перенесения тела старца из Шамордино в Оптину свечи у гроба ни разу не погасли, и даже не слышно было обычного треска, который бывает, когда капельки воды попадают на фитиль горящей свечи. При жизни своей старец Амвросий был светильником, который в любых жизненных условиях ярко светил светом своих добродетелей истомившемуся от греховной жизни человечеству, — и вот теперь, когда его не стало, Господь горением свечей в ненастную дождливую погоду засвидетельствовал всем еще раз о святости старца.

Недалеко от Оптиной Пустыни похоронную процессию встретило все духовенство города

Козельска с именитыми гражданами и множеством народа, и все влились в общее шествие. Около пяти часов величественная процессия подошла к Оптиной Пустыни. Большой оптинский колокол своим густым, плавным, исполненным траура звоном возвестил оптинцам о приближении их старца, более 50-лет подвизавшегося в этой обители. Навстречу похоронной процессии из ворот обители вышло все многочисленное оптинское братство во главе с двумя архимандритами, игуменами, иеромонахами и приезжим белым духовенством. Все священнослужители были в облачениях. Братия несли множество хоругвей и икон. Все это встречное шествие подошло к реке Жиздре и остановилось у моста, специально возведенного к этому дню. Около моста две процессии слились в одну, и все направились к монастырским воротам. «Величественное было зрелище, — пишет архимандрит Агапит (очевидец), — когда перенесенный через мост гроб старца внесен был в ряды многочисленного сонма священнослужителей в блестящих облачениях, и несметные толпы народа с той и другой стороны соединились вместе. Похоронный перезвон колоколов, пение певчих, развивающиеся хоругви, и это необозримое множество народа и впереди и сзади далеко, далеко за рекой, и наконец, этот бедный гроб, к которому устремлены слезные взоры всех присутствующих, к которому неслись со всех сторон сердечные вздохи, — все это поражало сердца всех, собравшихся отдать последний долг старцу».

Через северные врата гроб был внесен в обитель и затем в холодный Введенский собор, который был украшен по-праздничному и блистал от множества зажженных свечей и паникадил.

После того, как гроб был установлен на середине храма, о.Настоятель с несколькими парами отслужил панихиду. В это время в теплом Казанском храме началось торжественное заупокойное всенощное бдение. Всю ночь во Введенском храме служили панихиды, и народ во множестве стоял при гробе старца.

На следующий день, 15-го октября, гроб был перенесен в Казанский храм. В 9 часов Преосвященный Виталий в сослужении старшей братии обители совершил Божественную литургию, в конце которой он произнес исполненную глубокой скорби о почившем старце речь. После литургии Владыка в сослужении сорока священнослужителей отслужил панихиду. После 9-ой песни канона иеромонах Григорий (Борисоглебский), по благословию Преосвященного, произнес краткое слово, в котором он высказал последние прощальные слова старцу от Московской Духовной Академии. Свое слово проповедник окончил земным поклоном усопшему.

После панихиды гроб с телом старца был поднят братией обители, и в преднесении хоругвей и икон, при печальном похоронном перезвоне и умирительном пении погребальных песнопений его несли к юго-восточной стене Введенского собора, где рядом с часовней над могилой старца Макария была приготовлена свежая могила.

Известно, как благоговел в течении всей своей жизни о.Амвросий перед своим учителем — о.Макарием. Близкие к о.Амвросию лица нередко слышали от него следующее: «Великий человек был батюшка о.Макарий! — вот привел бы мне Господь хоть у ножек его лечь». И теперь даже и не «у ножек», а рядом с великим учителем погребался не менее, а может быть, и более великий его ученик.

По совершении литии и провозглашении «Вечной памяти» почившему гроб был опущен в могилу. Владыка первый бросил на гроб горсть земли, за ним остальные, и вскоре небольшой холмик возвысился над местом вечного упокоения великого праведника.

«Вот появилась, наконец, новая, свежая могила, в которой сокрыто драгоценное сокровище, сосуд Божией благодати, храм великой святой души — многотрудное тело старца иеромонаха, батюшки отца Амвросия!» — пишет один из его жизнеописателей.

До самой поздней ночи над новой могилкой совершались панихиды. Народ долго не расходился. Всем было очень трудно свыкнуться с мыслью, что уже нет в жизни доброго, всепрощающего, мудрого и всеведущего батюшки. Простые люди говорили: «Батюшка для всех был нужен, да, видно, понадобился ему отдых: очень уж его замучили».

Незадолго до смерти старца Амвросия его спросили: «Придет время, не станет вас с нами. Что мы тогда будем делать?» И он с любовью ответил тогда: «Уж если я с вами тут все возился, то там-то от вас уж, верно, не уйдешь». И он не ушел от нас. Он поселился там, где за Русскую землю предстательствуют святые и своей благодатной помощью не оставляют нуждающихся в ней. Как бы подтверждением этому служат приводимые в «Жизнеописании» старца случаи исцелений по молитвам почившего.

В заключение приведем два замечательных сновидения одной шамординской сестры, которые рисуют загробную участь старца Амвросия. «За несколько времени до кончины батюшки, — рассказывает она, — видела я, будто стою в прекрасном саду. На высоких деревьях трепещут листки, и всякий листок все повторяет молитву: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». В саду будто стоит светлый храм. Вошла я в него и вижу, — купол у него недостроен. И подумала я, как это храм не окончен. Тогда послышался мне голос: «Это жилище приготовлено для старца Амвросия и скоро будет кончено». А как батюшка уже умер, — продолжает монахиня, рассказывая о втором своем сновидении, — видела я, что стоит его гроб. И вот спустились четыре ангела в белых ризах, а в руках у них свечи и кадило. И спросила я: «Почему это они, такие светлые, спустились ко гробу». И мне ответили: «Это за то, что он так много пострадал в жизни, и так терпеливо нес свои кресты».

(письменное наследие старца)

Назидательна жизнь старца Амвросия, но не менее назидательно и его письменное наследие, оставленное им. Множество писем, написанных им при жизни, было собрано и опубликовано почитателями старца после его смерти. Эти письма прекрасно отображают духовный образ великого старца — дивные качества его богопросвещенной души и содержат множество мудрых наставлений и советов для боголюбивых мирян и монашествующих.

Письма старца Амвросия раскрывают полную и ясную картину внутренней духовной жизни человека, указывают высшую цель его стремлений и способы, как достигнуть этой цели, состоящей в утверждении в своей душе Царства Божия.

Они представляют собой неисчерпаемый кладезь духовных сокровищ, столь необходимых для всех, ищущих спасения. В основе их лежит евангельское и святоотеческое учение. Сам старец Амвросий свидетельствует об этом. Одна духовная дочь упрекала его, что он скрывает себя за словами Писания. «Совсем нет, — отвечает старец, — я свое мнение основываю на словах Священного Писания, чтобы оно было твердо».

Люди всех сословий и положений, находящиеся на различных ступенях духовного развития со всеми своими многообразными вопросами обращались к старцу Амвросию и получали необходимые ответы.

Поэтому каждый христианин может найти в письмах оптинского старца неисчерпаемый источник для своего духовного назидания, утешения и руководства в затруднительных и недоуменных случаях.

УЧЕНИЕ О СПАСЕНИИ И ДОСТИЖЕНИИ ЦАРСТВА БОЖИЯ

В письмах старца Амвросия каждое слово направлено к одной цели — к спасению душ тех, кто обращается к нему. Спасение души есть не что иное, как очищение ее от страстей, насаждение в ней добрых христианских чувствований, подготовка ее к тому, чтобы она сделалась храмом Духа Божия.

Бесконечно разнообразны человеческие характеры и условия их жизни, но, по мысли старца Амвросия, ни место, ни окружающая обстановка не могут повлиять в худшую сторону в вопросах спасения, если сам христианин будет проявлять решимость добрыми делами угождать Богу.

«Во всяком месте и во всяком состоянии были и есть спасающиеся и погибающие, — пишет старец Амвросий, — и это происходит от нашего произволения. Если мы оставим свои хотения и разумения и потщимся исполнять хотения и разумения Божии, то во всяком месте и во всяком состоянии спасемся. А если будем держаться своих хотений и разумений, то никакое место, никакое состояние нам не помогут. Ева и в раю преступила заповедь Божию, а Иуде злосчастному жизнь при Самом Спасителе не принесла никакой пользы. Везде потребно терпение и понуждение к благочестивой жизни».

В другом письме оптинский старец пишет: «Иногда и неудобное место бывает полезно, потому что человек, там остерегается и блюдет себя, а на удобном месте расслабляется и предается беспечности. Так, Лот в Содоме сохранился от вреда, а подвергся оному в Сигоре, в месте, которое он считал недоступным для зла».

Человек свободен, а поэтому он по собственному произволению может стать либо на сторону добра, либо на сторону зла. Это положение старец Амвросий в одном из своих писем освещает так: «Насильно никого не проведешь ко спасению... Воли человека и Сам Господь не понуждает, хотя многими способами и вразумляет... некоторые толкователи Св. Писания объясняют, что Господь в Гефсиманском саду в последнюю ночь много плакал особенно потому, что знал, что немногие воспользуются его крестными страданиями, а большая часть по неразумению и по злой и упорной воле уклонится в противную сторону».

Иеросхимонах Амвросий, указывая на необходимость усилий со стороны человека в деле спасения, основное внимание обращал на действие Божественной благодати. Так, в письме к духовной дочери он пишет: «Напрасно и несправедливо ты думаешь, что дела делаются... без участия Промысла Божия. Кроме властей земных на земле есть еще и Царь Небесный, Дух Святой, всем управляющий, к пользе нашей полезное устрояющий, бесполезное отстраняющий».

Старец указывал на то, что действия благодати и воли человека находятся в тесном взаимодействии. «Дело нашего спасения, — пишет он, — зависит и от нашего произволения, и от Божией помощи и содействия. Но последнее не последует, если не предварит первое. С нашей стороны вся сила и важность сего дела состоит в благоволении, т.е. в благом изволении благоугождат Господу: тогда Сам Господь будет действовать и помогать нам в деле спасения нашего, по сказанному: «Без Мене не можете творити ничесоже».

Спасение человека совершено Сыном Божиим, Господом нашим Иисусом Христом. В своих многочисленных праздничных поздравлениях старец часто раскрывал смысл пришествия в мир Спасителя, Его страданий и воскресения. Так, например, в одном из них он пишет: «Творец видимого и невидимого мира на земле явился странником, не имея где главы поклонити, и за грехи рода человеческого принес Себя в жертву Богу и Отцу вольными страданиями и крестной смертью». Поэтому тот, кто стремиться к спасению, по словам старца

Амвросия, должен верить и надеяться, что получит «прощение грехов своих милосердием Божиим, заслугами Христа Спасителя, пришедшего призвать грешников на покаяние».

Несомненно, что человек, стремящийся к спасению через веру в Иисуса Христа, должен принадлежать к Церкви Христовой. Этот наиболее важный пункт христианского учения о спасении находит свое отражение и в письмах оптинского старца. В одном из писем он пишет, что вне единой, святой, соборной и апостольской Церкви невозможно спасение.

Иеросхимонах Амвросий, руководя своих пасомых на пути к спасению, неизменно указывал на заповеди Христовы, как на самое необходимое условие для достижения Царствия Небесного. «На исполнение заповедей Божиих, — пишет старец, — должно понуждать себя и вопреки нехотению, так как в Евангелии сказано: «Нудится Царствие Божие, и нуждницы восхищают его». При этом он учил, что «цель... православных, при исполнении заповедей Божиих, — видеть свои недостатки, познать свою немощь и через то достигать смирения, без которого все другие добродетели не помогут христианину».

Такой вывод сделает каждый христианин, если твердо решится во что бы то ни стало исполнять заповеди Божии, потому что, по слову старца Амвросия, «как бы кто из христиан не был тверд и точен в исполнении христианских своих обязанностей, это исполнение его и духовное делание, по слову святых отцев, может уподобляться только малой купели или самомалейшему озерцу; заповеди же Божии подобны великому морю, как и св. пророк Давид говорит: «Заповедь Твоя широка зело ([Пс.118:96](#))».

«Но очень часто многие христиане забывают о цели своей жизни, прилепляются к земным скоропреходящим благам, а о спасении только говорят. Поэтому старец писал: «Славы и прославления со Христом мы все желаем, но примеру Христову не все последуем... Что же нам делать в таком горьком положении? Остается одно — подражать евангельскому мытарю, которого искреннее сознание и смиренное мудрование, и смиренная молитва оправдали пред Богом».

Христиане, «когда принесут смиренное и искреннее покаяние и будут проводить жизнь благочестивую, согласно заповедям Божиим, понуждая себя к смирению, кротости и любви, тогда... вселяется в них благодать Божия и Сам Господь Бог благодатью Своею, по сказанному: «Вселюся в них и похожду и буду им Бог, и тии будут Мне людие ([2Кор.6:16](#)).»

Старец Амвросий видел, что многие из ищущих спасения желали бы обрести таковое, но только безболезненным путем. Зная склонность людей всегда предпочитать легкое тяжелому, старец раскрывает в своих письмах ложное представление о безболезненном пути ко спасению: «По человеческому мнению, путь спасения, казалось бы, должен быть гладкий, тихий и мирный; а по евангельскому слову, путь этот прискорбный, тесный и узкий. «Не приидох бо, — глаголет Господь, — вovreци мир на землю, но меч», дабы разлучить боголюбивых от сластолюбивых и смиренномудрых от миролюбцев. Вообще, спасение наше, по слову Петра Дамаскина, находится между страхом и надеждой, чтобы не иметь самонадеянности и не отчаиваться, а с благою надеждою и упованием на милость и помощь Божию стараться проводить жизнь во исполнении заповедей Божиих». Итак, спасение христианина состоит в исполнении заповедей Христовых, конечной целью которых является достижение Царства Божия или Царствия Небесного. В своих письмах к духовным чадам иеросхимонах Амвросий уделяет этому много внимания. Господь любит человека как Свой образ и подобие и желает, чтобы он стремился к святости и к достижению Царствия Небесного.

В Священном Писании говорится также и о Царствии Божиим. Иеромонах Амвросий видит между ними различие; а именно «Царствие Небесное, — говорит он, — получают достойные по смерти, а Царствие Божие твердо верующие и тщательные приобретают и в настоящей жизни внутри себя, в своей душе и сердце, по сказанному в Евангелии: «Царствие Божие внутрь вас

есть» ([Лк.17:21](#)).

Как и чем приобретается Царствие Божие внутри нас? По слову апостольскому, оно приобретается, во-первых, «правдою» — то есть праведностью, которая состоит в исполнении заповедей Божиих и милостивом и сострадательном расположении к ближним; во-вторых, миром с ближними, миром от страстей, миром со своей совестью и миром с Богом через покаяние и смирение. Когда христианин понудится так себя устроить, тогда он получит благодатную помощь и при содействии Святого Духа среди самых скорбей будет радоваться, твердо веруя апостольскому слову, что скорбь терпение соделывает, терпение же искусство, искусство же упование, упование же не посрамит, что недостойны страдания нынешнего времени к хотящей славе явиться в нас в жизни будущей, что многими скорбями подобает нам внити в Царствие Небесное».

Иеросхимонах Амвросий, желая наставить ко спасению обращающихся к нему с просьбой душеполезного назидания, дает им наставление следующего содержания: «Не мало между нами и таких, которые хотят и вечное блаженство получить в Царствии Небесном, и вместе желают и временное иметь счастье и полное благополучие. Но это невозможно, как объясняется в слове Божиим, что «многими скорбями подобает нам внити в Царствие Небесное» и что наследие со Христом получают только те, которые Христа ради на земле переносят разные скорби и страдания, как свидетельствует апостол: «Аще с Ним, т.е. со Христом, страдаем, то с Ним и прославимся». Когда же в скорбях наших и болезнях будем малодушествовать и роптать на Бога и на людей, и на участь свою; в таком случае не прославимся, но осудимся. Постараемся же исправиться, хотя не делали, но по крайней мере душевным и мысленным расположением, как говорит Иоанн Лествичник: «Не постихся, ни бдех, ни на земли лежах, но смирихся, и спасе мя Господь...» Эти наставления старца Амвросия согласны с учением Спасителя о Царстве Небесном, Который говорит: «Царствие Небесное нудится, и нуждницы восхищают его» ([Мф.11:12](#)). Заповедуя нам искать прежде всего Царство Божие, Спаситель добавляет: «И это все (то есть потребности земной жизни) приложится вам».

Чаще всего человек заботится о земном и забывает о Небесном Отечестве в надежде найти счастье и какое-то успокоение в своей жизни. Но, по слову старца Амвросия, кроме Царствия Небесного, нет успокоительного места во вселенной. «Поэтому, — говорит он, — нерасчетливо, ради пустой и кратковременной мечтательности, оставить путь, ведущий в Царствие Божие, к блаженной вечности, и избрать стезю, ведущую к гибели вечной». Для достижения вечного успокоения, по словам иеросхимонаха Амвросия, требуется усилие, чтобы шествовать по узкому и тернистому пути. «До дверей Царствия Небесного, — пишет он, — без труда и неудобств добраться невозможно». «Тесен и прискорбен путь, вводяй в живот... многими скорбями подобает нам внити в Царствие Небесное». И не вотще Господь говорит в Евангелии: «Не приидох мир воврещи на землю, но меч». В другом письме старец Амвросий пишет: «Царствие Небесное даруется нам милостью Божией, не без скорбей и праведным, то как же мы, грешные, не хотим ничего скорбного понести, желая получить оное». Скорби, по словам иеросхимонаха Амвросия, нужны каждому, кто желает получить вечное спасение. А без скорбей и трудностей это спасение не дается. «Кто не имеет отрады здесь и переносит это терпеливо, — пишет он, — тот вполне может надеяться, что там, т.е. в будущей жизни, получит отраду, великую и несказанную». И наоборот, те, которые желают в земной жизни жить радостно, подобно евангельскому богачу, не заботясь о своем спасении, по словам старца, «будут отосланы в муку», «а небо — для вечного блаженства достойных и непротивящихся слову Божию и покаявшихся».

Чтобы стяжать Царствие Божие — то есть достигнуть нравственного совершенства, нужно пройти через многие искушения как внутренней борьбы, так и извне приходящих, обид,

всевозможных неприятностей, одержать победу над борющимися страстями, гневом, раздражительностью. И только после этой длительной борьбы в душе может водвориться мир, о чем свидетельствует великий старец: «Христиане не вдруг достигают совершенства, а пока не достигнут оно, беспокоимы бывают тою или другою немощью или страстию. Потому-то и сказано в Евангелии: «Нудится Царствие Божие, и нуждницы восхищают оное».

Для возбуждения ревности и молитвенного подвига и для безропотного перенесения искушений на пути к Царству Небесному желающим обрести вечное спасение иеросхимонах Амвросий указывает на житие святых, как на образец для подражания: «И о прежних святых пишется, что они не просто вошли в вечный покой, но, по сказанному во псалмах, «проидохом сквозь огонь и воду, и извел ны еси в покой». Видно иначе нельзя достигнуть оно покоя, как не потерпеть да подождать, да потрудиться о себе и о других, так как **без любви к ближнему невозможно спастись**».

Далее старец советует своим духовным чадам также постоянно иметь пред своим мысленным взором образ Христа Спасителя и направлять свои внутренние силы к тщательному исполнению Его святых заповедей и тогда только можно с ап. Павлом сказать: «Житие бо наше на небесах есть, отонудуже и Спасителя ждем Господа нашего Иисуса Христа» ([Флп.3:20](#)).

Останавливая внимание ищущих спасения на добродетели терпения, как главной силе, которая является движущей и направляющей на путь, угодный Господу, иеросхимонах Амвросий пишет: «Царствие Божие не в слове, а в силе. Сила же эта заключается прежде всего в христианском терпении, как Сам Господь свидетельствует во св. Евангелии: «В терпении вашем стяжите души ваша», и: «Претерпевший до конца, той спасен будет».

По мысли иеросхимонаха Амвросия, все подвижники благочестия своими трудами приготавливают для себя вечные блага, уготованные праведникам в жизни будущей. Так, например, объясняя церковное песнопение «Чертог Твой вижу, Спасе мой...», старец пишет: «Чертог небесной славы, но не все внидут в оный, а только одни достойные, у которых светильники, как у мудрых дев, не угаснут в сретении Жениха-Христа. Остальные тщетно будут повторять: «Чертог Твой вижу, Спасе мой, украшенный, и одежды не имам, да вниду в оный...» К празднованию на небеси Пасхи вечной после всеобщего воскресения и суда... допустятся только одни избранные, достойные». Проводящие жизнь греховную и нерадивую сами уготовляют себе вечные муки. Это учение старца по данному вопросу полностью совпадает с учением отцов и учителей Церкви. «Все, помилованные от Господа, — говорит иеросхимонах Амвросий, — будут сподоблены лицезрения Христова; и Царствие Небесное не что иное есть, как радость о Христе Спасителе от лицезрения Его. Так и, напротив, отлученные от Христа будут лишены и Царствия Небесного и отосланы в муку». Для избежания страшных мук в вечности иеросхимонах Амвросий советовал всем обращавшимся к нему жить по евангельским заповедям и очищать свое сердце от всего порочного и греховного покаянием.

О ПОКАЯНИИ

Каждый христианин, стремящийся к спасению, целью своей жизни ставит достижение Царствия Божия. По слову Господа нашего Иисуса Христа, «Царство Небесное подобно сокровищу, скрытому на поле, которое, найдя, человек утаил, и от радости о нем идет и продает все, что имеет, и покупает поле то» ([Мф.13:44](#)). Поле, на котором скрыто такое драгоценное сокровище, как Царствие Божие, является покаяние. И как нельзя приобрести сокровище, не купив поле, так нельзя достигнуть Царствия Небесного без покаяния. «Покайтесь» ([Мф.1:15](#)), — так начинает свою проповедь Спаситель. О покаянии, как о необходимом условии спасения христианина, учили святые апостолы и святые отцы.

Старец иеросхимонах Амвросий, в основу своей жизни положивший покаяние и отсечение своей воли, также поучал и своих пасомых стремиться к этой основной добродетели. «Если не можем, по немощи, жить благочестиво, — пишет он в одном из писем, — то, по крайней мере, позаботимся и постараемся всегда приносить искреннее раскаяние в своей неисправности». Своим духовным детям старец Амвросий постоянно стремится привить жажду покаяния, посредством которого душа сподобляется единения с Богом. «Если грешный с верою и упованием в покаянии будет прибегать к Господу, — говорит старец, — то получит помилование и прощение согрешений». Старец непрестанно учил: «Одно остается нам, немощным и грешным: каяться в своих слабостях и немощах душевных, нелицемерно смиряться пред Богом и людьми и терпеливо переносить посылаемые нам за грехи различные скорби и болезни, и таким образом несомненно можем получить милость Божию».

Одна женщина писала старцу, что «лучше не грешить, чем каяться». На это иеросхимонах Амвросий отвечал: «Не грешить хорошо. А согрешившему похвально покаяться. Если удержаться на первом — хорошо; а не удержавшись, другого средства нет умиловать Бога... Богу приятнее грешник кающийся, чем человек не согрешивший, но превозносящийся. Лучше согрешивши, покаяться, нежели, не согрешая, гордиться этим».

Утешая своих чад духовных, старец советует им не малодушествовать в искушениях: «В чем по немощи увлечешься... не смущайся, а старайся поправить это самоукорением и исповеданием сперва сердцеведцу Богу, а по времени и духовному отцу».

Искреннюю, чистосердечную исповедь старец Амвросий считал неотъемлемой частью покаяния. Так, например, он поучает, что тяжелые душевные и телесные недуги большей частью являются следствием тяжких, а также исповеданных согрешений. И когда иеросхимонаху Амвросию рассказывали о таких больных, он давал советы, чтобы они «искренно исповедали свои грехи духовному отцу, и не стыдились ничего утаивать». Хорошо было бы, — советует старец в другом письме, — если бы случился вблизи опытный духовник из монашествующих, которому больная должна рассказать всю свою жизнь... Искреннее покаяние и смирение, по слову св. Лествичника, исцеляет и неудобоврачуемые язвы душевные».

В большинстве случаев таинство Покаяния неизменно предшествует принятию Святых Тайн. И если человек не отнесется с должным вниманием к исповеди, то он приступает к Телу и Крови Христовым недостаточно подготовленным. Об этом иеросхимонах Амвросий пишет: «Есть такие христиане, которые приносят покаяние, но не все высказывают на исповеди, а некоторые грехи скрывают и утаивают стыда ради. Таковы, по слову апостольскому, недостойно причащаются Св.Тайн; а за недостойное причащение подвергаются различным немощам и болезням, а немало и умирают. Сказано апостолом: «Ядый бо пияй не достойне, суд себе яст и пьет, не рассуждая Тела Господня» ([1Кор.11:29](#)).

Утаенный грех влечет за собой смерть души и страдание тела, «так как наказание бывает

человеку не только за грехи, но больше за недостойное причащение Святых Тайн».

Но основное внимание иеросхимонах Амвросий обращает на то, что покаяние есть средство для восстановления общения с Богом, которое нарушено грехом. «Людам, много согрешившим, не об угождении Господу надо думать, а сперва о покаянии и получении прощения и помилования», — говорит старец Амвросий. «Мы прежде всего должны заботиться об уплате греховного долга посредством смиренного покаяния, которое совершается до самого гроба».

Вся жизнь христианина, а тем более инока, должна проходить в покаянии, ибо с прекращением покаяния прекращается и духовная жизнь человека. Вот почему иеросхимонах Амвросий пишет: **«Покаяние не совершается (не оканчивается) до гроба, и имеет три свойства или части:** очищение помыслов, терпение находящих скорбей и молитву, т.е. призывание Божией помощи против злых прилогов вражиих. Три эти вещи одна без другой не совершаются. Если одна часть где прерывается, то и другие две не тверды бывают». «Покаяние же выше всего, и нужнее всего для всякого человека, и утешительнее для других, нежели поведания о мнимых собственных добродетелях», ибо без покаяния не может человек черпать силы из благодатного источника, поддерживающего в христианине духовную жизнь».

Приведя слова псалмопевца: «Наказуя наказа мя Господь, смерти же не предаде мя. Отверзите мне врата правды, вшед я в ня, исповемся Господеви, сия врата Господня, праведные внидут в ны» ([Пс.117:18-21](#)), — иеросхимонах Амвросий объясняет их так: «Врата правды — заповеди Господни и Закон Божий. Грехами врата сии затворяются; и паки отверзаются искренним сознанием и смиренным покаянием и благодарением Господу за помилование и избавление от смерти. Врата правды называются и вратами Господними, чрез которые и праведные восходят ко Господу также покаянием... Праведник ежедневно может падать семижды, если не делом, то словом и помышлением, или зрением, или слухом и подобными; только, по словам св.Епифания, грехи праведных — грехи уст; а грехи грешных — грехи всего тела. Св. Давид, согрешивши, каляся, исповедовался Богу и благодарил Господа за то, что его, согрешившего, не предал смерти... Мы маловерные и малодушные... не подражаем св. Давиду, а будучи наказуемы за грехи наши, ропщем на Бога и людей, обвиняя всех и все, вместо того, чтобы смириться и приносить искреннее раскаяние в своей греховной жизни и постараться исправиться или... хоть не роптать, не обвинять других, что терпим болезнь или бедствие достойно и праведно».

По словам иеросхимонаха Амвросия, христианин должен постоянно всю жизнь каяться в своих грехах, даже и в тех, в которых он исповедовался. Только плотские грехи старец советует не вспоминать после раскаяния пред духовником, а всегда только помнить свою греховность и вообще считать себя грешным и неоплатным должником пред Господом. Но, вероятно, в этом случае старец не имел в виду, чтобы исповеданные грехи вновь повторялись на исповеди. Каяться — в смысле сокрушаться.

Кто чистосердечно раскаивался и приносил плоды, достойные покаяния, о таких старец Амвросий пишет, что они «сподобятся быть внутри райской ограды; и последние не должны лишиться лицезрения Христова».

Иеросхимонах Амвросий для подтверждения своих слов приводил пример из Евангелия, говоря, что «Святейший Сын Божий во время Своей земной жизни с грешниками ел и пил., и дозволил... блуднице прикоснуться и лобызать пречистые Свои ноги». Далее он приводит аналогию, говоря, что «как свет солнечный, проходя нечистые места, иссушает многие и не повреждается, кольми паче великое милосердие Божие сильно потребить все нечистые грехи каждой христианской души кающейся».

Сожалея о тех, которые упорно не хотят каяться, старец говорит: «В ад только пойдут те,

которые от гордости не захотят принести покаяния».

Душу христианина, проводящего жизнь греховную, иеросхимонах Амвросий уподобляет вертепу мысленных разбойников. Душа же, очистившаяся покаянием, уподобляется им небесному вместилищу, где обитает Христос.

«Христианские души пока добровольно предаются страстям — славолюбию, сребролюбию, гневу, зависти, ненависти, памятозлобию, мщению и подобно сему, бывают вертепами небесных разбойников — бесов. А когда принесут смиренное и искреннее покаяние и будут проводить жизнь благочестивую, согласно заповедям Божиим, понуждая себя к смирению, кротости и любви, тогда бывают как бы другое небо; потому что вселяется в них благодать Божия и Сам Бог благодатию Своею...

Христианские души, пока добровольно предаются сластолюбию и другим телесным страстям, бывают подобны скотским яслям, заботятся только о корме и питании и ином телесном угождении; а когда обратятся к Богу с искренним покаянием и будут заботиться о воздержании и проводить жизнь благочестивую, тогда уподобятся небесному вместилищу, в котором обитает невместимый небесами Христос Бог».

Тем, которые всю жизнь провели в пороках и грехах и, наконец, осознали бездну своих падений, старец советует не отчаиваться, но «благодушно простираться к покаянию и смирению, подражая мытарю, который, видя во всем свою неисправность, взывал ко Господу: «Боже, милостив буди мне грешнику».

Как бы ни был грешен человек, он не должен отчаиваться в своем спасении. Но, по внушению дьявола, грешник нередко впадает в отчаяние при воспоминании о содеянных им грехах, и ему, по человеческому суждению, невозможным кажется обращение. «Правоверующему христианину, — пишет старец, — ни в коем случае отчаиваться не должно, хотя бы кто и тяжко согрешил. Всеблагий Господь, по неизреченному милосердию Своему, даровал нам покаяние, которым и получаем прощение своим согрешениям, если искренно и с верой и упованием каемся».

«Во всяком грехе человек может покаяться, имея твердое намерение впредь на то не возвращаться и таким образом получить прощение и милость от Бога».

«Многие святые утверждают, что Иуда получил бы прощение, если бы решился приносить раскаяние подобно верующему апостолу Петру, трижды отрекшемуся от Христа, но чрез покаяние получившему не только прощение своего греха, но и прежнее апостольское достоинство... Евангелие тем начинается и оканчивается: покайтесь!»

Для того, чтобы обнадежить грешников, склонных к отчаянию, старец приводит им в пример Манассию, говоря: «Манассия почитался величайшим из всех грешников, но и он, чрез покаяние, получил не только прощение своих тяжких согрешений и беззаконий, но и покаянная его молитва внесена в число церковных молитв и находится в конце псалтири в двенадцати избранных псалмах».

Также иеросхимонах Амвросий напоминает притчу о мытаре и фарисее: «Господу приятнее грешник кающийся и смиряющийся, нежели праведник, возносящийся и уничижающий других, чему ясным доказательством и служит евангельская притча о мытаре и фарисее. Покаяние и смирение нужнее и выше всех добродетелей и до конца жизни не прекращается».

А в другом письме старец пишет: «Сын Божий сходил с небес для спасения грешников и много от нас не требует, а только искреннего покаяния, как Сам глаголет во Святом Евангелии: «Не приидох призвати праведники, но грешники на покаяние». ([Мф.9:13](#)).

Своими страданиями Христос искупил грехи всего мира. Он воплотился и сходил на землю именно для того, чтобы открыть людям путь к спасению через покаяние. Поэтому с покаяния и

смирения должен начинать тот, кто хочет возобновить союз с Богом. И как бы ни было велико бремя грехов, человеку прежде всего необходимо восстать от сна греховного, принести смиренное покаяние, и тогда, возрожденный благодатию Божией в таинствах Покаяния и Причащения, он сможет начать жизнь по Богу. Таким образом, «чтобы более не прогневлять Господа, надо начать с покаяния и смирения, и с совести пред Богом, Который зрит и тайные наши мысли».

Покаяние только тогда будет истинным, когда человек осознает свой грех, возненавидит его, постарается не повторять его и получить прощение через исповедь. В то же время он должен смиренно осознавать, что своими грехами он оскорбил Бога и достоин всякого наказания, которое может выразиться во внешних скорбных обстоятельствах жизни. По этому поводу старец Амвросий пишет: «Чтобы удобнее было получить прощение своих согрешений, нужно прежде всего обратиться к смиренному самоукорению и возложить вину на себя, а не на других».

Только искреннее и смиренное покаяние может сделать человека храмом Божиим, вместилищем невместимого небесами Христа Бога. Указывая на великое значение покаяния в жизни христианина, иеросхимонах Амвросий говорит, что покаяние должно быть соединено со смирением. Чтобы покаяние было действенным, оно должно быть смиренным. «Главная сила покаяния состоит в смирении», — говорит старец Амвросий. Следствием смиренного покаяния будет духовное возрождение кающегося, обращение его к жизни по Богу и решительное отвержение всех прежде содеянных грехов. Покаяние требует глубочайшего смирения, смирения мытаря, ибо в смирении и заключается вся сила покаяния. Смиренное покаяние предотвращает гнев Божий, по сказанному: «Сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит» ([Пс.50:19](#)). Смиренное покаяние изглаживает все грехи, оно привлекает милость Божию к кающемуся грешнику. Какими бы добродетелями не обладал христианин, он ничто в глазах Божиих, если в нем нет смирения, ибо Господь ублажает прежде всего нищих духом, ублажает смиренных сердцем, алчущих и жаждущих правды. Он обещает покой тем, кто вслед Его идет, подражая Ему не только в послушании, но и в кротости и в смирении.

Христианское смирение — это проявление силы человеческого духа, покоряющей и злобные гневные сердца, ломающей человеческую гордыню. Победить эту силу не могут никакие другие внутренние и внешние человеческие условия. Кто носит в себе такое смирение, какое носили преподобный Сергей, преподобный Серафим и сам иеросхимонах Амвросий, каким обладали тысячи истинных рабов Божиих, — тот проявляет не слабость духа, а его величие и крепость.

«Смирение прочнее всяких возвышений», — поучает иеросхимонах Амвросий. Он учит, что в деле нравственного совершенствования главное внимание необходимо сосредоточивать на воспитании у себя смирения, которым приобретается полное внутреннее удовлетворение и покой души при любых жизненных обстоятельствах. «При смирении всякая вещь бывает на своем месте; ни к кому нет ревности и зависти, ни к здоровым, ни к предпочтенным, ни к обласканным: всем свое, а нам наше при смирении будет полезно и богоугодно, и даже приятно, если, вполне восчувствуем собственное сознание пред Богом и пред людьми».

«Смирение все преодолевает и все может изгладить и уравнивать, как свидетельствуют об этом единогласно духоносные отцы».

Смирение является признаком истинного христианина; оно должно лежать в основе всех его действий и поступков. Только при этом условии человек сможет избежать зла и приобрести душевный покой. «Чем себя умерять в своих действиях? — пишет старец в одном из писем. — Смирением, самоукорением и страхом Божиим, памятуя всегда слово псаломское, чтобы уклонятся прежде от зла, а потом уже стараться творить благо».

А в другом письме, объясняя слова Господа, иеросхимонах Амвросий пишет: «Сам Господь во Св. Евангелии прямо и ясно говорит: «Возьмите иго Мое на себе, и научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обряцете покой душам вашим». Слова эти показывают, во-первых, что несение ига Христова прежде всего заключается в кротости и смирении. Во-вторых, наставление и назидание для собственной жизни должно брать с примера Христа Спасителя, нежели с примера людей».

На пути нравственного совершенствования внимание христиан, по учению старца Амвросия, должно быть обращено на очищение своего сердца, как это видно из его писем: «Господь более взирает на сердце и приобретение смирения, нежели на лицо или внешнее делание человека, хотя от здоровых телесно и это требуется... (но) смирится же потребно и полезно и необходимо всем, как крепким, так и особенно слабосильным. Смирение может заменять внешние труды. А без смирения и большие подвиги не помогут и не будет пользы». Даже если христианин пребывает постоянно в молитве, но не имеет в душе смирения, то и тогда он не будет свободен от вражеских нападений.

Своим духовным детям, которые часто подвергались вражеским нападениям, иеросхимонах Амвросий писал: «Вы молитесь любите, а смирения потребного для сего, должно быть, не стяжали. И выходит, что молитвой вы врага только раздражили; а не имея нужного смирения, не имеете против него потребного оружия». Старец советует всем, находящимся в искушении, прибегать «к твердыне смирения, которая для хищников неприступна».

Немощным телом, но совершившим много грехов, иеросхимонах Амвросий советует самое наилучшее средство ко спасению — это прибегать к самоукорению и смирению и в неприятных случаях более обвинять себя, а не других. «Телесные подвиги и труды, — пишет старец, — требуются только от крепких телом: немощным же более полезно смирение с благодарением». Для подтверждения своих слов иеросхимонах Амвросий приводит изречение св.Иоанна

Дамаскина, который также говорит: «Немощному смирение и благодарение полезнее непосильных подвигов телесных». «Кто немощен телом, — пишет старец в другом письме, — такому более потребно смирение. Святой Лествичник, основываясь на псаломском слове, пишет: «Не постихся, не бдех, не на земли лежах, но смирихся, и спасе мя Господь». И нас силен спасти Господь, если будем понуждаться на должное исправление со смирением».

В своих письмах иеросхимонах Амвросий, ссылаясь на святых отцов, многократно повторяет, что смирение является основанием всякой добродетели, и без него не может быть достигнута никакая добродетель. «По свидетельству Св. Писания, — пишет старец, — нет выше дарования, как дарование смирения, как и Сам Господь говорит: «Смиривая себя вознесется». «Добродетели не могут быть без смирения, потому что смирение подает крепость ко всякой добродетели».

Желая показать, насколько смирение тесно связано с другими добродетелями, иеросхимонах Амвросий пишет: «Любовь и милость не могут быть без смирения, а смирение не может быть без милости и любви. Добродетели сии суть непобедимые оружия на диавола, на которые он и все множество бесов даже взирать не могут».

Само богоугождение также достигается только смирением. «Если хочешь угодить Господу, — поучает старец в одном из писем, — то знай, что нельзя Ему угодить безрассудством и упорством, и ропотом на всех, даже на Самого Господа, а должно угождать Ему смирением, и смиренным покаянием, и покорностью, и рассуждением, — или же, если кто сам не может рассудить здраво, то послушанием», а «корень всему злу — самость и упрямство... нужно всячески постараться вырвать этот злой корень смирением и послушанием, подражая Самому Господу, Который смирился до рабья зрака и послушлив был до смерти крестной и распятия».

Старец Амвросий указывает, что и само совершенство представляет собой глубину смирения. Добродетель смирения настолько велика, что, по словам иеросхимонаха Амвросия, Бог смиренному вменяет в оправдание даже вину его. Так, в письмах старца мы находим: «Благодарение Богу и смиренное несение (скорбей) не только загладят наши немощи и неосторожности, но и вменяет нашу же вину в наше оправдание».

При искреннем смирении рождается правильный образ мыслей. Об этом старец Амвросий говорит: «Если бы вместо самомнения хоть мало бы мы приблизились к смирению и самоукорению, и к недоверию к своему сердцу (потому что оно еще не очищено), тогда бы иначе стали бы думать и иначе говорить, особенно тогда, когда должно осторожно говорить и с рассуждением и с бережением себя и других. Чтобы сказать разом все, повторяю слова Писания: «Аще кто мнитися верен быти в вас и не обуздывает языка своего, но льстит сердце свое, сего суетна есть вера» ([Иак.1:26](#)).

Иногда бывает, что, стремясь к приобретению этой великой добродетели, человек допускает мысль, что он достиг некоторых успехов на этом пути. Чтобы ясно представить себе ничтожество нашей праведности и смирения, необходимо постичь всю широту и глубину заповедей Божиих. Поэтому иеросхимонах Амвросий пишет: «Ежели желаешь смирить себя, то помни всегда слово одного святого, глаголющего, что самая исправная жизнь человека-христианина подобна только купели, а заповеди Божии подобны неизмеримому морю, как глаголет псаломник Господу: «Заповедь Твоя широка зело». Если сравнить великое море с малым сосудом воды, то и нечем будет возноситься возносящемуся».

«Должно знать, — замечает старец в одном из своих писем, — что первые и последние составляют одних и тех же. Первые, видимо, должны быть последними в мысли своей и мудровании; и опять, считающие себя последними в душе своей чрез смирение бывают первыми по достоинству». Восхваляя смирение и считая его основанием всякой добродетели, иеросхимонах Амвросий строго осуждает порок, противоположный добродетели смирения, —

гордость. Старец считает, что «гордость и самонадеянность вреднее прелюбодеяния и убийства. Последние привели пророка (Давида) к смирению и раскаянию, первые довели его до падения».

Насколько губительна гордость и, наоборот, спасительно смирение, видно из следующих слов старца Амвросия: «Денница со своим чином по причине гордости не обрел покоя..., стоя выше всех чинов Ангельских, и за то превозношение низвергся в бездну погибели со всеми послушавшими его. Девять же чинов других Ангелов, пребывая во смирении и покорности воле Божией..., доселе блаженствуют». «Горделивость и на небе жившим не помогла, — пишет старец в другом письме, — а лишила благодати Божией и низвергла долу, — почему нам, хотящим взыти горе, потребно смириться зело».

Злобные духи очень часто с сильной яростью нападают на ревностных служителей Божиих, желая их отклонить от богоизбранного пути. И они легко побеждают тех подвижников, которые не имеют в своей душе искреннего смирения. Поэтому старец пишет, что «во всяком искушении победа — смирение».

Может возникнуть вопрос: **что же необходимо делать, чтобы приобрести эту добродетель?** Ответ на этот вопрос мы также находим в письмах иеросхимонаха Амвросия. Он показывает, что смирение есть благодатный дар Божий и потому должен испрашиваться молитвой; оно рождается познанием своих недостатков и самоукорением. «Сердечно желаю тебе, — пишет старец в письме к одной монахине, — духовного восхождения приличными и законными степенями, от них же первая и самая главная есть познание глубокой нашей немощи душевной и телесной. Вторая законная степень есть самоукорение, т.е. во всяком неприятном и прискорбном случае обвинять себя, а не других. Третья степень — благодарное терпение встречающихся и постигающих нас скорбных искушений. От сих трех степеней рождается четвертая — начало смирения, если первые три были растворяемы верою и молитвенным расположением ко Господу, по предписанным правилам Церкви Православной и наставлениям святых отцов, которые опытом прошли духовную жизнь и показали нам стези спасения».

Желая объяснить, что значит самоукорение, старец пишет: «Самоукорение — это означает — во всяком неприятном, скорбном случае и обстоятельстве должно возлагать вину на себя, а не на других».

Если человек не имеет смирения, то он не должен оправдывать себя тем, что не может приобрести эту добродетель из-за определенной обстановки и окружающих его людей. «Оставь обманчивую мысль, — пишет иеросхимонах Амвросий, — что ты в отдаленном месте будешь смиряться, переносить всякое поправление и уничижение; а лучше смирись в настоящее время.., где мы живем, и считай себя мысленно под ногами всех, то есть считай себя достойною всякого поправления и уничижения, и досаждения... Смирение и терпение на все — победа содействием Божиим».

«Бог на всяком месте есть, — пишет старец в письме к монахине, имевшей намерение переменить место жительства, — и совесть с тобою, и на всяком месте живущие отвечать должны за свои дела Богу; какая же выгода бежать куда-то? Не выгоднее ли будет сознаться на том же месте в своих ошибках?»

Смирение, как и всякая добродетель, достигается при содействии Божиим, но при этом, по словам иеросхимонаха Амвросия, «нужно, чтобы и сам человек заботился о себе. Сказано у святых отцов: «Дай кровь и прими дух». Это значит: потрудись до пролития крови, и получишь духовное дарование... При спокойной жизни как же можно приобрести смирение? Ведь смирение состоит в том, когда человек видит себя худшим всех, не только людей, но и бессловесных животных, и даже самых духов злобы».

Когда человек не доходит до сознания необходимости смирения и не смиряет себя, тогда

Господь Сам, «ими же вестъ судьбами», приводит его ко смирению. «Если сами не смиримся, то Господь невольно нас смиряет». Смирение тесно соприкасается с другой добродетелью — терпением в скорбях.

О ТЕРПЕНИИ В СКОРБЯХ

В Св. Писании имеются ясные указания о необходимости скорбей для ищущих спасения. Сам Господь сказал: «В мире скорбни будете» ([Ин.16:33](#)). Эти скорби составляют крест, который каждый человек должен понести в своей жизни. Скорби, болезни и бедствия должны приниматься христианином, как от руки Божией, потому что Промыслом Божиим они посылаются для нашего вечного спасения. Скорби пробуждают в нашем сердце веру в Бога, подвигают нас на молитву, очищают наше сердце от грехов, укрепляют нас в добродетелях. Св. апостол Павел говорит: «Хвалимся и скорбями, зная, что от скорби происходит терпение, от терпения опытность, от опытности надежда, а надежда не постыжает» ([Рим.5:3-5](#)). В горниле скорбей в душе человека рождается та добродетель, которую трудно приобрести в жизни спокойной, чуждой страданий. Скорбь рождает терпение.

Поэтому, естественно, становится понятной та истина, что скорби необходимы нам, христианам, для стяжания добродетели терпения, ибо без этой добродетели, как и слово Божие учит, невозможно спастись: «В терпении вашем стяжите души ваша» ([Лк.21:19](#)).

В свете евангельского учения поучает своих духовных чад и оптинский подвижник иеросхимонах Амвросий. «Всякий христианин чем-либо да испытывается, — пишет он в одном из писем, — один бедностью, другой болезнью, третий разными недоумениями. И этим испытывается твердость веры, и надежды, и любви Божией, то есть к чему человек более склоняется, к чему более прилепляется, горе ли стремится, или еще пригвожден к земному; чтобы человек-христианин чрез подобные испытания сам видел, в каком он находится положении и расположении, и невольно смирялся. «Не обленимся, — учит старец, — каяться и смиряться и терпеть посылаемые скорби и болезни, внимая евангельскому слову Господа: «В терпении вашем стяжите души ваша»; и: «претерпевший до конца, той спасен будет».

Почти во всех своих письмах иеросхимонах Амвросий глубоко затрагивает вопрос о терпеливом перенесении всех скорбных обстоятельств, встречающихся с христианином. В них он видит особое промыслительное действие Божие, попускаемое для спасения человека. «Скорби, — говорит он, — это дар Божий, и все, что делается промыслительно от Господа, то делается к пользе нашей душевной». В одном из писем иеросхимонах Амвросий пишет: «Ошибка и заблуждение человечества происходят от того, что мы не понимаем как следует намерение Божие и волю Божию о нас. Господь, по благодати своей и милосердию Своему, хочет даровать нам вечное блаженство на небе, в Царствии Небесном, а мы, по слепоте своей, более желаем, ищем счастья и благополучия временного на земле. Вот Господь, по благодати Своей и по любви к роду человеческому, и вразумляет нас разными скорбями и болезнями и другими бедствиями, как свидетельствует апостол: «Его же бо любит Господь, наказует; бьет же всякого сына, его же приемлет... Аще же без наказания есте, ... убо прелюбодейчищи есте, а не сынове» ([Евр.12:6-8](#)).

«Ведь вы — христианин, ищущий спасения вечного и желающий наследовать Царствие Небесное, — пишет старец одному землевладельцу, унывающему от неудач в хозяйственных делах. — А в слове Божиим сказано, что многими скорбями подобает нам внити в Царствие Небесное. Поэтому несколько не должно удивляться, не говорю уже унывать и малодушествовать, когда посещают нас различные скорби в предложенных намерениях, различные препятствия и неудачи». Тех же, которые не желали принимать скорбных обстоятельств и даже помышляли переменить место жительства, чтобы избежать их, старец убеждал такими словами: «Пока мы находимся на земле, нигде без скорби прибыть не можем; хотя бы залезли на облака, и там от скорбей не уйдем». «На земле предписано нам иметь

скорбные испытания, — пишет он в другом письме, — как сказано Самим Господом: «В мире скорбни будете». Слова эти ясно показывают, что хотя бы все места целого мира исходили, а бесскорбного положения нигде не обрящешь; везде потребно будет и смирение, и терпение, и неосуждение других». Все скорби, посещающие христианина, есть не что иное, как крестоношение, о чем старец Амвросий пишет: «Креста нигде не избежишь».

Старец наставляет своих духовных чад видеть в скорбях Промысел Божий и приучает их к терпению. «Помни, — пишет он, — что плод благой стяжается в терпении. Терпение же не приобретается без различных скорбей и неприятных случаев, смиряющих возношение наше».

Иеросхимонах Амвросий побуждает всех христиан переносить с терпением всякие встречающиеся скорби. «Советую тебе, — пишет он монахине, — более всего вооружай себя к терпению и понесению разных приключений и неудобств, а иначе нельзя успокоиться». «И не говори, что более не можешь терпеть и выносить неудобства затруднительных обстоятельств, а лучше по возможности старайся терпеть и охранять душу свою в возможно мирном устроении... против всего и против всех».

Для возбуждения в ищущих спасения добродетели терпения старец указывает: «Бог устрояет все только полезное и душеполезное, и спасительное. Только с нашей стороны требуется не малодушествовать, а с покорностью воле Божией потерпеть посылаемые скорби и болезни, смирясь перед Богом и людьми, и не дерзая никого обвинять или осуждать, чтобы и на нас сбылось евангельское слово Господне: «Не судите, да не судимы будете».

Все скорбные обстоятельства, по мысли старца Амвросия, устраиваются к нашему спасению. Господь, как любящий Отец, посылает каждой душе то, что ей на пользу. В одном из писем иеросхимонах Амвросий пишет: «Господь столько любит нас, сколько не может любить ни одна мать своих чад. Но мы часто делаемся недостойны такой любви Божией, за что и посылаются праведно на нас многообразные скорби и болезни». «Земной же удел человеческий, — пишет старец в другом письме, — скорбь, труд, болезни, подвиг, печали, недоумения, теснота, лишения того или другого, оскорбления, смущения, восстание страстей, борьба с ними, одоление или изнеможение, или безнадежие и подобие сим. Не вотще сказал пророк Давид: «Несть мира в костях моих от лица грех моих». И праведный Иов взывал: «Не искушение ли есть человеку житие сие?» А мы все путаемся на том: нельзя ли как устроиться в покое и на покое, и часто думаем: если б не такое-то неудобство, и не такие-то обстоятельства, и не такой-то поперечный человек, то, может быть, было бы мне удобнее и спокойнее, а мы забываем, что неудобства сии часто исходят изнутри нас, как и злые помышления. Где лежат страсти, оттуда исходят и все наши неудобства, неурядицы и неурейства».

Старец Амвросий убеждает, что «большая часть страдающих из нас подвергается страданиям как следствие или неправильных мыслей или ошибочных действий». Потому, «как ни тяжел крест, который человек несет, но дерево, из которого он сделан, выросло на почве его сердца». На недоуменный вопрос многих: «Почему же тогда страдают благочестивые и праведники?» — Мы находим убедительный ответ в письмах оптинского старца. «Всеблагий Господь, — пишет иеросхимонах Амвросий, — праведным посылает различные скорби, во-первых, для того, чтобы не ослабевали в подвигах благочестия и, разленившись, не уклонялись в противную сторону и не погибли, как сказано у пророка Иезекииля: «Егда реку праведному: жизнью жив будеши, сей же, уповая на правду свою, и сотворит беззаконие, вся правды его не вспомнят, в неправде своей, юже сотвори, в той умрет» (33:13). Во-вторых, праведным Господь посылает различные скорби для того, чтобы чрез это они совершенно очистились от грехов и страстей и получили велие воздаяние в будущем веке, по сказанному: «Яко злат в горниле искуси их, и яко всеплодие жертвенное прият я». На грешных же наводит Господь различные напасти и болезни, чтобы привлечь их к покаянию, как Сам говорит в Св. Евангелии:

«Приидох призвати не праведныя, но грешныя на покаяние»; и паки: «покайтесь, приблизися бо Царство Небесное». Свобода существ разумных всегда испытывалась и доселе испытывается, пока не утвердится в добре, — говорит иеросхимонах Амвросий, — потому что без испытания добро твердо не бывает».

Особенно богата скорбями, по словам иеросхимонаха Амвросия, иноческая жизнь. «Ко всем Господь во Евангелии говорит: «В терпении вашем стяжите души ваша». Кольми паче слова Господа о терпении приличны давшим обеты особенные для удобного стяжания души своей. Терпению же нельзя научиться без скорбей». А почему это так, старец Амвросий объясняет в письме к новонаначальному монаху: «По принятии мантии, скорбные искушения более попускаются на человека, чтобы навык брани духовной и сотворился и стал искуснее. Тут уже не должно по-новонаначальному рассуждать; зачем то или другое? А просто терпи, смирайся и опять терпи, подставляя правую ланиту в духовном смысле, т.е. не оправдываясь, а принимая поношение и унижение: во-первых, за грехи, во-вторых, ради того, что добровольно избрал ты спасительный путь, который называется тернистым, и тесным, и трудным». Этим путем — несением скорбей — шли все подвижники. О них старец Амвросий пишет: «От тяжких и лютых скорбей аки огнем горела их внутренность; а со вне поливали, как водой, разными неприятностями и поношениями. Водю очищается всякая нечистота, а огнем очищается самое золото. И о святых сказано: яко злато в горниле искуси их, и яко всеплодие жертвенное приятя».

Чем строже живет христианин, тем чаще его посещают всевозможные скорби и неприятности. Но все это бывает не случайно, а по особому устройению Божию. Скорби попускаются людям для того, чтобы они через них находились в постоянном бодрствовании и искании Бога. «Скорби, — говорит иеросхимонах Амвросий, — везде должны встречать человека; и тем более враги наши душевные наносят оные... и в особенности желающим упражняться в молитве, которая для них несносна».

Старец также поучал, что степень нравственного совершенства человека определяется по тому, как он переносит посылаемые ему свыше испытания. А для пояснения приводил пословицу, которую сам и разъяснял: «Толкач муку покажет». Должно быть, когда толкут человека-христианина, то и покажется, какая в нем мука: первой руки, или второй, или третьей. И св.Иаков, брат Божий, пишет, что человек, который неискушен, неискусен (то есть — неопытный).

Скорби в жизни человека выражаются в самых различных формах. Это или жизненные условия, или телесные недуги, или клевета, наговоры и досаждения окружающих людей, иногда даже самых близких. Благочестивые люди, которые подобные обстоятельства переносят с терпением и покорностью воле Божией, иногда подвергаются более непосредственным нападениям темной враждебной силы, но и это лишь попусциением Божиим и промыслительно. Обо всем этом мы узнаем из писем иеросхимонаха Амвросия. Так, в одном из писем он пишет: «Теперь нет Диоклетианов и Максимианов, но враг находит удобство досаждать держащимся благочестия через слабых и нерадивых». В другом письме мы находим: «Хотящии благочестиво жити гонимы будут». От кого же? — разумеется, прежде всего от своих, которых враг вооружает, чтобы отвлечь от пути благочестия благоизволивших оным идти.

И, как бы в пояснение, старец приводит пример: «Каин родился прежде Авеля, и Исав прежде Иакова, но победа осталась на стороне последних; хотя Исав и гнал Иакова, а Каин убил Авеля, но гонимые блаженствуют, а гонители отвержены Богом. Будем верить и надеяться, что и нас Господь не оставит, только нужно со смирением потерпеть и не роптать».

Очень часто возникают неустройства и в монастырях, месте, где, казалось бы, должно быть все благоустроено, так как сюда сходятся все, желающие жить по-христиански. Но именно в

монастыре и требуется в первую очередь терпение и послушание. И трудно быть начальствующим в такой обители, где отсутствуют эти добродетели. Настоятельница одной пустыни старец пишет: «Совсем без скорбей и простые люди, и простые послушники и послушницы не пребывают; кольми паче послушание настоятельское сопряжено со многими скорбными неудобствами... Господь все попускает к пользе нашей душевной, к испытанию нашего терпения и смирения и покорности воле Божией; потому что без сих трех ничего мы полезного и душеспасительного не приобретем... Тяжело бороться с немощами человеческими и терпеть недостатки окружающих нас; но зато понесением такой тяготы доказывается исполнение закона Божия».

Относительно снисхождения начальствующих к немощствующим братьям старец говорил, приводя в пример первоверховных апостолов Петра и Павла: «Попустил Господь первоверховным апостолам, одному отречение, а другому неосмотрительную ревность гонения, чтобы после они снисходительны были к немощным духом. Так, думаю, и теперь попускает Господь болезнь начальственным лицам, чтобы снисходили к подчиненным немощствующим и болезненным. А то здоровые телом начальники часто не верят подчиненным, когда те объясняют им какую-либо немощ телесную или болезнь». И как бы делая вывод, иеросхимонах Амвросий пишет: «Начало же из начал состоит в терпении находящихся скорбей — терпеть укоризны не только от старших, но и от младших, сознавая свои вины, за которые и нужно потерпеть, со смирением и благодарением, чтобы загладил Господь и простил согрешения наши». Возмущающихся сестер и не желающих терпеть скорбей и укоризн от старших иеросхимонах Амвросий назидает: «Негодование старших должно терпеть, считая это попусчением Божиим, в наказание за наше возношение и самомнение».

О болезнях старец Амвросий пишет так: «Болезни телесные потребны для очищения плоти, а болезни душевные через обиды и поношения потребны для очищения души». А однажды, сказав слова св. Исаака Сирина, что «невозможно не болети телу в недужех, егда кто изберет путь добродетели», старец добавил: «И тем более невозможно нам не бывать больными, слабо идущим по этому пути».

Польза от болезней для христианина, по учению старца Амвросия, состоит в том, что в таком состоянии человек чаще помышляет о дне смертном и о том, с чем он явится на суд Божий. «Чрез болезнь телесную, — говорит иеросхимонах Амвросий, — человек волею или неволею принужден бывает помышлять о будущей жизни и о том, как предстать на суд Божий». Находящимся в болезнях иеросхимонах Амвросий советовал не скорбеть об этом, но пребывать в благодушии, поясняя, что хотя болезнь и причиняет страдание, но без нее нельзя стяжать спасения. «Болезнь причиняет страдание, а страдание требует терпения, без которого не приобретается спасение наше, по сказанному в Евангелии от Самого Господа: «В терпении вашем стяжите души ваша» и: «претерпевший до конца, той спасен будет».

Поэтому иеросхимонах Амвросий болезни телесные уподоблял подвижничеству, и в одном из писем он говорил по этому поводу: «Св.Лествичник и болезнь называет подвижничеством, притом подвижничеством отраднейшим, хотя и невольным. Отраднейшим потому, что на произвольное подвижничество охотников мало, и притом тут может примешаться возношение, осуждение других, а в невольном болезненном подвижничестве нечем человеку погордиться... Произвольное и невольное подвижничество равно умеряют плоть, а последнее иногда посылается еще и для истребления возношения. Поэтому старайся в болезни благодушествовать и благодарить милосердие Божие за невольное вразумление... больше всего в болезненном положении остерегайся ропотливого расположения духа».

Побуждая к безропотному перенесению болезни, старец часто говорил, что «от больного требуется только терпение и благодарение». Это же мы находим и в его письмах. По пути ко

спасению христианин предпринимает многие подвиги «для смирения и укрощения тела, а болезнью телесной это заменяется».

Иеросхимонаху Амвросию часто приходилось слышать жалобы, что очень трудно без ропота нести крест скорбей. Таких старец утешал, говоря, что за терпеливое перенесение скорбей обещана награда в будущем. Так, он пишет: «Трудно переносить тяжкие и болезненные страдания и томления и другие скорби, но отрадный и утешительный сему последний конец». В другом письме он указывает, «что до дверей Царствия Небесного без труда и неудобств добраться невозможно». Но «хотя и тяжелы скорби, оскорбления, а зато сладок рай и приятно в оном наслаждение вечное».

С этой же целью старец иногда стремился объяснить, что за свою греховную жизнь мы достойны и большего наказания, но милосердный Господь подвергает нас некоторому испытанию, ожидая от нас обращения и покаяния. «Если христианин согрешил, — поясняет старец Амвросий, — то, по праведному суду Божию, для избежания вечного наказания, должен при покаянии понести какое-нибудь наказание временное, но малое в сравнении с грехом, или болезнь, или беду какую, или бесчестие. Остальное же восполняет милость Божия. Благоразумный разбойник разбойничал 30 лет, а понес наказание, только три часа повисевши на кресте с перебитыми голеньями. Правда, что наказание тяжелое, но может ли оно послужить удовлетворением за 30-летнее разбойничество?» А потому, по мысли старца Амвросия, только та скорбь ведет ко спасению, которая переносится без ропота на Промысел Божий. «Когда же в скорбях наших и болезнях будем малодушествовать и роптать на Бога и на людей, и на участь свою, в таком случае не прославимся, но осудимся». Унывать в скорбях очень опасно, потому что эта страсть (уныние) приводит душу в расслабление, а затем в совершенное безразличие к вопросам спасения, и, наконец, в отчаяние. Старец Амвросий советует также: «Ни в коем случае не унывать и паче меры печалиться и скорбеть не должно, а надеяться и уповать, что благодать Божия, оскудевающие восполняющая, и всесильная Божия помощь сильны все привести к полезному концу». Одной духовной дочери, которая от скорбей приходила в отчаяние, старец писал: «Напрасно ты думаешь, что люди от скорбей погибают... скорби (наоборот) приближают людей ко спасению, если кто не малодушествоует и не отчаивается, а вооружается терпением со смирением и преданностью воле Божией».

Сам старец Амвросий никогда не унывал в скорбях, но с любовью все принимал как необходимое средство для спасения, а также и другим советовал бодрствовать и не падать духом, потому что скорби пред Богом очень ценны и заменяют собой многие годы мирной жизни. Об этом старец писал: «Что и благочестиво живущему человеку, ежели он не имеет скорбей, считается год за день, а если благочестивый человек переносит большие скорби, тогда вменяется ему день за год».

Иеросхимонах Амвросий советует особенно не углубляться в постигшее горе. Он пишет: «Знай, что горе, как море. Чем более человек в него входит, тем более погружается». И если «по немощи нашей не можем при поношении радоваться, то по крайней мере не скорбим паче меры. Если же от слабости нервов не можем побороть и одолеть скорбных и оскорбляющих мыслей, то всячески да соблюдаем себя от ропота. Когда же и до сего доходило дело, то да познаем немощь нашу и да смирим себя пред Богом и людьми и покаемся».

Из своего опыта иеросхимонах Амвросий свидетельствует о пользе в скорбных обстоятельствах вспоминать молитву Господа во время Его крестных страданий, потому что такое воспоминание помогает благодушному несению жизненного креста: «Полезно поминать и незлобие Самого Господа, как Он молился о распинителях Своих: «Отче! Остави им грех их, не ведят бо что творят». Если и мы будем так поступать, то получим и в скорбях отраду душевную».

Слово Божие призывает всех христиан быть мудрыми и терпеливыми в скорбях. Мудрость состоит в том, чтобы в самых скорбных обстоятельствах всегда сохранять веру во всеблагий Промысл Божий, который распространяется на всех людей и не попустит никому искувиться более, чем тот может понести. Иеросхимонах Амвросий, поясняя слова Спасителя: «Будьте мудры, как змеи, и кротки, как голуби», пишет: «По смыслу божественных толковников, мудрость змеи состоит в том, что когда наносят удары телу ее, она всячески старается укрывать главу свою. Так и всякий христианин при нанесении ему скорбных ударов со стороны должен блюсти главу свою духовную, т.е. веру и в Господа и, в Его евангельское учение, которое возвещает всем хотящим спастися тесный и прискорбный путь. Но теснота эта и прискорбие скоропреходящи, а воздаяние за них в будущей жизни нескончаемо... Все это непрестанно должно обносить в уме, и в сердце, и в памяти, чтобы быть в состоянии мудрую борьбу со страстями и внешними неприятностями растворять незлобием голубиным».

Иеросхимонах Амвросий, умудренный старческим опытом и житием подвижническим, писал о том, что во всех трудных обстоятельствах человек всегда должен все упование возложить на всеблагий Промысл Божий, отложив все свои мудрования и предположения, потому что «человеческие хотения, как бы ни казались благовидными и благонамеренными, не только не созидаются, но и разрушаются, как сказано в Деяниях апостольских: «Аще дело сие несть от Бога, разорится». Впрочем, ты, брате, терпи, и жди, и надейся на лучшее только от Промысла Божия, а не от своих кое-каких предположений... Мы имеем Бога, Промыслителя, Всесовершенного, Всеблагого, Всемогущего, из небытия в бытие произведшего целый мир видимый и невидимый, и искупившего нас Своею кровью. Не силен ли Он подать возможность к исправлению малейшей частицы растроившейся, аще приспееет время к сему, по неведомым нам Его судьбам?»

Старец для пользы душевной советует благодушно переносить всякие — несправедливые укоризны и вспоминать при этом свои проступки пред Богом и людьми: «Когда нас укоряют и обвиняют в том, в чем мы несколько не виноваты, тогда мы должны обратить мысль свою к тем случаям, в которых мы были виноваты пред Богом или пред людьми, и для получения прощения в своих согрешениях должны простить несправедливость и обиды, наносимые нам от ближних наших, слыша паки Господа глаголящего: «Аще отпускаете человеком согрешения их, отпустит и вам Отец ваш Небесный, аще ли же не отпускаете человеком согрешения их, ни Отец ваш Небесный отпустит вам согрешений ваших...», — грозно и страшно слово сие!... Оставим самолюбивые претензии наши, домогаясь человеческой правды, позаботимся о том, чтобы не относился к нам упрек апостольский: «Ищущие поставити правду свою, правде Божией не повинуются». Правда же Божия состоит в том, чтобы при ударении в десную ланиту, помнить дела свои с шуией стороны».

В другом письме мы находим: «Хотя мы пред людьми, может быть, и правы в чем-нибудь, но когда не правы пред Богом, то должны без самооправдания переносить всякое злострадание, всякое неудобство, и всякое стеснение, никого из людей не обвиняя в этом, но принимая все скорби, как посланные от руки Божией к очищению грехов наших, и исправлению нашему, и больше всего к смирению возносительного мудрования нашего».

Старец Амвросий учит, что во время скорбей ни в чем не должно искать утешения, кроме Бога, потому что «извне» ничто не может внести покоя в скорбящую душу. «В скорби и печали не ищи отрады и утешения вовне и извне, а по слову апостола, старайся о том, чтобы пребывать в том звании, в которое призвана Промыслом Божиим для спасения души своей. О получении же спасения читаем в Евангелии, что оно приобретается тесным и прискорбным путем, и входим мы в Царствие оное узкими дверьми». Основательнее и надежнее искать утешений и радости только о Господе, особливо кто не обилует здоровьем телесным и мужеством

душевному. Господь говорит в Евангелии: «Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим». Старец советует оставить человеческие рассуждения и извинения и обратиться за помощью к Единому Богу Сердцеведу, могущему все изменять и устроить, «якоже весть, паче чаяний и ожиданий человеческих». В подтверждении своих слов старец Амвросий приводит выдержку из письма св.Иоанна Златоуста к Олимпиаде, где говорится, что «Бог только тогда начинает являть Свою силу, когда оскудеют все человеческие соображения и готово явиться безнадёжие, да не будем, по слову апостола, надеющиеся на ся, но на Бога жива, восставляющего мертвые».

Всецело продавший себя Господу терпеливо переносит все, случающееся с ним, как посылаемое спасительным Промыслом Божиим. Истинному христианину во всех случаях жизни необходимо предавать себя воле Божией; во время же болезни эта преданность особенно нужна. Преданность воле Божией, — пишет старец Амвросий, — всегда потребна и полезна для нас, но в болезни она еще более необходима. Тогда только мы можем быть спокойны и можем удерживать веру и упование на милосердие Божие спасающее грешников, кающихся и вместе смиряющихся подобно мытарю, который не прогневался и на фарисея, уничившего его.

Другим источником утешения, дающим терпение в скорбях, служит молитва. И старец также советует: «Бог даст, буря утихнет; только молитесь с верой и усердием Господу и Царице Небесной, чтобы помогли в несении скорбей». Совершенно быть свободными от них мы не можем, по слову Христа Спасителя, Который, побуждая Своих последователей к мужественному перенесению испытаний, сказал: «В мире скорбни будете, но дерзайте, яко Аз победих мир» ([Ин.16:33](#)). Слова эти означают, что никакая скорбь, как бы тяжела она ни была, никогда не одолеет верующего во Христа и пребывающего в Нем исполнением Его заповедей.

Иеросхимонах Амвросий в своей жизни и был истинным исполнителем того закона, который надлежит исполнять последователю Христову, а потому он в своих письмах и дает те наставления, которые являются необходимыми христианину для достижения молитвенного общения с Богом.

Всякий истинный христианин не только надеется на общение с Господом в Царствии Небесном, но и жаждет не разлучаться со Всеблагим и в этой земной жизни. Более того, только это живое чувство Господа дает силы выдержать тот поток бесконечных страданий, который называется жизнью. И нет большего утешения для христианина, как ощущать близость Небесного Отца и беседовать с ним в своей молитве.

В молитве христианин раскрывает всю свою душу пред Богом: благодарит Его за все, что Он дает ему, прославляет Его благословенное имя и воздыхает к Нему, прося Его помощи в своих нуждах и печалях. Присутствуя в храме Божиим за богослужением, христианин сердцем ощущает Его присутствие, согласно Его обещанию: «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» ([Мф.18:20](#)).

Молитва имеет великую силу: она вливает в нас новую духовную жизнь, утешает в скорбях, поддерживает и подкрепляет в унынии и отчаянии. Когда верующий человек раскрывает свое сердце в молитве пред Богом и изольет пред Ним все, что его тревожит и беспокоит, и в эту молитву вложит всю свою веру в то, что Бог слышит каждый вздох нашей души, что Он всемогущ и любвеобилен — какой мир и тишина водворяются в такой душе, и из глубины ее хочется сказать: «Да будет во всем, Господи, воля Твоя». Как утешительна такая молитва! Она, по слову св. Иоанна Лествичника, «есть утверждение мира, примирение с Богом».

Согласно с учением святых отцов о молитве учит и старец Амвросий. Он считает, что основой молитвы служит внимание к помыслам, страх Божий, смирение и безгневие. «Молитва, — пишет старец, — без очищения помыслов и без перенесения скорбей совершаться не может».

Однако следует иметь в виду, что всякому приступающему к молитве необходимо приуготовить себя на борьбу с невидимым врагом, потому что никакая другая добродетель так не тревожит врага, как молитва к Богу. «Где люди заботятся преимущественно о молитвенном подвиге, — пишет старец Амвросий, — тут-то враг и старается возводить с обеих сторон гневливость, которая делает человека неспособным не только к молитве, но и ко всякому доброму делу».

Невидимый враг, заметив усердную молитву человека, нередко старается навести на него сильный страх. Если же этим не сможет одолеть христианина, то иными путями старается отвлечь внимание верующего во время молитвы, вселяя в него различные помыслы, наводя леность или болезнь, а иногда и смущение, которое, по словам Исаака Сирианина, «прилично назвать колесницею дьявола, потому что сатана имеет обычай, подобно седоку, восседать на уме, брать с собою кучу страстей, с ними входить в несчастную душу и погружать ее в смущение».

Старец Амвросий молитву Иисусову ставит на первое место среди всех молитвенных правил. «Когда кто-либо совершает келейное правило, — говорит он, — и среди оного почувствует особенное настроение духа к молитве Иисусовой, или к поучению в каком-либо изречении Писания, тогда можно на время оставить келейное правило и заняться тем или другим из сказанного. Так научают нас опытные отцы». Далее старец Амвросий пишет, что в молитве Иисусовой должны мы пребывать постоянно, не ограничиваясь ни местом, ни временем: «К молитве Иисусовой старайся прибегать часто, во всякое время, также и в церкви, особенно, если не слышно чтения, — за хождением и каждением». Более опытных в духовной жизни христиан старец Амвросий увещевает пребывать в молитве Иисусовой постоянно. «Молитва Иисусова, — пишет он, — прилична, когда человек идет, или сидит, или лежит, пьет, ест, беседует или занимается каким рукоделием, кто может при всем этом произносить молитву

Иисусову со смирением, тот не должен оставлять одной; за оставление же укорять себя и каяться со смирением, но не смущаться, потому что смущение, какое бы оно ни было, есть признак тайной гордости и доказывает неопытность и неискusstво человека в прохождении своего дела».

Проходящим молитвенный подвиг старец Амвросий советует внимательно следить за движением своего сердца и не допускать возникновения в нем каких бы то ни было помыслов. «Во время молитвы, — пишет он, — должно стараться отвергать всякие помыслы и, не обращая на них внимания, продолжать молитву; если же стужение помыслов усилится, то опять должно просить против них Божией помощи».

Особенно строгие указания оставил иеросхимонах Амвросий относительно тех, кто, не потрудясь достаточно на низших ступенях молитвенного подвига, дерзает переходить к высшей ступени — сердечной молитве. Помысл понуждает молиться, чтобы Господь ввел ум твой в сердце. Но ни у кого из святых отцов не видим, чтобы кто-либо из них молился подобною молитвою. Полезнее молиться со смирением так: «Господи! Якоже веси, помилуй мя! Нам заповедано Господом молиться: «Отче наш! Да будет воля твоя!» — А у тебя во всем, даже в молитве проглядывает, что хочешь непременно, чтобы было по твоему, или по внушению вражью».

Иеросхимонах Амвросий в своих эпистолярных трудах оставил описание того, **как должно правильно проходить молитвенный подвиг** на различных ступенях молитвенного преуспеяния; у него имеются ценные указания к прохождению устной, умной и сердечной молитв. Причем, он обращает особое внимание на правильноехождение первых двух ступеней молитвы — устной и умной, подчеркивая особо, что если соблюдены первые два образа молитвы, то переход от умной молитвы к сердечной может быть совершен и без опытного наставника. Так, он пишет: «Кто сначала проходит правильную устную молитву, заключая ум свой в слова молитвы: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного или грешную», — а потом будет проходить правильно и умную молитву,... со временем и без наставника у некоторых умная молитва сама переходит в сердечную, впрочем, у кого не переходит, должны довольствоваться устною и умною. Устную молитву как бы кто ни проходил, не было примеров, чтобы впадал в прелесть вражескую. А умную и сердечную молитву проходящие неправильно, нередко впадают в прелесть вражескую. И потому прежде всего должно держаться крепче устной молитвы, а потом умной, со смирением, а затем уже, кому удобно и к кому благоволит Господь, переходить к сердечной, по указаниям св. отцов, опытом прошедших все это».

Молитва, произносимая со смирением сердца, по мысли старца Амвросия, дает человеку распознать все искушения, наносимые диаволом, и помогает молящемуся одержать победу над этими искушениями. Старец Амвросий, поучая своих духовных чад бдительному хранению своего сердца от «дурных помыслов», советует заниматься молитвой Иисусовой, начиная с устной. «Иисусову молитву, — говорит он, — (нужно употребить) особенно при борении дурных помыслов; но только устно. А иногда и: «Боже, милостив буди ко мне грешной». В другом письме иеросхимонах Амвросий пишет: «Во искушении, особенно, когда бываешь наедине, всегда полезнее тебе молиться устною молитвою, как заповедует и св.апостол: «Выну (то есть всегда) приносяще хвалу Богу», — то есть плод устен, исповедующих Господеви».

В письмах иеросхимонаха Амвросия относительно прохождения молитвенного подвига имеются ценные указания, согласные с учением отцов Церкви, предупреждающие всякого вступившего на путь внимательной молитвы о различных кознях врага рода человеческого — диавола, который всячески будет стремиться не допустить человека к приобретению внимательной молитвы. В этом направлении и излагает свои назидания всем желающим

проходить это делание оптинский старец: «Враг наш душевный не восстает так против какой бы то ни было добродетели, как против молитвы, в особенности умной и сердечной; всеми способами подвизает человека на гнев и на немирствие против других, которые по своему неразумию, а вместе по наущению вражью, мешают нам проходить внимательную жизнь».

Желая оградить своих духовных чад от всевозможных помыслов и искушений, иеросхимонах Амвросий советует приобрести смирение, которое может оградить душу от всех ухищрений диавольских. «Ежели всякая добродетель без смирения не может состояться, — говорит он, — то колыми паче молитва прежде всего требует смирения, так как молящиеся имеют дело с гордыми бесами, которые, будучи сами бедны и ничего не имея, обещают другим богатство, показывая чужие ассигнации... Также знай, что молитва требует безгневия».

Далее старец Амвросий, желая оградить занимающихся сердечной молитвой от опасности, советует держаться молитвы умной. Но это он советует только тем, кто уже с помощью Божией посредством длительной молитвы приобрел умную. «Постарайся иметь, — пишет старец, — молитву умную, держа внимание в персях, и заключай ум в самых словах молитвы. Такая молитва проще и удобнее; и если в этой молитве будет успех, то, по свидетельству некоторых, она переходит в сердечную».

По мере преуспевания своих духовных чад старец Амвросий побуждал их постоянно находиться с молитвой Иисусовой и в то же время внушал всем, занимающимся этим деланием, не доверяться снам и всякого рода видениям. «Во время (молитвы), — пишет он, — никакого постороннего помысла не принимать и не верить тому, что видится или слышится, т.е. изменению иконы или какому-либо голосу. А если снам или чему-либо подобному верить, то можно ума лишиться».

Одна монахиня, впавшая в самомнение и от этого потерявшая мир в своей душе и молитву сердечную, просила старца Амвросия дать ей совет, как поступать далее. Иеросхимонах Амвросий ответил ей: «Во всех твоих искушениях... ты не должна оставлять молитвы. Не можешь молиться сердечную молитвою, молись умом или устами: как бы ни молиться, не оставляй только молитву». По мысли иеросхимонаха Амвросия, всякий подвиг должен совершаться подвижником с рассуждением, соразмерно со своими как духовными, так и телесными силами, и с благословением отца духовного. Но кто живет по своему разуму и произволу, такой человек, хотя бы нес большие подвиги, однако не может преуспеть в духовной жизни, потому что все сделанное по своей воле не всегда бывает угодно Богу по причине тщеславия и превозношения. «Полезнее, — пишет он, — постоянно продолжать умеренное делание, нежели иногда излишнее совершать, иногда же и должное оставлять, по причине неумеренной усталости... При молитвенном подвиге прежде всего должно заботиться о том, чтобы избавиться от дурных и зловредных качеств юродивых дев, да не услышим: «Что мя зовете: Господи! Господи! И не творите повеленного Мною о мире и о святом отношении ко всем».

Одной монахине, жившей по своей воле и впавшей в диавольское обольщение, иеросхимонах Амвросий дает ценные наставления, как можно выйти из такого положения. «Ты, как видно, — говорит он, — от неопытности и самочиния, по причине самомнения и скрытности характера, подверглась прелести вражией. Поэтому молись Господу о избавлении: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя, прельщенную! Господи, не попусти врагам до конца поругаться над созданием Твоим, которое Ты искупил честною Твоею Кровию!» Когда будешь так молиться, то сама увидишь действие этой молитвы, душевным врагам это будет неприятно, и они будут смущать душу твою и отвлекать, чтобы ты так не молилась; да и самолюбию твоему будет неприятно считать себя прельщенною. Но ты понуждайся так молиться и просить от Господа помилования и вразумления».

Иеросхимонах Амвросий убедительно советует, чтобы молитва была сообразна его душевному преуспеванию и совершалась постоянно, т.е. без длительных перерывов во времени. «Молитва каждого должна быть сообразна с его мерою; должна быть смиренна и разумна». Ревностным исполнителям молитвенного подвига иеросхимонах Амвросий указывает средний путь, который должны проходить разумно и не налагать на себя слишком много правил, приводящих иногда подвижника к превозношению: «Лучше не великое правило иметь, да постоянно выполнять оное, нежели много с перерывами совершенного оставления», — советует старец. «Господь примет и малое правило, со смирением исполняемое. Не в том важность, какие правила исполняем, а как их исполняем». На вопрос одной монахини, которая желала заменить четочное правило чтением Священного Писания, иеросхимонах Амвросий советовал: «Лучше что-нибудь другое оставляй, а четочное правило, хоть одиночное, старайся, кроме праздников, совершать ежедневно, и почаще молитву Иисусову произносить — это всего нужнее. Молитву Иисусову произноси и против блудных искушений; а в гневных искушениях молись за того, на кого скорбишь: «Спаси, Господи, и помилуй такую-то и ее святыми молитвами помози мне окаянной и грешной».

Находящимся в путешествии старец Амвросий советует оставлять все молитвенные правила, кроме молитвы Иисусовой. Одной своей духовной дочери он писал: «Бог да благословит оставить обычное правило и постоянно держаться молитвы Иисусовой, которая может успокаивать душу более, нежели совершение большого келейного правила».

Старец Амвросий свое учение относительно плодов правильно совершаемой умносердечной молитвы всегда основывал на учении свв. Отцов Церкви и Священного Писания. В его эпистолярном наследии можно найти указания, которые говорят о том, что плодом истинной молитвы должны быть смирение, любовь к Богу и ближним. Помимо приобретения этих добродетелей, по мысли старца Амвросия, посвятивший жизнь свою на служение Богу должен научать себя страху Божию, потому что в слове Божиим говорится: «Работайте Господеви со страхом и радуйтесь Ему с трепетом» ([Пс.2:11](#)).

О СТРАХЕ БОЖИЕМ

Христианин, ищущий спасения, в основу своей жизни, по мысли иеросхимонаха Амвросия, должен положить страх Божий. Страх Божий есть начало спасения, потому что, проникнув в сердце человеческое, он пробуждает его от сна греховного, наставляет его на путь обращения, вселяет в него стремление очиститься от страстей и жить по заповедям Господним, дабы избежать вечных мук и приобрести спасение. «Советую вам, — пишет старец, — держаться страха Божия и хранения своей совести, так как это более всего содействует христианину удержаться на настоящем пути». «Держись страха Божия, хранения совести и соблюдения заповедей Божиих». Свои наставления относительно того, чтобы во всех действиях иметь страх Божий, иеросхимонах Амвросий основывает на учении св.Исаака Сирина, который пишет: «Если человек придержится страха Божия, как должно, то в немногие дни обращается во врата Царствия. Придерживаться страха Божия, как должно, значит взяться за свое дело прилежно и со смирением и хранением совести, в хождении пред Богом и людьми». Каждый христианин может тогда только удержаться на высоте нравственного совершенства, когда он будет постоянно иметь в себе страх Божий. Также старец Амвросий говорит: «Имейте страх Божий и храните совесть свою во всех делах ваших и поступках, более же всего смиряйтесь. Тогда несомненно получите великую милость Божию». Чтобы получить милость Божию и вселиться вместе со святыми, нужно прежде всего проводить жизнь богобоязненную, подражая святым угодникам в подвигах и в постоянном труде над очищением своего сердца.

Святые апостолы страх Божий ставили в основу спасения человека: «Со страхом жития вашего время жительствуйте» ([1Пет.1:17](#)). На эти слова указывает и иеросхимонах Амвросий. «Слова сии, — говорит он, — показывают, что главное средство к тому, чтобы жить благочестиво и свято, состоит в страхе Божиим и страхе будущего суда и вечных мук. Только при содействии этого страха, с помощью Божиею и бывает соблюдение заповедей,... а без страха, если бы кто и на небеси жительствовал, по слову преп. Петра Дамаскина, не воспользуется (небесными благами), имея гордыню, ею же сатана, и Адам, и мнози падоша. Ежели и святым всем в слове Божиим предписывается иметь страх Божий, по сказанному: «Бойтесь Господа вси святии Его, яко несть лишения боящимся Его» ([Пс.33:10](#)), кольми паче нам грешным и неисправным необходимо иметь страх Божий, и страх смерти, и страшного суда Божия, и вечных мук во аде, растворяя страх сей надеждою наследовать Царствие Небесное... Страх Божий и памятование четырех последних удерживают от грехопадений, по сказанному: «Помни последняя твоя и во веки не согрешишь» ([Сир.7:39](#)).

Если христианин будет стремиться приобретать в своей душе страх Божий, то он будет подобен домостроителю «благоразумному, который построил дом свой на камне» ([Мф.7:24](#)). По словам старца Амвросия, такому человеку дается благой разум духовный. При отсутствии страха Божия «человек помрачается и начинает устами празднословить, судить, злословить и уничижать, и сердцем поучаться в помыслах нечистых».

Душа человека после грехопадения более всего бывает склонна ко злу, нежели к добру, а потому для него остается только одно средство — почаще прибегать к Богу и просить Его о ниспослании ей страха Божия, который ограждает душу и удерживает ее от греховных поползновений.

В одном письме, наставляя свою духовную дочь, старец пишет: «Во всякое время да держимся страха Божия, и страх Божий сохранит нас от всякого зла, тайного и явного».

Страх Божий, по словам старца Амвросия, может удерживать душу от многих греховных поползновений и направлять ее по пути нравственного совершенствования. «Крепко (нужно)

держаться страха Божия и хранения своей совести, — пишет иеросхимонах Амвросий, так как это более всего содействует христианину удерживаться на настоящем пути».

Христианин — это воин, сражающийся, по апостолу Павлу, «с духами злобы поднебесными», поэтому он должен постоянно возгревать в себе страх пред Богом, бодрствовать над самим собой и хранить все свои чувства от всего того, что наносит вред его бессмертной душе и лишает ее вечного общения с Богом. Иеросхимонах Амвросий пишет об этом: «Береги совесть свою и очи; имей страх Божий; чаще помышляй о смерти, и о страшном суде и о том, что если теперь не управишь себя в богоугодной доброй жизни, то после уже и совсем ослабеешь к добру».

Вот почему и подобает всякому христианину пребывать всегда в страхе Божиим и постоянно бодрствовать над собой, искоренять всякие зловредные страсти и пороки из своего сердца. Если мы не позаботимся искоренить их в земной жизни, то наше спасение в вечности окажется сомнительным.

Кто стяжал страх Божий и постоянно поддерживает его в себе, уже стоит на пути ко спасению, но ему еще необходим великий труд по очищению себя от страстей.

О СТРАСТЯХ И БОРЬБЕ С НИМИ

Спасение человека есть постепенный и длительный процесс очищения своей души от страстей и стяжание евангельских добродетелей.

Старец Амвросий считает, что причиной и поводом к совершению грехов являются скрытые в человеке страсти, с которыми нужно вести борьбу или избегать и не допускать их.

В своих наставлениях иеросхимонах Амвросий пишет лишь о тех страстях, о которых спрашивали его в письмах лица, обращавшиеся к старцу за духовным советом. Поэтому не стоит искать в его наследии стройной системы, — ценность назиданий старца в ином. Его слова, сказанные из опыта и в силе Духа Святого, как быстрое лекарство врачуют душу страждущего человека.

Все страсти губительны. Но одни из самых опасных — это гордость и тщеславие.

Говоря о **гордости и тщеславии**, старец Амвросий подробно останавливается на признаках той и другой страсти и объясняет, в чем заключается различие между ними, хотя они и «одной закваски». Для большей наглядности он сравнивает гордых и тщеславных с утками и гусями. Иеросхимонах Амвросий считает, что гордость рождается от самолюбия. «Тщеславие и гордость, — пишет он, — хотя одной закваски и одного свойства, но действие и признаки их различны. Тщеславие старается уловить похвалу людей и для этого часто унижается и человекоугодничает, а гордость дышит презорством и неуважением к другим, хотя похвалы тоже любит... Если же побеждаемый тщеславием не имеет благовидной наружности и других хороших качеств, тогда, для уловления похвал, человекоугодничает и, как утка, кричит: «так! так!», когда на самом деле и по справедливости не всегда так, да и сам он внутренне бывает расположен иначе, а по малодушию поддакивает. Гусь, когда бывает что-либо не по нем, поднимает крылья и кричит: «гага! каго!» Так и горделивый, если имеет в кружке какое-либо значение, часто возвышает голос, кричит, спорит, возражает, настаивает на своем мнении. Если же недугующий гордостью в обстановке своей не имеет никакого веса и значения, то от внутреннего гнева шипит на других, как гусыня, сидящая на яйцах, и кого может кусать, кусает».

Успеху в духовной жизни ничто так не препятствует, как тщеславие и гордость. Причиной возмущения, несогласия и раздора, если рассмотреть внимательно, бывает по большей части славолубие и горделивость, почему апостол Павел и заповедует, говоря: «Не бываем тщеславны, друг друга раздражающе, друг другу завидяще» ([Гал.5:26](#)). Зависть и ненависть, гнев и памятозлобие — общие исчадия тщеславия и гордости.

Иеросхимонах Амвросий в свете святоотеческого учения дает определение страсти гордости как корня всякого зла, подчеркивая особо пагубное ее действие среди монашествующих. Гордый и самонадеянный человек как бы носит в себе все пороки. Только полная покорность воле Божией избавит человека от этой страсти.

Наставляя гордых и самолюбивых к исправлению, иеросхимонах Амвросий напоминает им слова Спасителя: «Возьмите иго Мое на себе и научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обряцете покой душам вашим: иго бо Мое благо, и бремя Мое легко есть» ([Мф.11:29-30](#)).

Но горделивые и самолюбивые из нас не хотят подклонить выи своей под легкое сие иго Христово, но добровольно впрягают в тяжкое иго возношения и гневливости и чрез то сами томятся и смущаются, и нередко других смущают и отягощают».

Оптинский старец Амвросий советует всячески искоренить в себе самомнение и тщеславие, приводящие к гордости. «Потребно нам, — пишет он, — более всего иметь смирение

искреннее пред Богом и перед всеми людьми; и более бояться и остерегаться самомнения и тщеславия и самого тонкого — что мы стяжали нечто духовное». «Самомнение же величайшее происходит от величайшей гордости. Гордость же есть начало и корень всех зол в роде человеческом, и поистине есть гибель и смерть души».

Ограждая своих духовных чад от этой зловредной страсти — гордости, старец Амвросий советует им всячески хранить свое сердце во смирении и самоукорении, приписывая все свои добрые дела единому Богу, потому что самонадеянность и гордость вреднее всех страстей: «Гордость же одна заменяет все пороки, как и одно смирение спасает человека». Далее иеросхимонах Амвросий, развивая мысль о гордости, пишет: «Горделивость и на небе жившим не помогла, а лишила благодати Божией и низвергла долу, почему нам, хотящим взыти горе, потребно смириться зело». В другом письме старец Амвросий эту страсть ставит хуже прелюбодеяния и убийства, поясняя эту мысль словами Псалтыри. «Гордость и самонадеянность вреднее прелюбодеяния и убийства, — говорит он, — последние привели пророка к смирению и покаянию, а первые довели его до падения, как объясняет он в одной псалме, говоря: «Рех, не подвижуся во век». По падении же своем совсем иное говорил: «Червь есмь, а не человек, поношение человеков и уничижение людей».

Для истребления страсти гордости и последующих за ней страстей человек должен, по словам старца Амвросия, сконцентрировать все свои силы, все свое внимание и следить неослабленно, чтобы эти страсти постепенно, с помощью Божией, ослабевали в нас. «Если хочешь избавиться от гордости и самомнения, — пишет он, — то прежде всего требуется покориться воле Божией. Если хочешь, чтобы все было по воле Божией, то терпи все». Иеросхимонах Амвросий дает совет одной духовной дочери, как освободиться от гордости: «Когда найдут на тебя помыслы гордые и самонадеянные, — говорит он, — вспоминай, что ты подобна разломанному зданию без окон и без дверей, и сама себе говори: «Разграбленной, разоренной чем гордиться?»

Заботясь о своем спасении, каждый должен вести добродетельную жизнь, «подражая угодникам Божиим в их смирении, храня свое сердце от превозношений и осуждений». Иначе все наши добрые дела, по мнению старца Амвросия, будут неуютны Богу: «С гордостью и осуждением других добродетель проходящие, — пишет он, — отвержены бывают Богом, как показывает евангельская притча о мытаре и фарисее».

Не менее зловредной страстью, по мысли иеросхимонаха Амвросия, является **самолюбие**. «Самолюбие наше, — пишет он, — корень всему злу. Оно начало всех страстей, оно есть причина всех наших бедствий и страданий иногда в настоящее время, а иногда как последствие прежних ошибок». В другом письме об этой страсти старец пишет, что «...она, как темная завеса, затеняет от нас свет истины и не попускает нас наслаждаться истинным познанием. Сказано: «Царствие Божие внутри вас». Мы же, оставляя искание внутри себя, вращаемся вовне, занимаясь разбором чужих дел и недостатков». Вместо того, чтобы внутри себя создать Царствие Божие, самолюбивый человек выходит из внутренней клетки и устремляется в мир страстей. «Мы, вступая на смиренный путь благочестия, — пишет иеросхимонах Амвросий, — не вполне отрекаемся от того, чтоб на этом пути иметь какое-либо значение, и самолюбие наше умеет тонко прикрывать это благовидным желанием доставлять какую-либо пользу и в обители». Иеросхимонах Амвросий обращает внимание на пагубное действие самолюбия, так как оно препятствует следованию за Господом и исполнению заповедей Божиих. «В случае же уклонения от заповедей Божиих врачевать себя искренним покаянием и твердостью обуздывать свое самолюбие, которое есть главная вина в нарушении заповедей Божиих и всего должного. От самолюбия гневливость, от самолюбия осуждение и порицание других, от него негодование и самооправдание, и нехотение ничего потерпеть, а вследствие этого малодушие и оставление

молитвенного правила и чтения духовного и прочего».

Под видом якобы служения на пользу обществу лица, недугующие страстью тщеславия, удовлетворяют лишь своему собственному самолюбию. «Взаимный мир повсюду оскудевает, — пишет старец Амвросий, — а бестолковое немирствие возрастает: все виним друг друга и истязуем заповеди от ближнего, указывая по-видимому на благословные и благовидные причины, и забывая, что «каждый от своих дел или прославится, или постыдится». Забываем евангельское указание, а действуем по одному почти самолюбию, упорно отстаивая свои действия, не заботясь об их законности и незаконности. Всюду примесь своей воли, или самооправдания, или чего другого, или просто бестолковщины. Молиться нужно в самоукорении, да не заблудим от пути истинного».

Человек, одержимый страстью самолюбия, не видит в своей душе собственных недостатков, а по отношению к другим он бывает жесток и дерзок, замечая в них самые малейшие недостатки. Сожалея о таких, старец Амвросий пишет: «От себялюбия и самолюбия (бывает) вся беда... От них плодятся противные помыслы, словно саранча поедающая не только плоды духовные, но и листья и самую кору».

Действенными средствами, избавляющими человека от страсти самолюбия, служат самоукорение и молитва. Самолюбивому угрожает величайшая опасность — лишение его милости Божией. Об этой опасности и предостерегает оптинский старец ищущих спасения. «Сожалею и боюсь, — пишет иеросхимонах Амвросий, — как бы вам не лишиться милости Божией за упрямство свое по причине самолюбия за такие-то пустые претензии... Пощадите себя и меня, да не раскאיваемся после все тщетно и невозвратно. Поэтому кто не пощадит себя, ради самолюбивых безрассудных претензий, тот виноват будет не только пред Богом и людьми, но и сам перед собою, когда раскаяние будет неуместно».

О страсти блуда

О страсти блуда иеросхимонах Амвросий пишет очень мало; он указывает лишь на средства для преодоления блудных помыслов. «Противу блудных помыслов, — говорит он, — вооружайся воздержанием в пище и сне; старайся всегда находиться в труде и в деле, а паче всего во всем и всегда смирение и самоукорение, не осуждай никого. Смирение в том и состоит, чтобы не осуждать и не укорять». «Огонь истинной Божественной любви отгоняет всякие нечистые помыслы, а когда подобные помыслы сильно стужают человека, то это явный признак, что он не достиг еще в меру любви Божией».

Рассматривая **страсть уныния**, ее пагубное действие в деле спасения, старец Амвросий советует христианам не побеждаться ею, но искоренять ее в самом начале. Свои мысли относительно этой страсти он основывает на учении преп. Марка Подвижника. «Пр. Марк Подвижник, — читаем мы в письме старца, — выставляет три особые силы вражьи, которые, подобно трем великим исполинам, рагуют как живущих в монастырях, так равно и всех желающих приблизиться к Богу. Эти три исполина суть: уныние, забвение и неведение, а по другим отцам: невежество и неразумие, которые предыдут всем другим страстям и пролагают удобный путь темному полчищу оных...»

Чтобы оградить человека от нападения трех означенных исполинов, преп. Марк предлагает три средства: 1-ое — ведение, получаемое от чтения божественных и духовных книг, от слышания слова Божия и от вопрошения опытных; 2-ое — благое памятование: Бога и Его вездеприсутствия, по сказанному в слове Божиим: «Очи Господни и тьмами тем крат светлейшия солнца суть, прозирающия вся пути человеческия и рассматривающия в тайных местах» (Очи Господа в десять тысяч крат светлее солнца и взирают на все пути человеческие, и проникают в места сокровенные) ([Сир.23:27](#)); памятование Божественных Его заповедей; 3-е — прилежное исполнение всех обязанностей относительно того, чтобы удержать тело свое от излишнего сна, чрево от излишней пищи и питья, язык от празднословия и осуждения, ум от помыслов и попечений суетных, а сердце от похотей лукавых, о чем свидетельствует прежде всего трезвенное внимание и смиренное исполнение молитвенного правила как церковного, так и келейного, и особенно частое, с благоговением произношение молитвы Иисусовой, которую неопытным и начинающим должно первоначально иметь устную.

Иеромонах Амвросий, убеждая обращающихся к нему за духовным руководством не впадать в уныние, когда они не видят успеха в стремлении жить по заповедям Божиим, пишет: «Малодушествовать и унывать не следует, а возбуждать себя к духовной борьбе благоприятно, усердно и смиренно да прибегаем к Господу, читая кондак расслабленного, в его неделю положенный». «Мужайся и да крепится сердце твое с помощью Божией противу уныния и безотчетной печали, которыми враг рода человеческого тайно борет хотящим приблизиться ко Господу. Помни и старайся не забывать слов Его: «Претерпевший до конца, той спасен будет».

Вскрывая причины уныния, иеросхимонах Амвросий указывает, что они являются следствием тщеславия: «Уныние бывает от того, что не презрели мы еще тщетной славы и дорожим мнением человеческим, или хоть не дорожим, а не отвергли еще его». «Бывает и от тщеславия, — пишет старец Амвросий, — когда что не по-нашему делается или другие толкуют о нас не так, как бы нам хотелось. Еще бывает уныние от рвения непосильного... непосильным и неразумным рвением можно себе духовно живот надорвать... Вредно не радеть о должном, но не безопасно ретиться выше своей меры».

Наставляя своих чад ко спасению, старец советует, чтобы в унынии обращаться к Богу с полной надеждой и упованием на Его всемогущество, так как Он силен низложить все козни,

воздвигаемые врагом рода человеческого против тех, кто хочет вести жизнь богоугодную.

Страсть сребролюбия

Страсть сребролюбия, по учению иеросхимонаха Амвросия, следует рассматривать как проявление неверия. «Скупость, — пишет он, — происходит от неверия и самолюбия...» Вскрывая причины скупости, старец в то же время не настаивает и на совершенном нестяжании: «Совершенное нестяжание по настоящему времени невозможно. С помощью Божией умудряйся устраивать себя так, чтобы возможно было держаться внутреннего подвига, который, по апостольскому слову, состоит из четырех частей: ко всем долготерпение, всегда радуйтесь, непрестанно молитесь и о всем благодарите. Сия бо есть воля Божия. Начинать должно с последнего, т.е. с благодарения за все. Начало радости — быть довольным своим положением».

В своих наставлениях иеросхимонах Амвросий предостерегает своих духовных чад от чрезмерного пристрастия к деньгам, а с другой стороны, и от слишком легкомысленного отношения к ним. В одном из писем он пишет: «Безрассудно быть пристрастному к деньгам и нерассудно пренебрегать ими; то и другое худо и ведет не только к смущению, но даже и ко вреду душевному чрез разные путаницы от неправильного пренебрежения. Деньги сами по себе, или вернее, по цели, назначенной от Бога, вещь весьма полезная. Они заменяют недостаток простоты и любви между людьми. Без денег кто бы расчел людей? Были бы вечные споры и ссоры и даже драки до убийства; малыми монетами и даже ничтожными бумажками люди от всего этого избавляются, сами не понимая этого. Вред не от денег, а от безрассудной жадности или скупости, или от злоупотребления, — пожалуй, скажем и от неправильного пренебрежения». Затем старец Амвросий советует своим пасомым обращать свою мысль на кратковременность земных благ и заботиться более всего о вечности. «Блага земные кратковременны, и никто богатства земного не переносит с собою в будущую жизнь, разве только кто разумно употребит его на милостыню и благотворения». «Ежели кто об украденных у него деньгах не жалеет, то это вменяется ему более произвольной милостыни».

Желающие достигнуть спасения, по мысли старца Амвросия, не должны обращать внимания на недостатки своих ближних и осуждать их, ибо осуждение также является одной из пагубных страстей. **Для избежания осуждений** иеросхимонах Амвросий дает ценный совет, а именно избегать многоречия и держаться совета св.Исаака Сирина о том, чтобы «стараться не видеть злобы человека». Далее он приводит слова Священного Писания: «Лицемере, изми первее бревно из очесе своего, и тогда узриши изъяти сучец из очесе брата твоего», т.е. пагубнее всего осуждение и порицание ближних наших, происходящие от слепого самомнения и нерассудного возношения, от них же да избавит нас Всеблагий Господь молитвами почивших отцов наших... Внимай себе, и своей душе, и своему спасению, и тут найдешь столько дела, что не будет возможности заниматься чужими делами. Следовательно, в борьбе со страстями прежде всего необходимо научиться осуждать самих себя и ни в коем случае других, потому что «человек, — говорит старец Амвросий, — может видеть только видимое, Господь же зрит самые глубины сердечные».

Каждая страсть, по мысли иеросхимонаха Амвросия, начинается с греховных помыслов. Зная это, старец предостерегает своих духовных чад от увлечения ими. Особенно много говорит он о **хульных помыслах**, которые борют человека за возношение и осуждение ближних, и дает следующие наставления: «Хульные помыслы — известно за что борют: 1-ое — за возношение, 2-ое — за осуждение. Смирись, не думай о себе, что ты лучше других, не заирай никого, а себя за согрешения и поползновения укоряй, то и хульные помыслы утихнут. Впрочем, во всяком случае не смущайся; невольные хульные помыслы свв.Отцы не считают грехом, а их причины (то есть: гордость и осуждение) — грех».

Природу возникновения хульных помыслов иеросхимонах Амвросий видит в зависти вражией, а потому советует: «Особенно не тревожься хульными помыслами, которые явно происходят от зависти вражией. Со стороны же человека поводом к оным бывает или горделивое самомнение, или осуждение других. Поэтому в нашествии хульных помыслов прежде всего укоряй себя за осуждение других и гордое мнение, за настоящее или прошедшее, нисколько не беспокоясь тем, что слышим неизреченные хулы вражий... старайся иметь посильное воздержание в пище и в питье и сокрушение, и смиренное пред всеми сердце, чтобы приобрести спасительный плач о прежних и настоящих согрешениях и чрез то сохранить себя безвредно в настоящем твоём искушении от духа хулы. Знай, что враг, если не может кому сделать вреда, то по злобе своей силится по крайней мере смущать его, досаждасть ему разными помыслами и злыми внушениями».

Иеросхимонах Амвросий так же, как и св.Иоанн Лествичник, кроме указанных способов для хульных помыслов, советует побеждать их презрением и молитвой, молясь словами псалма: «Боже, в помощь мою вонми, Господи, помощи ми потщися, да постыдятся и посрамятся ищущие душу мою, да возвратятся вспять и постыдятся хотящии (мыслящии) ми злая». Когда же будут враги внушать похвалу и гордостное возношение, то продолжай следующий стих, глаголя: «да возвратятся абие стыдящися глаголющий ми: благоже, благоже» ([Псал.69](#)) Также прилично и в приличное время произнести из [39 псалма](#), начинающегося так: «Терпя потерпех Господа, и внят ми и услыша молитву мою» и проч. по избранию до конца... Главное же, старайся удержать веру и упование спасения, что Господь хочет всем спастися и в разум истины прийти. Враг же немощный только силится удалить человека от спасительного пути разными нелепыми внушениями и устрашениями и возможными искушениями, чтобы как-нибудь поколебать человека и отвратить его от истинного пути, и хотя он и тогда, аки лев рыкая, ходит иский кого поглотити, но св.апостол Петр увещевает противиться ему твердою верою и упованием на Господа, что Он не оставит нас и силен упразднить и разрушить все козни вражий, как слышим часто в тропаре мучеников, которые имущие крепость от Господа, мучителей низложиша, и сокрушиша демонов немощныя дерзости».

У иеросхимонаха Амвросия имеются указания о том, что для достижения нравственного совершенства и высшей добродетели любви необходимо приложить большие труды по искоренению страстей, потому что не может быть совместима любовь ни с тщеславием, ни с завистью. «Тщеславие, — пишет он, — не дает нам покоя, подстрекая к ревности и зависти, которые мятут человека, возбуждая в душе бурю помыслов». Свои доводы о путях к нравственному совершенствованию старец Амвросий основывает на Священном Писании и творениях св.Отцов: «Аще живем духом, духом и да ходим: не бываем тщеславнии, друг друга раздражающие, друг другу завидящие». Зависть вреднее всего. Св.Исаак Сирий пишет: «Обретый зависть обрете с нею диавола». Кто допустит диавола к душе своей, то какого он смущения, мятежа и крамолы не наделает? Да избавит нас Господь от сей пагубной страсти; также и от осуждения других, которое делает нас лицемерами пред Богом.

Человек, одержимый **страстью зависти**, не способен к богоугодной жизни; в его сердце отсутствует любовь как к Богу, так и к ближним. Такой человек не может приносить плоды добра, потому что его сердце всецело склонно к злым делам и даже убийству. Иеросхимонах Амвросий пишет о таких, что эта немощь (зависть) «побудила Каина убить незлобного Авеля, а иудеев побудила распять Христа Спасителя... Страсть зависти ни в какой радостный праздник, ни при каких радостных обстоятельствах не дает вполне порадоваться тому человеку, кем она обладает. Всегда как червь, точит душу и сердце его смутною печалью, потому что завистливый благополучие и успехи ближнего почитает своим несчастьем». Для более наглядного пояснения этой страсти старец Амвросий приводит один замечательный пример. «Один греческий царь, —

пишет он, — пожелал узнать, кто из двух хуже: сребролюбец или завистливый, потому что оба не желают друг другу добра. С этой целью повелел позвать к себе сребролюбца и завистливого и говорит им: «Просите у меня, что угодно; только знайте, что второй вдвое получит из того, что просит первый». Сребролюбец и завистливый долго препирались, не желая каждый просить прежде, чтобы после получить вдвое. Наконец, царь сказал завистливому, чтобы тот просил первым. Завистливый, будучи объят недоброжелательством к ближним, вместо получения обратился к злоумышлению и говорит царю: «Государь! Прикажи выколоть мне глаз». Удивленный царь спросил у него, почему он изъявил такое желание. Завистливый отвечал: «Для того, чтобы ты государь, приказал выколоть товарищу моему оба глаза». Вот насколько эта страсть зависти опасна и зловредна для каждого человека. Людей, одержимых страстью зависти, иеросхимонах Амвросий уподобляет Ироду. «Постараемся всячески противиться зависти и истреблять сию страсть в самом ее начале, — пишет он, — потому что до крайней степени побежденные завистью поступают в делах своих подобно Ироду, и если бы они были царями, то простирали бы злобу свою до убийства многих». Чтобы искоренить из своего сердца зависть и одержать победу, иеросхимонах Амвросий советует истреблять ее «в самом начале смиренной молитвой и смиренной исповедью, и благоразумным молчанием».

Иеросхимонах Амвросий не только предупреждает о пагубных последствиях зависти, но указывает и на средства для избавления от данной страсти: «Как же быть тем, которые немоществуют недоброжелательством к ближним, завистью и осуждением, и презорством? Таким следует позаботиться об исправлении своего нрава. А исправление требует, во-первых, смиренного и искреннего сознания и раскаяния пред Богом и духовным отцом; а во-вторых, евангельского понуждения удерживать язык свой и помыслы от порицания других. Не воотце сказано в Евангелии: «Нудится Царствие Небесное, и нуждницы восхищают оное», — а в-третьих, исправление это требует усердной и смиренной молитвы словами акафиста: «Господи, исцели еси сребролюбивую душу Закхея мытаря», исцели и мою окаянную душу от недоброжелательства и зависти, осуждения и памятозлобия. Не без понуждения и смиренной молитвы получили спасение мытари и другие разные грешники покаявшиеся».

Далее иеросхимонах Амвросий подчеркивает, что зависть рождается от гордости и отсутствия любви, и указывает способы ее врачевания: «Зависть и злоба, и ненависть происходят от гордости и от неимения любви к ближним. Врачевство же против сих страстей: во-первых, смиренное и искреннее сознание своей немощи пред Богом и духовным отцом; во-вторых, евангельское понуждение не действовать по влечению сих страстей, а делать противное им; третье врачевство — искать во всем только славы Божией и от Бога; четвертое врачевство — смиренное испрашивание помощи Божией псаломскими словами: «Господи! От тайных моих очисти мя, и от чуждых пощади рабу Твою или раба Твоего». Испрашивать же помощи Божией, не сомневаясь, а веруя, что невозможное у людей — возможно от Бога. Пятое врачевство — самоукорение, т.е. во всяком неприятном и скорбном случае или обстоятельстве должно возлагать вину на себя, а не на других, что мы не умели поступить как следует и от этого вышла такая неприятность и такая скорбь, которой и достойны мы, попусшением Божией, за наше нерадение, за наше возношение и за грехи наши прежние и новые».

Иеросхимонах Амвросий на основе своего многолетнего опыта, освященного житием подвижническим, свидетельствует в своих письмах, что не может человек побороть гнездящиеся в нем страсти, если он не стяжает **четырёх христианских добродетелей**, а именно: мудрости, целомудрия, правдивости и мужества. «Евангельское учение, — говорит он, — утверждается четырьмя главными добродетелями — мужеством, мудростью, целомудрием и правдою. Не умолчу и о неполезной и душевредной четверице, яже есть: уныние, малодушие, нетерпение и уклонение, которые лишают нас полной власти, могут лишить и благой части,

если будем им поддаваться, хотя бы и под благовидным предлогом. Благо только то, что делается по воле Божией и за святое послушание. А своя воля лишь мучит, и тогда только научит, когда будем оставлять оную». Вот «добродетели: мудрость, целомудрие, мужество и правда, которыми человек должен ограждаться, чтобы отразить и победить три главные страсти: сластолюбие, славолюбие и сребролюбие. При отражении каждой из сих трех страстей потребно иметь богомудрый разум и великое твердомыслие... мудрости свойственно иметь не только остроумие, но и дальновидность, и предусмотрительность, и вместе искусство, как поступить».

В своих письмах иеросхимонах Амвросий неоднократно проводит мысль о том, что каждый человек должен следить за своим внутренним состоянием и не увлекаться греховными помыслами, но отсекают их сразу же при первом появлении и не давать господствовать им в своем сердце, потому что если только они вкоренятся, то будет очень трудно освободиться от них. Одной духовной дочери старец Амвросий писал: «Умудряйся направляться к внутреннему христианству, и старайся отражать все противные помышления молитвенным призыванием... помощи Божией». В другом письме иеросхимонах Амвросий пишет: «Христианские души, пока добровольно предаются страстям — славолюбию, гневу, зависти, ненависти, памятозлобию, мщению и подобному сему, бывают вертепом мысленных разбойников — бесов».

Для того, чтобы освободить душу от этих мысленных разбойников, нужно произвести в душе внутренний переворот, т.е. принести чистосердечное раскаяние пред Богом и духовником и более не возвращаться к прежней жизни.

Ищущий спасения должен стремиться не только к отсечению страстей, но и к полному их искоренению. По этому поводу иеросхимонах Амвросий пишет: «Потщимся всею силою, призывая помощь Божию, о том, чтобы не только отсекают прозябающие страсти ветхого человека, но и искоренить их, дабы более не произникали, как научает св. пророк Давид: «Прозябоша и проникоша вси делающие беззаконие, яко да потребятся в век века». Без помощи Божией человек, как бы ни старался искоренить из своего сердца страсти, однако достичь этого не может по своей немощи. «Человек крайне немощен и бессилен, — пишет иеросхимонах Амвросий, — в духовной борьбе без помощи Божией. В борьбе этой, говорит Марк Подвижник, мы имеем одного помощника, таинственного, в нас сокровенного со времени крещения, — Христа. Он будет споборствовать нам в сей борьбе, если будем не только призывать Его на помощь, но исполнять, по силе своей, Его животворные заповеди».

Совершенное избавление от страстей, по мнению иеросхимонаха Амвросия, есть великое дарование Божие. Очистившись от них, душа сподобляется соединиться с Богом. Но тот, кто хочет стяжать этот дар, должен отрешиться от всех земных попечений. «За очищением души от страстей, — говорит старец Амвросий, — милостию Божиею, последует воскресение ее и соединение с Господом, если только душа, оставив всех и все, прилепится всем сердцем и всею любовию к Единому Господу».

Особенно большое место в своих письмах оптинский старец уделяет монашеству, которое он ставит очень высоко. «Есть спасение и кроме монастыря, — говорит старец Амвросий, — но с трудом великим. Хотя и в монастыре достигают спасения не без труда, но зато и кроме спасения в монастыре может человек достигать и совершенства духовного», которое является стремлением исполнить призыв Спасителя — быть совершенным, как совершенен Отец наш Небесный ([Мф.5:48](#)). Говоря о преимуществах монашеской жизни как пути к спасению, старец Амвросий пишет: «Евангельское учение нисколько не отличается от монастырской жизни; в мире живущие имеют одно лишь исключение относительно супружества... Хотя и такие могут шествовать путем благочестия, но с неудобством, т.к. претыкаются, и от сего преткновения язвы приемлют».

Милосердие Божие изливается на всех, ищущих спасения, но особенно обильно ниспосылается на тех избранников Божиих, которые отреклись от мирской жизни, день и ночь многими подвигами и слезами стараются очиститься от всякой скверны и плотских мудрований. Ревностные души устремляются в иноческие обители, чтобы постоянно быть в молитвенном общении с Богом. Чрезвычайно трудно правильно проходить монашеский путь, но инок дерзновенно уповает на таинственную помощь свыше. Поэтому старец Амвросий и пишет в своих письмах, что монашество есть тайна: «О монашестве должно разуметь, что оно есть таинство, покрывающее прежние грехи, подобно крещению. Крещаемый прежде крещения не может чувствовать того, что после получает, т.е. силу внутреннюю исполнять заповеди Божий». А в письме к одной монахине-схимнице старец прямо пишет: «Схима есть второе крещение, очищающее и прощающее грехи».

Монашеский путь — это отрешение от всего земного и принятие на себя ига Христова. «Как христианский младенец, — пишет иеросхимонах Амвросий, — если не родится водою и духом, не может быть христианином, так и монах, если не крестится крестом (то есть скорбями), не может быть монахом». Поступивших в монастырь, а затем «озирающихся вспять», старец увещевает не оставлять обители, потому что в монастыре надежнее можно получить милость Божию, нежели находясь в миру.

Принявшим монашеский постриг иеросхимонах Амвросий советует не возмущаться и не раскаиваться в этом: «Смущаться же ни в коем случае не должно... Этот великий дар Божий, а даром и не великим пренебрегать не должно; а лучше благодарить и стараться быть достойным того, что нам даровано по великой милости Божией».

Вступившие на путь монашества, желающие всецело последовать Христу должны прежде всего жить по заповедям евангельским. Если все истинные христиане, стремящиеся к спасению, обязываются исполнять заповеди Божии, то тем более это относится к монахам.

Но кто считает себя недостойным принять постриг монашеский, таковых старец не одобрял и приводил по этому поводу слова св.Иоанна Лествичника: «Никто да не порицает себя недостойным быти обета иноческого... Где находится великая гнилость, тамо и велие врачевание потребно есть... Здравии бо врача не требуют и во лечебницу не приходят».

Особое внимание в своих письмах иеросхимонах Амвросий уделяет внутренней жизни монаха, призывая бороться со страстями и приобретать добродетели, которые крайне необходимы для достижения Царствия Небесного. Живущим в монастыре старец советует отсекал свою волю и навязать послушанию. Во всем укладе своей внешней и внутренней жизни иноки должны подражать Христу. «В евангельском учении проповедуется, — пишет иеросхимонах Амвросий, — что послушание есть главная добродетель христианства...

Св.ап.Павел пишет о Самом Спасителе, что Он был послушлив до смерти, смерти же крестной. Сам Господь глаголет: «Не приидох да творю волю Мою, но волю пославшего Мя Отца». «Поэтому, — продолжает далее старец, — не уклоняйся от возложенной на тебя трудной обязанности заботиться о юных сестрах, об их устройении и спасении... Послушание паче жертвы; послушание паче поста и молитвы. Всем назначено послушание: и младшим, и старшим». Какое большое значение иеросхимонах Амвросий придавал послушанию, видно из следующего письма: «Послушание исполняя, считай, что оно тебе поручено от Господа чрез человека, и от усердия исполнения его зависит твое спасение».

А в другом месте старец пишет: «Мудрые и опытно духовные изрекли, что рассуждение выше всего, благоразумное молчание лучше всего, а смирение прочнее всего; послушание же, по слову Лествичника, такая добродетель, без которой никто из заплетенных страстями не узрит Господа».

С отеческой любовью старец Амвросий призывает всех к этой великой добродетели и сожалеет о тех, которые живут по своей воле, не повинуюсь своим наставникам. Он считает преслушание великим грехом, «который и мученичеством не заглаживается»; напоминая, что Адам и Ева не были бы изгнаны из рая за вкушение плода, но сила греха состояла не в плоде древа, а в запрещении и преслушании правил церкви, старец учит: «Воздержание и послушание многим принесло пользу, а необузданная свобода иным много повредила, а иных и совсем погубила».

На основании учения свв.отцов иеросхимонах Амвросий считает, что послушание должно лежать в основе всех добродетелей, к усвоению которых стремятся все ищущие спасения, ибо послушание было первой заповедью, данной человеку по его сотворении. Добродетель послушания для первозданных людей должна была осуществиться только в невкушании запрещенного плода, в воздержании в пище, что то же, в посте.

На телесные подвиги поста и бдения иеросхимонах Амвросий смотрит только как на средства для приобретения других добродетелей. Основное — это воздержание от различных страстей, бушевающих человека.

«Телесные добродетели (пост и бдения) — только орудия добродетелей; добродетель же в собственном смысле только душевная. Воздержание нужно иметь не только для различных снедей и питания, но от страстей вообще: от гнева и раздражительности, от зазрения и осуждения, от тайного и явного возношения, от упрямства и неуместной настойчивости на своем и подобное».

Иеросхимонах Амвросий советует избегать крайностей в посте и идти средним путем: с одной стороны, не слишком послабляя себе в посте, а с другой, — не налагая на себя излишнего воздержания: «Пост похвален и нужен в свое время и в своем месте; лучше держись умеренного употребления пищи и питания, избегая сытости, которой признак — малое отягощение, и, с другой стороны, излишнего и неуместного воздержания. Обе крайности нехороши и вредны. Умеренность же и среднее из них делает человека более способным к духовному деланию». Иеросхимонах Амвросий предупреждает, что чрезмерная ревность к несению различных подвигов, — подвиги выше своей меры, предпринимаемые по собственному почину, а затем оставляемые на некоторое время, есть не что иное, как вражьи козни, цель которых — уловить самочинного подвижника в сети прелести.

«Нужно больше заботиться о душевных добродетелях, — поучает старец Амвросий, — касательно же употребления пищи и других телесных подвигов у вас должно стоять, впереди всего, благое рассуждение со смирением».

Монахине, сознающей, что она много спит и делает себе снисхождение в пище, иеросхимонах Амвросий отвечает: «Сознавая в себе немощь свою, укоряй себя и удерживайся,

по крайней мере, от осуждения людей».

«Никакой не может быть пользы затягиваться на одних правилах и постах... Господь не сказал: аще хочещи внити в живот, исполни правило, но хочещи внити в живот — соблюди заповеди».

В подкрепление мысли о том, что не все, по немощи телесной, могут нести подвижнические труды, иеросхимонах Амвросий приводит взгляд св.Иоанна Дамаскина: «Св.Иоанн Дамаскин в слове о страстях пишет, что подвижничество потребно для тех, кто имеет тело здоровое и крепкое. А для немощных телом более потребно смирение и благодарение. Благодарить Бога должно за то, что немощами смиряет нас, чтобы смирившихся помиловать и спасти, по сказанному в псалмах: «Смирися, и спасе мя Господь».

Тех, кто не может соблюдать строгого поста, иеросхимонах Амвросий увещевает понудить себя хотя бы на умеренность в пище, сне и во всем. «Господь взирает на благое намерение и требует посильного и возможного действия, а не сверх силы и возможности».

Путь монашеской жизни и требования, предъявляемые к истинному монаху, без выполнения которых тщетными будут все усилия достигнуть спасения, изложены иеросхимонахом Амвросием в письме, в котором он объясняет, с какой целью вручаются монаху четки: «Дают четки сии с тем, чтобы приемлющий их человек сознавал свои недостатки и немощи и видел бы свои грехи, но никак не позволял себе замечать немощи и недостатки других, кольми паче старших, и всячески остерегался бы судить или унижать кого-либо, но дела и поступки других представлял бы Промыслу и суду Божию и собственной воле каждого... Если не хотим жить по своей воле и разуму, то и не должны уклоняться от стези и учения свв.отцов, которые велят нам смиряться, покоряться, отсекают свою волю, не оправдываться человеческими извинениями, от скорби и бесчестия, и унижения не отрекаться, но понуждаться на все сие, хотя бы и противилось тому лукавое и непокорное наше сердце. Твердо должно помнить, что на земле совершенства нет, но все люди, по мере своей, имеют некоторые недостатки, попускаемые Промыслом Божиим к нашему смирению».

На сомнение, высказанное одной монахине, жалующейся, что она не может разобрать, каким путем идет — путем ли молитвы, послушания, отсечения воли и безмолвия в уединении, — иеросхимонах Амвросий отвечает: «Путь монашеский один, а все остальное — его принадлежности, как апостол говорит: «Облецытеся во вся орудия Божия, яко возмощи вам стати противу кознем диавольским».

Всякий монах, если хочет быть истинным монахом, должен по силе своей облекаться во все эти орудия духовные, держась каждого в свое время по потребности, смотря по мере своего устройства и силы телесной и душевной, а не так, чтобы избирать, какое вздумается, а другие оставлять, когда в них бывает существенная потребность. Главное — всякому должно иметь, по слову Лествичника, самосознание, то есть знать свои силы телесные и недуги душевные, чтобы нерассудно не употреблять первых и не усиливать последних.

Иеросхимонах Амвросий высказывает мысль, что сущность монашеской жизни заключается в отсечении страстей и достижении бесстрастия. «Образ монашества называется ангельским; значит, кто живет истинно по-монашески, тот живет ангельски, то есть бесстрастно в целомудренной чистоте, и кротости, и смирении. Но при пострижении более всего высказываются случаи и поводы к терпению, потому что без терпения ни одна из вышесказанных 3-х добродетелей не исправляется, кольми паче кротость».

Чтобы христианин, стремящийся к спасению, мог встать и безбедно шествовать по правильному пути духовной жизни, ему необходимо вручить себя руководству опытного наставника. Тем более это необходимо для инока. Поэтому старец Амвросий, сам опытно постигнувший этот трудный, но безопасный путь монашеского делания, так много заботился об

искоренении своеволия и самолюбия в своих духовных чадах. Так, в одном письме он пишет: «Советую оставить изменчивость и непостоянство: то берешься за чрезмерное безмолвие и подвиги, и непрестанную молитву, то опять оставляешь все недели на две... В таком своеволии есть явный признак, что враг путает тебя прелестью, хитро утаивая это от тебя самой». «Как для мирских корень всему злу — сребролюбие, — пишет старец в другом письме, — так для монашествующих корень всему злу — самолюбие, от которого Господь повелевает прежде всего отречься: «Иже хочет по Мне идти, да отвержется себе». Самолюбие примешивается и противодействует каждому доброму делу и портит, и растлевает оное».

Призывая к послушанию, иеросхимонах Амвросий восстает против самочиния и своеволия, указывая на вредные последствия всякого начинания без благословения, даже в спасительных целях: «Напиши мне искренно тайное твое подвижничество, на которое ты не приняла благословение; а самочинное подвижничество и опасно, и душевредно. Если добро это, то зачем оно тайно от духовного отца? ... подсады вражии повсюду, разумеется, под видом добра и пользы душевной... вижу, что ты попала в сеть искания совершенства, забыв совершенно покаяния».

Желающих направлять свою волю по внушению собственных мыслей иеросхимонах Амвросий предостерегает от опасности: «По мысленным внушениям, и то с рассуждением и великим рассмотрением, живут одни только совершенные. А новоначальные и немощные, и страстные должны жить под правилом...» и руководством. А в письме к одной монахине старец прямо пишет: «Нам заповедано Господом молиться: «Отче наш!...да будет воля Твоя» Но нигде не сказано, чтобы можно было молиться так: «Да будет воля наша!» А у тебя во всем, даже в молитве проглядывает, что хочешь непременно, чтобы было по-твоему, или по внушению вражиию». Поэтому старец Амвросий всегда и в беседах, и в письмах убеждал в необходимости покорять свою волю руководству более опытного в духовной жизни наставника. А до тех пор, пока человек не найдет себе духовного руководителя, он должен согласовывать свою жизнь с евангельскими заповедями, в них искать ответ на свои духовные запросы, на них опираться при разрешении своих недоумений, внимать себе и не слишком ретиво братья за одни внешние подвиги.

Стремление к истинно христианской жизни и к достижению бесстрастия приводит к **внутреннему монашеству**. Но наряду с внутренним не должно пренебрегать и внешним. «Хорошо позаботиться о внутреннем монашеству; но все-таки оно без внешнего не бывает, хотя внешнее без внутреннего и бывает. Все таинства Православной Церкви совершаются из сочетания внешнего с внутренним, так как человек состоит не из одной души, но и из тела».

Касаясь вопроса о внутреннем монашеству, иеросхимонах Амвросий указывает также и пути его достижения. Он находит, что жизнь в монастыре с другими содействует воспитанию в себе духа внутреннего монашества, так как будучи в соприкосновении с людьми, человек имеет больше случаев познавать свои немощи, чем живя в уединении, а познавая их, он смиряется перед людьми и Богом. «Пребывание с другими нужно нам не для того, чтобы со всеми советоваться и им подражать, а чтобы в сообщении с ними познавать душевные свои немощи и смиряться перед ближними». «Тяжким кажется сожитие с другими для неукротенного самолюбия, но весьма полезно для обнаружения наших немощей; а то уединенному кажется, что он живет хорошо и исправно. И через то удобно впадает в самомнение и обольщение. Лучше видеть свои недостатки, и чрез то навязать смирению и самоукорению, нежели обольщаться мнимым исправлением и чрез то впасть в гордость».

Иеросхимонах Амвросий неоднократно подчеркивает, что жизнь в общежительном монастыре совместно с другими во многом содействует спасению: «Умудряйся приобретать жизнь и избегать смерти, живя с теми, с кем живешь, стараясь иметь заповеданное апостолом,

т.е. благость, милосердие, сострадание и любовь, которая есть исполнение закона; а как? — послушай же апостола: «Друг друга тяготы носите и тако исполните закон Христов». «Желающий уединенной жизни наперед должен обучиться среди людей терпению, смирению, незлобию и долготерпению от поношений и от неудобств... иначе не бывает». «Не ретись нерассудно на одно внешнее уединение, которое в страстном может писать самомнение, гневливость и осуждение других. Обращай на эти признаки твое внимание и понуждайся обучать себя самоукорению, во всяком случае возлагая вину на себя, а не на других. Помни всегда отеческое слово: «Келья высит, а люди искушают». Потому-то немощному и страстному и полезно прежде протереться между людей, да научиться смиряться и не порицать других». Явный затвор требует от человека очень многого, а потому лучше «немощью прикрывать уединение наше и безмолвное житие, — поучает старец Амвросий. — Если в таком случае и не совсем достаточны будем для такой жизни, все-таки не будем строго судимы ни от людей, ни от Бога».

В монастыре нужно проводить странническую жизнь, достигая внутреннего монашества, прежде всего, вниманием себе и молчанием. «Старайся жить в монастыре страннически, себе внимая и помалкивая, и не входя ни в какие дела. Тогда и уразумеешь самым делом апостольское слово: «Любящим Бога вся поспешествует во благое». Монахине, пожелавшей проводить жизнь странническую, иеросхимонах Амвросий пишет: «Странничество духовное не в том состоит, чтобы странствовать по свету, а в том, чтобы, живя на одном месте, проводить странническую жизнь».

Иеросхимонах Амвросий предупреждает юных, чтобы они помнили цель своего поступления в монастырь и строго соблюдали данные ими обеты. «Юные скоро забывают цель поступления своего в монастырь, которое требует и твердого постоянства и трезвенного внимания, и даже понуждения по немощи человеческой». Поступившим в монастырь и принявшим на себя ангельский образ иеросхимонах Амвросий советует постоянно бодрствовать над самими собою и не допускать в своем сердце колебаний, внушаемых сатаной, о том, чтобы оставить этот путь — монашество и возвратиться к прежней мирской жизни. О таких старец пишет: «Воспринявшие монашество и оставившие оное уподобляются Иуде предателю, который ни у кого не просил на это дозволения, а самовольно предал, и сам терпит горькую участь свою во аде. У кого есть сколько-нибудь еще смысла, тот не должен решаться подражать такому жалкому и злополучному человеку, а лучше пусть претерпит временные неудобства и временную малую скорбь, чтобы получить вечную милость Божию велику».

Более ревностным исполнителям монашеских обетов, особенно по принятии мантии, по словам старца Амвросия, Господь попускает всевозможные искушения для того, чтобы они навькли терпению, смирению и набрались духовного опыта в невидимой брани. «По принятии мантии, — пишет он, — скорбные искушения более попускаются на человека, чтобы навьк духовной брани сотворился и стал искуснее. Тут же не должно по-новонаначальному рассуждать, зачем то или другое? А просто терпи, смирайся, т.е. не оправдываясь, а принимая поношение и унижение: во-первых, за грехи, во-вторых, ради того, что добровольно избрала ты спасительный путь, который называется тернистым, и тесным, и трудным». В другом письме старец Амвросий советует монахам принимать все встречающиеся скорби с терпением, потому что этот путь избран добровольно и монашеские обеты даны без принуждения. «Досаждения же разные, — пишет он, — монах обязан переносить и без поводов со своей стороны, а за то, что давал обеты все скорбное нести».

«Монашество само по себе имеет великую важность духовную и приносит большую пользу душевную тем, кто приступает к оному с искренним расположением, проходит оное с простотою и незлобием во смирении». Как мало встречается людей с такими природными

качествами души, как простота и незлобие. И сколько необходимо приложить усилия и труда, чтобы ради душевной пользы приобрести эти великие евангельские добродетели. Поэтому истинную монашескую жизнь иеросхимонах Амвросий уподобляет мученичеству, продолжительному, ежедневному и добровольному.

Приведенные письма иеросхимонаха Амвросия раскрывают его взгляды на сущность монашества, как наиболее прямого пути ко спасению по сравнению с путем, избранным мирянами, которые, будучи связаны мирскими попечениями, семейной жизнью и всякого рода заботами, находятся в менее благоприятных условиях, чем монашествующие, всецело отрешившиеся от мира и посвятившие свою жизнь на служение Богу. Если мирянин обязывается проводить благочестивую жизнь для спасения, то тем более строгие требования предъявляются монаху, который должен быть облечен во всеоружие добродетелей, а не довольствоваться приобретением только одной какой-либо из них. Поборов в себе все страсти, монах делается полным властелином над самим собою; но достигнет он этой власти только тогда, когда окончательно истребит в себе страсть самолюбия, которая стоит на пути всякого доброго начинания.

Иеросхимонах Амвросий указывает на опасность, которой может подвергнуться монах, не ведущий борьбы со страстями; опасности этой подвергаются только те, которые принимают монашество только внешним образом, без монашества с внутренним его содержанием.

Молитва, внутри сердца совершаемая, любовь к Богу, стремление к истинной христианской жизни — вот те пути, которые приводят человека к внутреннему монашеству; однако не надо забывать и внешнего, ибо руководящим началом в жизни каждого человека должен быть принцип, заложенный в его природе. А принцип этот заключается в том неоспоримом факте, что человек состоит из души и тела, тесно связанных друг с другом; следовательно, согласовывая внутреннее с внешним, человек идет путем, указанным Самим Создателем. Отделяя же одно от другого, человек тем самым не подчиняется своему Создателю и действует самочинно.

Вся жизнь великого старца была направлена к тому, чтобы помочь страждущей душе в ее бедствиях, так и в материальных нуждах. К старцу обращались многие с различными вопросами, связанными с семейным неустройством, прося его совета. Иеросхимонах Амвросий принимал самое живое участие в нуждах семейных лиц и преподавал полезные советы.

В его письмах можно найти мудрые наставления родителям о заблудших чадах, о вступлении в брак и выборе невесты, о христианском воспитании детей, о подверженных страстям табакокурения и винопития и врачевании их, также утешение семьям, потерявшим близких лиц.

Одна особа обратилась к старцу, прося его молитв о ее сыне, который вел легкомысленную жизнь и не слушал родителей. Мать, боясь, чтобы сын не погиб духовно, советовала ему вступить в брак, но юноше это не понравилось, он любил жить безнравственно и своевольно, заявляя матери, что если она будет принуждать его вступить в брак, то он уйдет из дома.

Старец советовал не принуждать непокорного сына к женитьбе и не удерживать его дома. «Поживши на чужих руках, — пишет Иеросхимонах Амвросий, — скорее оценит ваш кров и материнскую заботливость. А если теперь его женить, при таком его душевном настроении, едва ли будет прок в женитьбе».

Желавшим вступить в брак старец не сразу давал благословение, а советовал навести прежде «справки о невесте, чтобы узнать ее обстоятельно; и если действительно окажется хороша, то и Бог благословит».

Вступившим в брак Иеросхимонах Амвросий поучал жить в согласии, мире и любви и все супружеские трудности нести вместе. Для подтверждения своих слов старец приводит замечательные слова Иустина Мученика, который говорит, что супруги должны нести тяготы «как впряженные волы ровно несут свое ярмо: если один будет отставать, то другому бывает труднее. — Если бы супруги ровно, по-христиански разделяли тяготу жизни своей, тогда людям и на земле было бы жить хорошо. Но как супруги часто бывают упруги, оба или один... то наше благополучие земное и не упрочивается».

На воспитание детей старец Амвросий обращал особое внимание, считая, что очень многое зависит от того, как младенец будет воспитан в детском возрасте. «Что вы благое посеете в душах детей своих в юности, — пишет иеросхимонах Амвросий, — то может после прозябнуть в сердцах их, когда они придут в зрелое мужество». Для ясного понимания христианской жизни старец советует родителям читать детям Священную Историю и жития святых, по выбору, незаметно сея в них семена страха Божия и христианской жизни. Особенно нужно, говорит старец Амвросий, с помощью Божией суметь внушить детям, как важно хранение заповедей Божиих и какие бедственные последствия бывают от нарушения их.

Далее старец пишет, что родители должны научить своих детей, чтобы они знали наизусть некоторые молитвы: «Символ веры» и избранные псалмы: «Живый в помощи Вышняго», «Господь просвещение мое» и т.д. Пришедшим в более зрелый возраст старец предлагал прочитывать «Православное исповедание» Петра Могилы и Катехизис. По словам иеросхимонаха Амвросия, хотя Катехизис «сухая» наука, но его знать необходимо для правильного понимания догматов Православной Церкви.

Иеросхимонах Амвросий придавал большое значение и тому, чтобы мать научила ребенка правильно налагать на себя крестное знамение. «Веками утверченный опыт показывает, — пишет старец, — что крестное знамение имеет великую силу на все действия человека, во все продолжение его жизни. Поэтому необходимо позаботиться вкоренить в детях обычай

ограждать себя крестным знамением, и особенно перед принятием пищи и питья, ложась спать и вставая, пред выездом, пред выходом, пред входом куда-либо, и чтобы дети полагали крестное знамение не небрежно, или по-модному, а с точностью, начиная с чела до персей, и на оба плеча, чтобы крест выходил правильный».

Старец обращал особое внимание на воспитание детей в страхе пред Богом. «Без внушения страха Божия, — пишет иеросхимонах Амвросий, — чем детей не занимай, это не принесет желаемых плодов в отношении доброй нравственности и благоустроенной жизни».

Умудренный жизненным опытом и одухотворенный благодатью Божией иеросхимонах Амвросий, как опытный кормчий, стоял у кормила душ человеческих, желая каждую из них привести к тихому пристанищу — Христу. К нему обращались люди с различными вопросами и нуждами, прося его совета и молитвенной помощи.

Один диакон, страдавший неизвестной болезнью, сопровождавшейся тоской и чувством страха, особенно при совершении Божественной литургии, просил иеросхимонаха помолиться о нем. Своим духовным взором старец провидел причину мучившей его болезни и написал ответ: «Началом и первой причиной болезни вашей были детские грехи, которые, должно быть, вы не умели или стыдились исповедать вовремя, как должно, а это следовало вам сделать, особенно пред посвящением вас во диакона. Второй причиной — то, что, может быть, вы не всегда хранили свою совесть при совмещении диаконского служения и супружеской жизни, так как от лица, посвященного на это служение, требуется особенное хранение совести». Перечисляя причины болезни, старец в то же время не оставляет болящего в недоумении, подает совет, как избавиться от нее. «В болезни вашей, думаю, — пишет он, — прежде всего нужно вам... найти в вашей стороне духовника, пред которым бы вы могли с полной верой и с совершенной искренностью смиренно исповедовать все, тяготящее совесть вашу, начиная с 7-ти лет и до сего дня; а во-вторых, — ... не возвращаться к таким поступкам, которые причиняют страх и тоску. Если так поступите и вперед твердо решитесь хранить себя и свою совесть, то... не только избавитесь от отягощающей вас тоски и страха, но и самой телесной болезни».

Своей молитвой старец Амвросий многих врачевал как от телесных болезней, так и от душевных волнений. Но чтобы скрыть силу молитвы своей от взора людей, он одним советовал принести чистосердечное раскаяние в своих грехах, а другим указывал отслужить молебен пред образом Божией Матери.

Вся жизнь иеросхимонаха Амвросия была направлена к тому, чтобы помочь страдающей душе освободиться от греховных привязанностей, от которых часто сам человек без помощи других не может избавиться.

Один человек страдал привязанностью к табакокурению и просил старца помочь ему освободиться от этого порока. Иеросхимонах Амвросий, видя в табакокурении вред для души, пишет: «Невозможное от человек возможно при помощи Божией; только стоит твердо решиться оставить, сознавая от него вред для души и тела, так как табак расслабляет душу, умножает и усиливает страсть, омрачает разум и разрушает телесное здоровье медленной смертью». Чтобы избавиться от плохих последствий, старец советует ему «подробно исповедаться во всех грехах с семи лет и за всю жизнь, и причаститься Святых Тайн, и читать ежедневно, стоя, Евангелие по главе. Или более... или вместо этого класть по 33 больших поклона». Когда же будет одолевать тоска, нужно продолжать чтение Евангелия до тех пор, пока не пройдет. Этот человек до письма старца выкуривал в день по 75 папирос, но когда получил письмо с указанием, как ему поступать, то усомнился в этих наставлениях, а привычка одолела, и он закурил. Однако внезапно он почувствовал сильную боль в голове и отвращение к курению. И с тех пор он раскаялся в этой страсти и больше не стал курить.

Другим, более вредным пороком, от которого страдали многие, было пьянство. Этот порок

потому так крепко пленяет душу человека, что пристрастившийся к вину не находит в себе силы воли освободиться от него. Увлечшийся винопитием теряет человеческий образ, становится непригодным как для общественного служения, так и для своей семьи. Иеросхимонах Амвросий, сострадая о таких, дает им совет, как избавиться от этой немощи. Во-первых, старец побуждает молиться с усердием св. Иоанну Крестителю и мученику Вонифатию, по молитвам которых Господь может исцелить и возвратить страждущего на путь трезвенной жизни. Во-вторых, указывает на лечение травой «черногоркой». Старец описывает способ лечения этой травой, так как, очевидно, в то время это средство было известно в народе. В-третьих, старец указывает на самое верное и сильное средство освобождения от винопития — молитву Иисусову: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». При этом Иеросхимонах Амвросий советует полагать по 33 поклона. По мнению старца, это самое наилучшее средство.

Много и других наставлений, преисполненных утешения семейным людям, находится в письмах о. Амвросия. В одном из писем Старец Амвросий утешает скорбящую мать, которая неутешно плакала о своей родной дочери, находившейся в тяжелой болезни. «Теперь же слышу, — пишет он, — что вы скорбите паче меры, видя страдания болящей дочери. Действительно, по-человечески нельзя не скорбеть матери... Несмотря на это, вы должны помнить, что вы христианка, верующая в будущую жизнь и будущее блаженное воздаяние не только за труды, но и за страдания произвольные и невольные. Впрочем, пишу так, не потому что желал бы я смерти страждущей малютке..., но пишу все это собственно для утешения вас и для правильного вразумления и действительного убеждения, чтобы вы нерассудно и паче меры не скорбели».

Одной благочестивой супружеской чете, которая лишилась единственного сына, скончавшегося в расцвете лет, старец Амвросий выражает свое искреннее сочувствие. Он готов был сам посетить скорбевших, хотя по своей крайней немощи не мог никуда выходить. Сострадая, он в то же время напоминал им о том, что существует будущая жизнь, где они увидятся с сыном. Укрепляя их веру в будущую жизнь, старец советует им поминать душу почившего за Проскомидией, при чтении Псалтыри и в домашних молитвах, а также предлагает подавать за его душу посильную милостыню. «Все это, — пишет он, — полезно будет не только покойному сыну вашему, но и вам самим».

В другом случае, утешая родителей, лишившихся дочери, старец советует им не скорбеть чрезмерно. «Должно умерять скорбь, — пишет он им, — христианскою надеждою, что дочь ваша получит великую милость у Царя Небесного, в горнем и нескончаемом Его Царствии». В молодом возрасте, по мысли иеросхимонаха Амвросия, душа бывает чиста. Она свободно возлетает в Горний Иерусалим, где, предстоя престолу Всевышнего, ликует вместе с ангелами. Старец советует родителям почаще размышлять об этом, и тогда дух их будет получать через это отраду душевную. Предостерегая всех ищущих спасения от непомерной скорби и ропота, иеросхимонах Амвросий приводит назидательный пример из жизни одной семьи. Мать с двумя дочерьми умерла в состоянии ропота. Одна из дочерей через несколько дней Промыслом Божиим ожила. Когда ее спрашивали о потустороннем мире, она отвечала, что «видела исполненные неизреченной красоты и радости райские селения. Потом видела страшные места мучения, и здесь в числе мучимых видела свою мать и сестру. Потом слышала голос: «Я посылаю им скорби в земной жизни для спасения их; если бы они все переносили с терпением, смирением и благодарением, то сподобились бы вечной отрады в блаженных селениях. Но ропотом своим они все испортили; за то теперь и мучаются. Если хочешь быть с ними, иди и ты ропщи». С этими словами умершая возвратилась к жизни».

Старец Амвросий никогда не отстранял себя от решения самых сложных вопросов семейной жизни. Несмотря на то, что сам он никогда не был связан узами семейной жизни,

однако он не замыкался в узком кругу монашеских интересов, но всегда сострадал и людям семейным. Его наставления как монашествующим, так и мирянам преисполнены духовного и жизненного опыта и свидетельствуют, что автор их имел особое, благодатное помазание.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Краткий обзор подвижнической жизни оптинского старца преподобного Амвросия и его письменного наследия позволяет с уверенностью сказать, что душа его была озарена Божественной благодатью, которая как из обильного источника изливалась на души всех, притекавших к его духовному окормлению. Старец Амвросий являет собою изумительный пример для подражания всем, ищущим спасения. В образе этого великого старца запечатлевается высокий и ясный ум, непреклонная воля и любвеобильное сердце. Всю свою жизнь он стремился достигнуть одной главной цели — стяжать в своей душе Царство Божие и научить ближних, как достигнуть его. **Отец Амвросий был не только великим проповедником Царствия Христова, но и живым носителем этого Царствия.** Старец не только звал к свету и обновлению духовному, но и сам был светильником, который светил и привлекал всех, кто желал идти по стопам Спасителя. Полный глубокого смирения иеросхимонах Амвросий вместе с тем исполнен был и бесконечной самоотверженной любви к ближним. Под животворными лучами этой божественной любви смирялось всякое горделивое сердце; холодные и окаменелые проливали благодатные слезы; колеблющиеся утверждались и возвращались на твердый и истинный путь. Всякий, кто только соприкасался с этим дивным старцем, уходил от него жизнерадостным и утешенным. Он настолько был богат духовным опытом, что приходили к нему многие мужи, славные житейской мудростью, чтобы поучиться у простого монаха высшей науке — умению жить по-христиански. Ни в одной приемной комнате знатных особ не перебывало столько людей, сколько побывало их в тесной келий этого старца. Ни от кого не получено столько советов письменных и устных, сколько их дал отец Амвросий. **Оптинский старец Амвросий воистину был одним из глубочайших знатоков сокровенных движений душ человеческих, опытейшим врачом духовных недугов**, мудрым и любвеобильным наставником. Его письма, дошедшие до нас, являются прекрасным руководством всем, идущим ко спасению. Они раскрывают полную и ясную картину внутренней, духовной жизни человека, указывают ему высшую цель — Царство Небесное и пути достижения его. Письма старца содержат редкое сокровище духовного опыта. В них почти каждая строка дышит красотой христианского смирения и божественной любви. В этих великих христианских добродетелях наиболее преуспел сам отец Амвросий. Эпистолярное наследие иеросхимонаха Амвросия и в настоящее время является немеркнущим светом вразумления, назидания и увещания для всех, стремящихся к блаженной вечности. Никогда не угаснет в народном сознании память об этом великом молитвеннике земли Русской. Поистине к нему приложимы слова ветхозаветного мужа, сказавшего: «Восхвалят разум его мнози, и до века не погибнет: не отидет память его, и имя его поживет в роды родов: премудрость его поведят языцы, и хвалу его исповесть Церковь» ([Сир.39:11-13](#)).

АЛФАВИТ ДУХОВНЫЙ

(избранные изречения старца Амвросия, извлеченные из разных источников и расположенные в алфавитном порядке)

К началу службы ходить — трезвее будешь.

Во время чтения Апостола дома можно сидеть, если кто другой читает. И в церкви можно сидеть, когда не в силах стоять.

Когда в церковь идешь и из церкви приходишь, должно читать: «Достойно есть». А в церкви пришедши, положить три поклона: «Боже, милостив буди мне», и проч.

К службе церковной непременно должна ходить, а то больна будешь. Господь за это болезнью наказывает. А будешь ходить, здорова и трезвее будешь. Батюшка о.Макарий, случалось, заболел, а все пойдет в церковь. Посидит, потом в архиерейскую келью войдет; там места не найдет, перейдет еще в келью к о.Флавиану, — там побудет; но когда уже видит, что не в силах быть более в церкви, перекрестится, да и уйдет. А то все не верит себе.

Когда нельзя ходить в церковь, должно дома вычитывать: вместо утрени — утренние молитвы, 12 избранных псалмов и первый час; а вместо обедни — третий и шестой часы с изобразительными.

В церкви не должно говорить. Это злая привычка. За это посылаются скорби.

В праздности время грех проводить. И службу церковную и правило для работы грех упускать. А то, — Господь как бы тебя не наказал за это.

Одной монахине, заботившейся об уврачевании какой-то недужной сестры, болезнь которой имела свою причину в порочной жизни, старец указывал: «Посмотри на апостола Павла, что он говорит. Не повелевает ли он предать такого сатане во измождение плоти, да дух его спасется в день Господа нашего Иисуса Христа? Вот пример истинного человеколюбия. А ты заботишься избавить человека от измождения плоти, чтобы доставить ему временное спокойствие, прикрываясь, может быть, и мнимою пользою душевною».

Старец Амвросий, сказав слова св. Исаака Сирина, «что невозможно не болети телу в недужех, егда кто избрет путь добродетели», добавил: «И тем более невозможно нам не бывать больными, слабо идущим по этому пути».

Вооружай себя верой, ею же сокрушаются козни сопротивного.

Внимание себе.

На вопрос, как себе внимать, с чего начинать, последовал такой ответ: «Надо прежде записывать: как в церковь ходишь, как стоишь, как глядишь, как тщеславишься, как сердишься и проч.».

Одна женщина просила о. Амвросия помолиться о ней, чтобы ей успокаивать других, а он ответил ей: «Успокойся прежде сама, тогда и других будешь успокаивать».

На книге преп. Варсонофия Великого и Иоанна Пророка батюшка написал: «Кто хочет себе внимать, тот должен книгу сию внимательно читать, побольше дома сидеть, поменьше по сторонам глядеть, по кельям не ходить и к себе гостей не водить; других не осуждать, а о своих грехах ко Господу Богу вздыхать, дабы получить милость Божию».

Кто имеет дурное сердце, не должен отчаиваться, потому что с Божией помощью человек может исправить свое сердце. Нужно только внимательно следить за собой и не упускать случая быть полезным ближним, часто открываться старцу и творить посильную милостыню. Этого, конечно, нельзя сделать вдруг, но Господь долго терпит. Он тогда только прекращает жизнь человека, когда видит его готовым к переходу в вечность, или же когда не видит никакой надежды на его исправление.

Уча, что в духовной жизни нельзя пренебрегать и маловажными обстоятельствами, старец иногда говорил: «От грошевой свечи Москва сгорела».

Насчет осуждения и замечания чужих грехов и недостатков, батюшка сказал: «Нужно иметь внимание к своей внутренней жизни так, чтобы не замечать того, что делается вокруг себя. Тогда осуждать не будешь».

Мы оба похожи на неких брата и сестру, который друг друга убеждали исправиться. Брат был картежник, а сестра неосторожна, и убеждения обоих были несильны.

Гордость

Указывая, что человеку нечем гордиться, старец прибавлял: «Да и чем в самом деле человеку тут возноситься? — Оборванный, оципаный просит милостыни: помилуй, помилуй! А подастся ли милость, это еще кто знает».

Когда нападает гордость, скажи себе: чудачка ходит.

Гордых Сам Бог исцеляет. Это значит, что внутренние скорби (которыми врачуется гордость), посылаются от Бога; а от людей гордый не понесет. А смиренный от людей все несет и все будет говорить: достоин сего.

Когда чувствуешь, что преисполняешься гордостью, то знай, что это похвалы других тебя надмевают.

Человек яко трава. Кто гордится, тот вянет, как трава, а кто боится Бога, тот помилован Господом.

Гордость и непокорство порождают ложь — начало всякого зла и бедствий.

Горделивость и на небе жившим не помогла, а лишила благодати Божией и низвергла долу, — почему нам, хотящим взыти горе, потребно смирится зело.

Одна монахиня написала старцу, что ее очень беспокоят гордость и самонадеянность. О.Амвросий ответил: «Оберегайся этих злых страстей. Из примера св. царя-пророка Давида видно, что гордость и самонадеянность вреднее прелюбодейства и убийства. Последние привели пророка к смирению и покаянию, первые довели его до падения».

Батюшку спросили: «Такая-то долго не умирает, ей все представляются кошки и проч. Почему так?» Ответ: «Всякий, хоть и маленький грешок надо записывать, как вспомнишь, а после каяться. От того некоторые долго не умирают, что задерживает какой-нибудь нераскаянный грех, а как покаются, так облегчаются. У нас (в Оптиной) была на скотном дворе скотница в чахотке, у которой были три греха забыты, и ей представлялось будто кошки ее царапают, то девка давит, а как покаялась, так и умерла. Еще в скиту был рясофорный монах больной; ему все казалось будто за ним кто-то лежит, и никак не мог припомнить греха. В продолжении недели вспомнил грех и, как покаялся, так и умер. Непременно нужно грехи записывать, как вспомнишь, а то мы откладываем: то грех мал, то стыдно сказать, или после скажу, а придем каяться и нечего сказать».

Три колечка цепляются друг за друга: ненависть от гнева, гнев от гордости.

Грехи — грецкие орехи, — и расколешь, а иногда трудно.

«Отчего люди грешат?» — задавал старец вопрос и сам же отвечал на него: или от того, что не знают, что должно делать и чего избегать; или, если знают, то забывают; если же не забывают, то ленятся, унывают... Это три исполина — уныние или леность, забвение и неведение — от которых связан весь род человеческий неразрешимыми узами. А затем уже следует нерадение со всеми сонмищами злых страстей. Потому мы и молимся Царице Небесной: «Пресвятая Владычице моя Богородице, святыми Твоими и всемогущими мольбами отжени от меня, смиренного и окаянного раба Твоего, уныние, забвение, неразумие, нерадение и вся скверная, лукавая и хульная помышления».

О том, как трудно искореняются греховные навыки в человеке, и как сильно действует на него пример других, старец говорил: «Как на лошадь дикую, пойманную в табуне, накинута аркан, она все упирается сначала, идет боком, а потом видит, что все идут, и она пойдет в ряд. Так и человек».

Дерзость

Дерзка и смела от смеха, — страха Божия, стало быть, нет.
Если перебивать разговор, то это дело дерзости.

Добродетели

Четыре добродетели: мужество, рассуждение, целомудрие и правда. Целомудрие в том состоит, чтобы наблюдать за собой во всех действиях: в словах, в делах, в помыслах, значит соблюдать целыми все добродетели. И бесы чисты, но имеют гордость.

Что означает: «Жезл твой и палица твоя, та мя утешиста?» Ответ: «Жезл — крест, скорбь, а палица — молитва Иисусова. Жезл — деятельная часть добродетели, а палица — умная молитва».

Три апостола: [Петр](#), Иоанн и Иаков, — говорил батюшка, — изображают веру, надежду и любовь. Иоанн изображает любовь — был ближе всех к Спасителю и на тайной вечери возлежал на груди у Спасителя. [Петр](#), хотя и был за дверьми со служанками, но ему потом была вручена Церковь и дано право пасти стадо Христово. Он изображает веру. Об Иакове вообще говорится очень мало. Его совсем даже нигде не видно, но он удостоился вместе с другими двумя апостолами видеть славу Божию — он изображает надежду, так как надежда не видна: она таится для других всегда невидимо в человеке и хранит свою силу, и надежда не постыдит.

Батюшка учил, как надо принимать неблагодарность людей: «Если делаешь доброе, то должно его делать лишь для Бога. Почему на неблагодарность людей и не должно обращать никакого внимания. Награду ожидай не здесь, а от Господа на небесах; а если здесь ждешь, то напрасно и лишение терпишь».

Долги

Долги хуже грехов: в грехах покаяется человек, и Бог да простит, а за долги будут истязать не только в настоящей, но и в будущей жизни, от чего да избавит Господь.

Жертва Богу

Одна монахиня сказала, что видела во сне икону Божией Матери и будто Божия Матерь ей сказала: «Принеси жертву». Батюшка спрашивает у монашки: «Что же ты, принесла жертву?» А она ответила: «Что же я принесу, у меня ничего нет?» На это батюшка сказал: «Жертва хвалы прославит Мя».

«Батюшка, — спросил кто-то, — ведь не может ощущать в будущей жизни полного блаженства тот, у которого близкие родные будут мучиться в аду?» Старец ответил: «Нет, там этого чувства уже не будет; про всех тогда забудешь. Это все равно, как на экзамене. Когда идешь на экзамен, еще страшно, и толпятся разнородные мысли; а пришла — взяла билет, и про все забыла».

Когда сердце прилепляется к земному, тогда надо вспомнить, что земное не пойдет с нами в Царствие Небесное.

Каждая вещь и дело не вдруг совершаются, а мало-помалу, по мере старения и внимания, а иногда и понуждения, и с ошибками и неприятностями которые по времени все пройдут, а дело останется и возвеселит человека.

Старец писал одной дочери духовной, уподобляя ее жизнь довольно глубокому рву, который в дождливое время наполняется так, что и переезду не бывает; в другое же время высыхает так, что нисколько по нем не течет вода. Святыми же отцами похваляется такая жизнь, которая проходит подобно малому ручейку, постоянно текущему и никогда не иссыхающему. Ручеек этот удобен: во-первых, к переходу, во-вторых, приятен и полезен всем проходящим, потому что вода его бывает пригодна для питья, так как тихо текущая и потому никогда не бывающая мутною.

Не будь как докучливая муха, которая иногда без толку около летает, а иногда и кусает, и тем и другим надоедает; а будь как мудрая пчела, которая весной усердно свое дело начала и к осени кончила медовые соты, которые так хороши, как правильно изложенные ноты. Одно сладко, а другое приятно.

Когда старцу написали, что тяжело на свете, он ответил: «Потому она (земля) и называется юдоль плача; но люди одни плачут, а другие скачут. Но последним будет нехорошо».

«Чтобы исправить, или человеку самому исправиться, не надо вдруг налягать, а нужно как тянуть барку — тяни, тяни, тяни, отдай, отдай. — Не все вдруг, а понемногу — говорил батюшка. — Знаешь «рожон» на корабле: это такой шест, к которому привязаны все веревки корабля, если тянуть за него, то потихонечку — и все тянется, а если взять сразу, то все испортится от потрясения».

Одна женщина спросила батюшку, где ей жить: в миру или в монастыре? Батюшка ответил так: «Можно жить и в миру, но не на юру, а жить тихо».

Жизнь. Как жить?

На вопрос: «Что значит жить по сердцу?» — батюшка ответил: «Не вмешиваться в чужие дела и видеть в других все хорошее».

Батюшка говорил: «Мы должны жить на земле так, как колесо вертится, только чуть одной точкой касается земли, а остальными непрестанно вверх стремится; а мы, как ляжем на землю, и встать не можем».

Кто из поступивших в монастырь прямо пойдет путем смирения в страхе Божиим и, сохраняя по совести очи, и слух, и язык, а в ошибках прибегая к самоукорению, тот мало увидит неприятных случаев, а слово «сплетня» для него и существовать не будет.

На вопрос, как жить, батюшка отвечал: «Жить не тужить, никого не осуждать, никому не досаждать, и всем мое почтение».

Нужно жить нелицемерно, и вести себя примерно, тогда наше дело будет верно, а иначе выйдет скверно.

«Смотри Мелитона, — говорил старец одной монахине, предостерегая ее от высокомерия, — держись тона; возьмешь высоко, будет нелегко, возьмешь низко, будет склизко; а ты, Мелитона, держись среднего тона».

Зависть

Нужно заставить себя, хотя и против воли, делать какое-нибудь добро врагам своим; а главное — не мстить им и быть осторожными, чтобы как-нибудь не обидеть их видом презрения и унижения.

Заповеди

Один раз старец, объясняя слова ап.Иакова «Не мнози учителя бывайте», — сказал: «Учить — это как бы маленькие камешки с колокольни бросать, а вот самому исполнять заповеди — как бы большие камни на колокольню таскать».

Искушения

Некто говорил о.Амвросию: «Когда в грубые искушения впадаю, то прихожу в уныние и даже отчаиваюсь». Батюшка ответил: «Когда о.игумен Антоний был болен, то перед его смертью мы с о.Климентом приходили к нему. О.Климент в это время о ком-то сомневался, а о.игумен говорил: не надо отчаиваться ни за кого, один диавол отчаялся, а прочие могут спастись».

Келия

После всенощной если к тебе придут в келью, то ты встань, зажги свечку и скажи: «Ну-ка, сестра Варвара, прочитай-ка вечерние молитвы и по очереди». — Этим отучишь ходить в келью.

В кельи не ходить и к себе гостей не водить. Если кто скажет: «Зайдите», — то скажи: «Я теперь в кислом расположении — не могу».

Козни врага

«На хребте моем делаша грешницы». Враг нападает на человека страстями, и человек делает все, что ему враг внушает, и все это на его спине отзывается.

Враг борет и десными и шуими, то тоскою и страхом, то высокоумием и самонадеянностью, а когда отвергают его внушения, то опять шепчет: «благоже, благоже сотворил, победил, соделался велик».

О людях, исполняющих волю диавола, батюшка рассказывал: «Однажды некий монах увидел врага (диавола), что тот сидит и болтает ногами. Монах спрашивает: «Что же ты ничего не делаешь?» Враг отвечает: «Да мне ничего не остается делать, как только болтать ногами, — они (люди) лучше меня все делают».

Враг наш невидимый сам же вложит мысль греховную в душу человека, да тут же и запишет ее, как его собственную, дабы впоследствии на страшном суде Божиим обвинить человека.

Раз батюшка говорил: «Паук ленивый, сидит на одном месте, ниточку выпустит и ждет; как попадет муха, сейчас ей голову долой. А муха-то жужжит. Так и враг всегда протягивает сети, и как кто попадет, сейчас голову долой». Потом батюшка обратился к кому-то и говорит: «Смотри, не будь мухой, а то так же жужжишь».

Крестное знамение

Как велика сила крестного знамения? Один любил выпивать. И вот однажды в таком виде заблудился где-то, и представилось ему, что кто-то подходит к нему, наливает из графина в стакан водку и предлагает выпить. Тогда он говорит этому: «Подержи пока стакан, а я перекрещусь». И только что осенил себя крестным знамением, как все пропало, и вдали залаяла собака. Он очнулся и видит себя в непроходимом болоте, в водовороте и, если бы не лай собаки, не выбраться бы ему оттуда.

Когда в мирском доме бываешь: то как в дом войдешь, в первой комнате креститься три раза; а в другую комнату (перейдешь), можно один раз. А когда обедать сядешь, за первым кушанием только один раз перекреститься, и на весь обед.

Одна женщина рассказывала батюшке, что она стыдилась креститься в мирском доме, чтобы не увидели. На это он привел следующий пример: «П.В.С-н была в хорошем доме, ей захотелось пить, а батюшка Макарий благословил ей креститься. Она и думает: креститься нельзя и не креститься не хочется, — и не стала пить. Так и ты, не хочешь креститься, то и не пей чаю».

Лицемерие

Многие из подражания другим отrekliсь от веры в Бога. Один так-то не верил в Бога, а когда на войне на Кавказе пришлось драться, то он в самую страшную минуту, когда кругом летали пули, пригнулся, обнял свою лошадь и все время читал: «Пресвятая Богородице, спаси нас». А потом, когда, вспоминая об этом, товарищи смеялись над ними, то он отрекся, говоря, что этого не было. Рассказавши про это, батюшка прибавил: «Лицемерие хуже неверия».

Ты должна иметь любовь, а любовь с крыльями: с одной стороны — смирение, а с другой — милостыня и всякое снисхождение к ближнему.

Если будешь принимать людей Бога ради, то, поверь, все будут к тебе хороши.

Любовь покрывает все. Если кто делает добро по влечению сердца, а не движимый только долгом, то таковому диавол мешать не может; а где по долгу, там он все-таки старается помешать тем или другим.

«Любовь, — говорил раз батюшка словами апостола, — все прощает, долготерпит, не осуждает, ничего чужого не желает и не завидует».

Трудящемуся Бог посылает милость, а любящему утешение.

Любовь, конечно, выше всего. Если ты находишь, что в тебе нет любви, а желаешь: то делай дела любви, хотя сначала без любви. Господь увидит твоё желание и старание и вложит в сердце твоё любовь. А главное, когда заметишь, что погрешила против любви, сейчас же исповедай это старцу. Это может быть иногда от дурного сердца, а иногда и от врага. Сама ты не можешь этого разобрать; а когда исповедуешь, враг и отойдет.

Бесстрастными ведь не сейчас можно сделаться; а всякий раз, чувствуя свою греховность, говори: «Господи, прости мне!» Господь один силен вложить в сердце человека любовь.

Любить надо, а привязываться страстно не надо. Заповедь повелевает чтить родителей и даже награду назначает за это. Но если ты, говорит Господь, любишь отца, или мать, или кого-либо больше Меня, то не достоин быть Моим учеником. Значит, только пристрастие не позволено, а не любовь.

Когда батюшку попросили объяснить, что значит: «Аще враг твой алчет, ухлеби его, углие огненное собираешь на главу его», — он ответил: «Углие огненное на главе означает ум. Когда ухлебишь врага, то ум его согревается к тебе любовью».

Когда о. Амвросию исповедовались, что скупость нападает, он поучал: «Давай что можно, елико душа возможет. Как один странник просил милостыню, одна была скупая и дала ему худой платок, а другая добрая и, что просил у нее странник, все ему давала. Только что ушел он от них, как сделался у них пожар, и все у них сгорело. Странник воротился и все им отдал, — той, которая много подавала, много отдал, а скупой сказал: на тебе твой платок».

Св. Иоанн Златоуст говорит: «Начни отдавать неимущим, что тебе не нужно, что у тебя валяется; потом будешь в состоянии давать и больше и даже с лишением себя; и, наконец, уже готов будешь отдавать и все, что можешь».

Св. Димитрий Ростовский пишет: «Если придет к тебе человек на коне и будет у тебя просить, подай ему. Как он употребит твою милостыню, ты за это не отвечаешь».

«Батюшка! — спрашивали некоторые, — отчего это мира нет в душе?» Старец отвечал на это словами псалма: «Мир мног любящим закон Твой».

Сказано: «Любящим Бога, вся поспешествует во благое». И в другом месте: «Мир мног любящим закон Твой, и несть им соблазна». А если «несть мира в костях наших, то явно что от грехов и страстей наших. И потому должно заботиться не обстоятельства улаживать, а стараться себя исправлять. Это не только надежнее, но и успокоительнее».

Отвечая одной монахине, почему в ее келии нестроения, о.Амвросий писал: «Во-первых, от душевного врага, который считал своим делом всех и все путать, во-вторых, от человеческого самолюбия и человеческого малодушия и нетерпения».

Душа наша невидима и не может успокаиваться одними внешними обстоятельствами, а требует к своему умиротворению средств внутренних и духовных, на которые указывает богодухновенный пророк Давид, глаголя: «Мир мног любящим закон Твой, и несть им соблазна». Слова эти показывают, что нужно прежде возлюбить закон Божий и постараться исполнить евангельские заповеди, означенные у евангелиста Марка, от начала 5-й главы до 10-й, и тогда можно надеяться на получение прочного спокойствия и прочного мира душевного.

Послушай сестра! Не будь востра, не будь пестра! А будь постоянна и смирна, и будешь мирна!»

«Везде война, везде борьба; и получают успокоение только подвизающие душевно, руководясь законом Божиим. А кто ищет только внешнего и временного успокоения, те лишаются и того, и другого, т.е. и земного, и небесного. Разве только захотят исправить дело искренним раскаянием и великим смирением».

«Будем искать утешения и отрады в едином Господе и от Него Единого искать милости, которая вечна и нескончаема: все человеческое кратковременно и переходящее, хотя по видимости своей и привлекает, но обманчиво. Внимание человеческое никого надолго не успокаивает, а только польстит, поманит, а после всегда оканчивается неприятностью и раскаянием; только мы хорошенько в это еще не всмотрелись, а потому и увлекаемся видимостью».

Когда говорили батюшке, что ему не дают покоя, он отвечал: «Для нас тогда настанет покой, когда запоют над нами: «Со святыми упокой».

Молитва

Читайте «Отче наш», да не лгите: «Остави нам долги наша якоже и мы оставляем...».

«Христос воскрес» — читать, когда положено Церковью, а то не должно.

Надо молиться и прибегать к Царице Небесной: помоги, спаси и помилуй.

«Богородице Дево» читать хоть с поясными поклонами. Об этом сказала сама Божия Матерь, явившись во сне одной монахине, прибавив, что это для ее же пользы.

Молитву в келье читать устами: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешную». Или «Боже, очисти мя, грешную». А в церкви: «Господи, помилуй». И слушай больше, что читают. А если не слышишь, то всю молитву читай: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешную».

Не должно говорить, что молишься (или будешь молиться) за других. О.Антоний, и тот говорит: «Обязываюсь молиться».

Во всех делах требуется человеку помощь Божия, а потому всегда и во всем просить помощи Божией, т.е. необходима усердная молитва.

Так как молитва есть сильнейшее оружие против невидимого врага, то он и старается всячески отвлекать от нее человека. Батюшка рассказывал: «У одного монаха на Афоне был скворец, которого он очень любил, и так к нему привязался, что тот часто отвлекал его от молитвы своими разговорами. Только монах начнет исполнять свое правило, а скворец тут и разговорится. На Светлое Воскресение монах подошел к клетке и говорит: «Скворушка, Христос воскрес!» А скворец вдруг ему отвечает: «Вот то-то и беда, что воскрес», — и тут же околел. Тут монах понял свою ошибку и раскаялся».

Утренние молитвы читать, и в это время ничего не делать. И ко всякой службе ходить. Антоний Великий видел ангела, который показывал ему (как должно монаху жить); то помолиться, то поработать. А во время работы «Господи, помилуй» читать.

Когда бывает бдение, минут за восемь надо читать вечерние молитвы.

Когда ложишься спать, кровать и келью крестить с молитвой «да воскреснет Бог».

Когда проснешься, сначала перекрестись. В каком состоянии будешь с утра, так и на целый день пойдешь. У св.Иоанна Лествичника об этом написано.

Прежде всего нужно милости просить у Бога и молиться: «Имиже веси судьбами, помилуй мя грешную (ого)».

Утром, когда проснешься, говори: «Слава Тебе, Боже». Батюшка о.Макарий всегда это говорил. И не должно вспоминать происшедшее и сны.

Одна сказала батюшке: «Когда сердита бываю, то молюсь рассеяно». А батюшка ответил: «Кто сердится, тот лишается покрова Божьего. Нужно молиться без злопамятности».

Обращаясь к монашенкам, батюшка говорил: «Долготерпите, за все благодарите, о всем радуйтесь, молясь за всех непрестанно, а если что из этого не исполните, то выйдет не молитва, а чепуха».

Когда батюшку просили помолиться, чтобы исправиться, он отвечал: «Самой надо споспешествовать. Пророк Нафан молился за царя Давида, а он ложе обливал слезами, молился и за Саула, а тот спаше и храпяше».

Некто спросил монаха: «Кто тебя научил молиться?» — Он ответил: «Бесы». — «Как бесы?!» — «Да так. Они меня бороли разными помыслами, а я отбивался от них молитвой».

Когда бывает бесчувствие, тогда наиболее нужно упражняться в молитве устной. Батюшка рассказывал: «Одна все хотела странствовать и туда, и сюда — и в Киев, и в Задонск, а старец один ей и говорит: «Все это тебе не на пользу, а вот сиди дома в келье и твори молитву»

мытареву».

Если не хочется молиться, надо понуждать себя, святые отцы говорят, что молитва с понуждением — выше произвольной молитвы. Не хочется, но понуждай себя: «Нудится бо Царствие Небесное».

«Богородицу» читать 12 раз или 24 раза в день. Она у нас одна Заступница.

Когда усердно молишься, то так и смотри, что искушение будет. Это и со всеми случается.

«Не должно тебе молиться за сестер, — писал старец одной монахине. — Это враг под видом добра попускает; это дело совершенных. А ты только перекрестись и скажи: «Господи, помилуй нас».

Когда ударят к «Достойно», (если находишься в келье), нужно встать и положить три поклона св. Троице: «Достойно и праведно есть поклоняться Отцу, и Сыну, и Св. Духу». Просить заступления Царицы Небесной и читать: «Достойно есть яко воистину...», а если кто чужой будет (в келье), то только перекреститься.

Когда бьют часы, должно перекреститься с молитвой: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного»; как пишет св. Димитрий Ростовский: «Для того помилуй мя, что час прошел, ближе к смерти стало». — Можно не при всех креститься, а по рассмотрению, при ком можно, а то и не надо, в уме же молитву должно сотворить.

Четки даны для того, чтобы не забывать молитву творить. Во время службы должно слушать, что читают, и перебирать четки с молитвой: «Господи помилуй»; а когда не слышно (чтения) то: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного».

Батюшка о.Амвросий советовал при кознях человеческих и вражеских прибегать к псалмам св.пророка Давида, которыми молился он, когда был в гонении от врагов, а именно, читать псалмы: 3-й, 53-й, 58-й и 142-й. Выбирать из этих псалмов стихи приличные к скорби и почаще прочитывать их, обращаясь к Богу с верой и смирением. А когда будет бороть уныние или томить душу безотчетная скорбь — прочитывать псалмы 101-й и 36-й. («Не ревнуй лукавнующим, ниже завиди творящим беззаконие», затем [псалом 26](#)-й («Господь просвещение мое» и [псалом 90](#)-й («Живый в помощи Вышняго»)). Если во имя Святой Троицы исправно читать эти псалмы ежедневно по три раза со смирением и усердием, предавая себя всеблагому промыслу Божию, тогда «изведе Господь яко свет правду твою и судьбу твою яко полудне, точию повинися Господеви и умоли Его».

Когда старцу пожаловались, что посторонние мысли мешают молиться, он сказал: «Ехал мужик по базару, вокруг него толпа народу, говор, шум; а он все на свою лошадку: но-но! но-но! — так помаленьку, помаленьку и проехал весь базар. Так и ты, что бы ни говорили помыслы, все свое дело делай — молись!»

Чтобы люди не оставались в беспечности и не возлагали свою надежду на постороннюю молитвенную помощь, старец повторял обычную народную поговорку: «Боже-то поможи, — да и сам мужик не лежи». И прибавлял: «Вспомни, двенадцать апостолов просили Спасителя за жену хананеянку, но Он не услышал их; а сама стала просить, упростила».

Молитва Иисусова

Хотя бы шепотом произноси молитву Иисусову, а от умной многие повредились.

Непременно устами читай молитву Иисусову, а умом не полезно, повредиться можешь.

Бог да благословит оставить обычное правило, и постоянно держаться молитвы Иисусовой, которая может успокаивать душу более, нежели совершение большого келейного правила. Из прежних опытных старцев один по имени Василий объяснял это так: держащийся большого келейного правила когда исполняет его, подстрекаем бывает тщеславием и возношением; когда же почему-либо не может исполнить своего правила, то смущается. А державшийся постоянно молитвы Иисусовой одинаково пребывает в смиренном расположении духа, как бы ничего не делающий, и возноситься ему нечем.

Батюшка рассказывал о силе Иисусовой молитвы: «У одного священника был скворец, который постоянно слышал от своего хозяина молитву, и повторял довольно часто. Вот раз на улице налетел на него коршун, а он по привычке говорил в это время эту молитву, и что же? — коршун не посмел его тронуть. Бессмысленно твердил молитву Иисусову, и то спасла!»

Милостью и помощью Божией сподобились, сестра, воспринять начало монашеского образа вовне, к обновлению внутреннего человека от ветхости возмутительных страстей, лишаящих душу мира и отягощающих тело, — да отныне проживем безмятежное житие в простоте и правоте, возвергая печаль свою на Господа всеблагого и всемогущего и всем хотящего спастися.

Если кто-нибудь из братии по малодушию и нетерпеливости скорбел о том, что его нескоро представляют к мантии или к иеродиаконству и иеромонашеству, старец имел обыкновение так говорить в назидание: «Это, брат, все придет в свое время, — все дадут; добрых же дел никто не даст».

Неверие

Одна женщина говорила как-то батюшке об одной семье, что всех в этой семье очень жаль, потому что они не верят ни в Бога, ни в будущую жизнь; жаль именно потому, что они, может быть, не виноваты в этом сами; воспитаны были в таком неверии, или еще были другие какие причины. Батюшка качал головою и гневно сказал: «Безбожникам нет оправдания; ведь всем, всем решительно, и язычникам проповедуется Евангелие; наконец, по природе всем нам от рождения вложено чувство познания Бога; стало быть, сами виноваты. Ты спрашиваешь, можно ли молиться за таких? Конечно, молиться за всех можно».

Немощь человеческая

Когда батюшке говорил кто-нибудь «не могу» (того-то и того-то потерпеть и исполнить), он нередко рассказывал по этому поводу про одного купца, который все говорил: «Не могу, не могу — слаб». А пришлось ему раз ехать по Сибири; он был закутан в двух шубах и ночью задремал; открыл глаза и вдруг видит точно перед собою, все как будто волки мелькают; глядит — волки. Как он вскочил... да, забыв про тяжесть шуб, прямо на дерево».

Неосуждение

Рассказывал батюшка об одном богатом человеке, который промотал свое состояние, а под конец жизни пришел в монастырь и умер так, что дай Бог каждому из нас так умереть. Хотя и расточителен был покойный, но был и необыкновенно добр и прост душой. Вот и осуждай теперь людей! Нужно иметь больше простоты.

«Что тебе за дело, что про тебя говорят, — сказал как-то раз батюшка, — если слушать чужие речи, придется взвалить осла на плечи», — и при этом рассказал известную басню про старика, мальчика и осла.

Не люби слушать о недостатках других, тогда у тебя будет больше своих.

Говорит пословица: «На чужой роток не накинешь платок». Люди толкуют право и неправо, судить же всех будет Господь — судия нелицеприятный. Поэтому относительно чужих успокоимся и позаботимся о своей душе, чтобы она не подверглась суду за неправые мнения, не говоря уже за дела.

Не говори ни о ком невыгодно и заочно, и не получишь ни от кого досады и вреда.

Нечувствие

Если на одном конце деревни будут вешать, на другом конце не перестанут грешить, говоря: до нас еще не скоро дойдут.

Обещание

Обещание без исполнения все равно, что хорошее дерево без плода.

Осуждение

Чужие дела не передавай.

Чужую рожь веять — свои глаза порошок.

Когда будешь кого осуждать, то скажи: «Лицемере! Изми первое бревно из очесе твоего!»

Бревно в глазу это гордость. Фарисей имел все добродетели, но был горд, а мытарь имел смирение и был лучше.

На вопрос, заданный кем-то из толпы о том, сколько раз надо есть в день, батюшка ответил примером: «Спасался в пустыне один старец, и пришла ему в голову мысль: сколько раз надо есть в день? Встретил он однажды мальчика и спрашивает его об этом, как он думает. Мальчик ответил: «Ну, захочется есть, поешь». «А если еще захочется», — спросил старец. — «Ну так еще поешь», — сказал мальчик. «А если еще захочется», — спросил старец в третий раз. «Да разве ты осел?» — спросил в свою очередь старца мальчик. «Стало быть, — добавил о.Амвросий, — надо есть в день два раза».

Плач

Спросили у батюшки: «Что значит плач?» Батюшка ответил: «Плач значит сетование; не плач бывает от слез, а слезы от плача».

Правда

Надо всегда говорить правду, а не человекоугодничать. У нас был священник; я ему всегда правду говорил, когда придет ко мне. Ему это не нравилось. А когда уходил от нас, то сказал мне: «Ежели бы вы не говорили мне правду, то я не мог бы и жить здесь».

Поведение внешнее

Надо быть ко всем почтительной. Будь ласкова, но не ласкательна. Поклонись да скорее проходи.

Три степени для спасения, как сказано у св.Иоанна Златоуста: а) не грешить, б) согрешивши, каяться, в) кто плохо кается, тому терпеть находящие скорби.

Какое ныне настало время! Бывало, если кто искренно раскается во грехах, то уже и меняет свою греховную жизнь на добрую; а теперь часто бывает так: человек и расскажет на исповеди все свои грехи в подробности, а потом опять за свое принимается.

Батюшка рассказывал, что один человек все грешил и каялся... и так всю жизнь. Покаялся и умер. Злой дух пришел за его душой и говорит: «Он мой». А Господь говорит ему: «Если ты, будучи зол, принимал его опять после того, как он мне каялся, то как же Мне не принимать его после покаяния. Ты забываешь, что ты зол, а Я — благ».

Искреннее покаяние и смирение, по слову св.Лествичника, исцеляет и неудобоврачуемые язвы душевные.

Вопрос: «Что значит искренно исповедоваться?» Ответ: «Ничего не скрывать, говорить прямо, не округлять».

Один монах говорил: «Батюшка, у меня ноги болят, не могу поклонов класть, это меня мучает». О.Амвросий ему отвечал: «Помни слово Священного Писания: «Сыне, даждь Ми сердце», а не нози».

Спрашивали батюшку относительно поклонов в св. Пятидесятницу. Батюшка сказал, что в церкви поклонов класть не положено, а дома можно. Пятидесятница, пояснил батюшка, означает восстание, а поклоны — падение. Кто стоит твердо, пусть не кланяется, а кто шатается туда и сюда, тот пусть кланяется.

Некто говорил батюшке, что он затрудняется класть поклоны при исполнении правила. О.Амвросий ответил: «Не можешь поклоняться в землю, клади поясные поклоны; если и поясных не можешь класть, твори молитву Иисусову устами. Св.Пророк Давид сказал: «Хвала Его во устех моих». По немощи, по болезни это допускается».

Помощь Божия

Батюшка иногда объяснял стихи псалмов, например: «Аще не Господь созиждет дом, всеу трудишася зиждущие», — это значит: если Господь не благословит что, то напрасно будут труды: «Всеу бде стрегий», и ничего не устрешет, напрасно рано будет вставать тот человек, не пойдут дела его без благословения Божия.

От того дремлешь в церкви и не слышишь службы, что помыслы бродят туда и сюда.

Если помысл будет говорить тебе: «Отчего ты этому человеку, который оскорбил тебя, того-то и того-то не сказала?» — То скажи своему помыслу: «Теперь поздно говорить, — опоздал».

Помыслы те надо говорить, которые беспокоят. Иной помысел целый день приражается, и ничего; а другой в раз оцарапает, — тот и нужно говорить.

Когда найдет день, что будто хорошо живешь — весело и спокойно, а вдруг делается беспокойство, и помыслы начнут тебя смущать, тогда скажи себе: что ж ты теперь смущаешься? А помнишь, когда была спокойна?

Если придут хульные помыслы и осуждающие других, то укоряй себя в гордости и не обращай на них никакого внимания.

Вопрос: «Что значит: «Повергни немощ свою пред Богом?» Ответ: «Когда нападут помыслы и не в силах бороться, тогда сказать: «Господи, Ты видишь немощ мою, а я не в силах бороться, помоги мне!»»

О.Амвросий говорил: «Помыслы самомнения непременно надо открывать. У нас был один брат, у которого были эти помыслы, но он батюшке Макарию почему-то их не говорил. А кому-то из братии высказал, и тоже батюшке не сказал. Он вышел из монастыря и застрелился».

Один говорил батюшке: «Бывают помыслы, что вы, батюшка, мне доверяете». На это он ответил: «А я тебе притчу расскажу. Одного пустычника выбрали архиереем, он долго отказывался, но они настояли. Тогда он и подумал: я не знал, что я достоин, верно есть что-нибудь у меня хорошее. В это время явился ему ангел и говорит: «Рядниче (рядовой монах), что ты возносишься, там люди согрешили и им нужно наказание, вот оттого и выбрали, что хуже тебя не нашлось».

Человека постоянно смущают греховные помыслы; но если он не соизволяет им, то не бывает в них виновен.

Батюшка говорил часто: **«Как ни тяжел крест, который несет человек, но дерево, из которого он сделан, выросло на почве его сердца, — и батюшка, показывая на сердце, прибавил, — древо при исходищах вод; воды (страсти) бурлят там».**

«Вы жалуется на брань мысленную, — отвечал старец в одном из писем. — Хотя совершенно невозможно избежать этой брани ни в каком месте, но ее острота и сила притупляются при правильном образе жизни и удобном к тому месте».

Бывает крест мысленный, — смущают иногда человека греховные помыслы; но человек не бывает в них виновен, если не соизволяет им. И старец приводил пример: «Одна подвижница долгое время была обуреваемая нечистыми помыслами. Когда же явившийся ей Господь отогнал их от нее, она воззвала к Нему: «Где Ты был доселе, о сладкий мой Иисусе? — Господь ответил: «Был в твоём сердце». — Она сказала: «Как же это могло быть? Ведь сердце мое было исполнено нечистых помыслов». И сказал ей Господь: «Потому разумей, что Я был в твоём сердце, что ты никакого расположения не имела к нечистым мыслям, а более старалась избавиться от них, не имея возможности, болезновала о сем, — и этим уготовила Мое место в сердце твоём».

Послушание

Общее послушание паче всего содействует к избавлению от гордости. На общем послушании человек обучается духовному искусству, если захочет, и когда на вещи смотрит просто, многое принимая за шутку.

Один противник поста сказал батюшке: «Не все ли равно Богу, какая пища?» На это старец ответил: «Не пища имеет значение, а заповедь; Адам изгнан из рая не за объедение, а за вкушение, только за вкушение запрещенного. Почему и теперь в четверг или вторник можно есть, что хочешь, и не наказывается за это, а за среду и пятницу наказывается, потому что чрез послушание вырабатывается покорность».

Похвала

Когда хвалят, то на это не обращать внимания, не отвечать и не спорить. Пусть хвалят, а только самому сознавать в себе, стоишь ли ты похвалы, или нет. Если будешь противоречить, то выйдет лицемерие; ведь тонкое чувство удовольствия от похвалы все-таки есть в тебе; да и те, которым ты будешь противоречить, не поверят тебе, поэтому когда хвалят, не говори ничего, опусти глаза, и молчи.

Похвала не на пользу, ужасно трудна похвала. За прославление, за то, что здесь кланяются, тело по смерти испортится, — прыщи пойдут. У аввы Варсонофия написано: «Серид какой был старец, а и то по смерти тело испортилось».

Сказать хвалящей: не хвали, а то после рассоримся. Св.Лествичник велит опасаться таких людей, лучше принять злословившего человека.

Правда

По Божьему суду, неправда совершенного успеха иметь не может. Сказано в псалмах: «Солга неправда себе». Зло всегда забегает вперед, только не одолевает. Каин родился прежде Авеля и Исав прежде Иакова, но старшие не только не имели успеха, но и погибли. Сказано в псалмах: «Правда Божия, яко горы Божии», а правда человеческая, видно, не как горы, но как холмики.

Сказано: «Правда избавляет от смерти»; хотя за правду Крестителю Господню и голову отрубили, но это не лишило его почитания выше всех.

Праздники

По воскресеньям не работать. А если праздник, например, Иоанна Златоуста и т.п., то к вечеру можно поработать.

Кто праздники не почитает, тому нет удачи.

Приметы

Не надо верить приметам и не будут исполняться.

Промысл Божий

Без преданности Промыслу Божию не приобретешь покоя. Не смиришься, оттого и не имеешь покоя.

Батюшка кому-то сказал: «Иди, куда поведут, смотри, что покажут, и все говори: «Да будет воля Твоя»».

Напрошенный крест трудно нести, а лучше в простоте предаться воле Божией. «Не попустит бо Бог искуситься выше меры, но сотворит со искушениями и избытие».

Судьбы человеческие — все в руках Божиих.

Батюшка говорил, что избранникам Своим особенно покровительствует Бог. Кто отдает себя Промыслу Божию, о том особое попечение.

Верую, — что делается промыслительно от Господа, то делается к пользе нашей душевной, если мы сами не захотим лишиться себя этой пользы.

Старец часто говорил: «Слава и благодарение Всеблатому Промыслу Божию, подающему нам многие и различные вины (то есть поводы) к пользе душевной и ко спасению, которое стяжается в терпении со смирением и покорностью Божией воле».

«Много мы с тобой думали и ничего не придумали; лучше будем полагаться на всеблагой Промысл Божий, который силен все привести к полезному концу, паче чаяния нашего», — писал батюшка одной из своих духовных чад.

Понудимся призывать Божию помощь, исповедаюсь в недостатке веры, терпения во смирении к понесению встречающихся неудобств и сопротивлений, и недоумений, а предаемся малодушию и расстройству внутреннему и внешнему, и даже некоторому безнадежию.

При разговоре о Дарьюшке-страннице батюшка, вздохнув, сказал: «Да, Господь почивает в простых сердцах! Золото везде видно и везде проглянет, и даже в угловатости; а то другой, как не кудрявьясь, все не будет золото». Сказали: «Как Дарьюшка хорошо умерла!» Батюшка ответил: «От того и кончина была хорошая, что жила хорошо. Как поживешь, так и умрешь».

Жить просто значит не осуждать, не зазирать никого. Например, идет Еликанида. Прошла, да и только. Это значит, думать просто. А то, при виде проходящей Еликаниды, можно подумать о ней с худой стороны: она такая-то, характер у нее такой-то. Вот уже это не просто.

Смотри на все просто.

Как это: «Возверзи печаль твою на Господа?» Ответил: «Это значит жить просто и все упование возложить на Господа и не рассуждать, что кто сделал, что и как будет. Царь Давид когда думал и рассуждал по-человечески, тогда дошел до безнадежного состояния, ни в чем не находил себе отрады: «поглумляшесь и малодушествова дух мой». А когда возложил упование свое на Бога, тогда был утешен: «помянух Бога и возвеселихся».

Как поступать немощному, если случаются скорби от сплетен? Очень просто: сознавать свою немощь, прибегать к самоукорению и смирению, и в неприятных случаях более обвинять себя, а не других; и прежде всего смотреть на вещи просто, что все мы люди, все человеки, всякий по-своему понимает, по-своему судит и толкует. В этом судить нас будет один Сын Божий, Которому Единому дана сия власть от Бога Отца. Когда же оставим простоту и будем думать и толковать, что, и как, и зачем, и для чего, и кто они, и как они, тогда не будет просто, а выйдет мудрено, паче же бестолково. Пойдут недоумения и неразумения; не обойдется и без жалобы; а скорби-то, скорби-то будут невыносимые.

Где просто, там ангелов со сто, а где мудрено, там ни одного. Где нет простоты, там одна пустота.

Мудрость внешняя есть буйство пред Богом; ценна же истинная простота душевная, которая есть мать веры и смирения и нелицемерной любви. Золото и в простом слитке имеет свою цену, также оловянные фигуры свою.

Просфора

Если пьешь воду или лекарство до обедни, то не должно антидор или вынутую просфору есть.

Просфору можно стоя есть, это дело благочестия; а кто сидя ест, того не осуждать.

Прощение обид

«Отец Макарий, — рассказывал батюшка, — рассердился раз на меня и выгнал из своей келий за одну барышню, зачем я ее принял; тогда он ее не принимал за то, что она долго не прощала обиды другим. Рассердился он больше на нее, а на меня так, кстати. И после этого еще целые сутки ее не принимал; она очень плакала; тогда он ей говорит: «Сама по два дня не прощаешь, а тут и суток вытерпеть не можешь».

Раздражительность

Никто не должен оправдывать свою раздражительность какой-нибудь болезнью, — это происходит от гордости. А гнев мужа, по слову св.Апостола, правды Божия не содействует. Чтобы не предаваться раздражительности и гневу, не должно торопиться. Нетерпеливость и раздражительность обличают в нашем устройении горделивость и немалое самолюбие, а нередко происходит от нашего своеразумения и самочиния. В чьей душе закрадутся и утаятся они, оттуда мир и спокойствие бегут, а мятежность и смущение водворяются.

Рассеянность

Вопрос: «Когда сердита бываю, то молюсь рассеяно». Ответ: «Кто сердится, тот лишается покровы Божьего. Нужно молиться без злопамятности».

Во время смущения батюшка не благословлял делать замечания или выговоры и рассказал, как у архимандрита Моисея был келейник о.Нифонт; он что-то сделал недолжное и ждал проборки, а архимандрит будто и не замечал ничего. О.Нифонт приходит к нему и ждет выговора. А архимандрит дает ему разные приказания. Так было несколько раз. Но как-то о.Нифонт пришел к архимандриту веселый, а тот сейчас дверь на крючок и начал его пробирать.

Самолюбие

Самолюбие наше корень всему злу. Оно есть начало всех страстей, оно есть причина всех наших бедствий и страданий, иногда в настоящее время, а иногда как последствие прежних ошибок.

Секира к истреблению корня самолюбия — вера, смирение, послушание и отсечение своих хотений и разумений. Секира эта тяжела, но рано или поздно, а надобно взяться за эту рукоять, которая с виду только страшна, а на самом деле успокоительная для держащихся за нее крепкой рукой и неослабной силой.

Памятозлобие, зависть, ненависть и подобные страсти кроются внутри и рождаются, и произрастают от внутреннего корня самолюбия. Ветви снаружи как ни обрубай, пока корень этот будет сыр и свеж, и не будет употреблено средств подсечь внутренние разветвления этого корня, чрез которые проникает зловредная влага и произращает наружные отпрыски, — труд будет напрасен.

Что это значит «солга неправда себе»? — «Яко восташа на мя неправеднии, и солга неправда себе»? ([Пс.26:12](#)) — это о тех, которые живут неправедно, а думают, что хорошо, и сами себе делают неправду».

Самооправдание

Самооправдание — большой грех: «Егда прииму время, аз правоты сужду».

Самооправдание и обвинение других, правильное ли, или неправильное, не успокаивает, а лишь более возмущает дух наш.

Самоукорение

Свои грехи говори и себя больше вини, а не людей.

Батюшка рассказывал, что когда к старцу Леониду приходили и не признавали себя грешными, то батюшка о.Леонид говорил: «Ежели ты не грешна, то иди, а там грешные ждут».

Батюшка рассказывал: «Однажды одной княгине было видение, будто она у входа в рай со многими другими, и тут же была девушка в лаптях. Княгиня думала, что ее (т.е. княгиню) за доброту и все добродетели возьмут первой. Каково же было ее удивление, когда вдруг вместо нее взяли эту девушку; она возмутилась, но потом подумала: у меня все-таки есть добродетели, может с этими (указывая на других) возьмут; но ее и тут не взяли. Наконец, взяли всех, а ее и после всех не берут, тогда она упала на землю и начала говорить, что она действительно хуже всех и недостойна быть в Царствии Небесном. И тут услышала над собой: «А вот такие-то и годятся, таких-то нам и надо».

Необходимо скорее обрести успокоение чрез самоукорение, без которого с трудом проводит жизнь всякий ищущий спасения.

Сознание, что за грехи наши достойны мы больших оскорблений, будет облегчать тучу душевную и послужит противодействием в вражеских подстреканиях, без толку смущающих того, у кого недостает самоукорения.

Одной монахине старец писал: «Помни евангельское слово: «будьте мудры, яко змии, и цели яко голубие»; т.е. береги веру и незлобие, вчиняя себя в число последних, и не берись за то, что выше нас».

Сварливость

Когда разворчишься, то укори себя, скажи: «Окаянная, что ты расходилась, кто тебя боится?»»

Свобода в обращении

Не должно обращаться свободно с мирскими, — ты их соблазнишь.
Если кто шутя до кого дотронется, то десять поклонов положить.

Настойчивым своеволием старец говорил: «Так то, брат, обычай-то у нас бычий, а ум то телячий».

Если человек, по слову Самого Господа, не отвержется своей воли и своих желаний, то не может обрести мира. Своя воля и учит, и мучит; сперва помучит, а потом чему-нибудь и научит.

Земной царь велик, и почти все ему покоряются; но есть пословица: «Своя воля — царя боле». Воли человека и Сам Господь не понуждает, хотя многими скорбями и вразумляет.

О том, за что бьют, батюшка говорил: «Одних бьют для полировки, а других для исправления».

Одной монахине, когда она жаловалась, что ее бранят, старец говорил: «Кто нас корит, тот нам дарит; а кто хвалит, у нас крадет».

Старец рассказывал притчу о жасмине: «Один у нас монах умел с ним (жасмином) обходиться. В ноябре он его совершенно обрезает, и ставит в темном месте. Зато потом растение покрывается обильно листьями и цветами. Так и с человеком бывает: «нужно прежде постоять в темноте и холоде, а потом уже будет и плода много».

Святые были, как и мы грешные люди, но покаялись, и, принявшись за дело спасения, не оглядываясь назад, как жена Лотова. И на чье-то замечание: «А мы все смотрим назад», батюшка сказал: «За то и подгоняют нас розгами и бичом, т.е. скорбями да неприятностями, чтобы не оглядывались».

Тому, кто жаловался на скорби, старец говорил: «Если солнце всегда будет светить, то в поле все повянет; потому нужен бывает дождь. Если все будет дождить, то все попреет, потому нужен ветер, чтобы продувал. А если ветра недостаточно, то нужна бывает и буря, чтобы все пронесло. Человеку все это в свое время бывает полезно, потому что он изменчив».

Внутренняя скорбь значит, например, памятозлоствовать или терпеть отсечение своей воли, потому что другой никто не может знать, что у тебя внутри. А внешняя скорбь со стороны других.

Часто причиной скорби бывает благая решимость жить благочестиво, как сказано у Апостола: «все, хотящие благочестно жити, гонимы будут». И в другом месте сказано: «многи скорби праведным», только с прибавлением одобрения: «но от всех их избавит Господь!» Блажен, кто принадлежит к числу таких и терпит скорби за правду и жизнь благочестивую.

Когда о.Амвросия просили объяснить, что значит в Евангелии: «труждающиеся и обремененные?» — он ответил: «Труждающиеся — кто добровольно трудиться, а обремененные — кто за грехи терпит скорби с трудом, а все-таки несет».

Человек в счастье забывается и все приписывает себе — своей бессильной и мнимой власти, но лишь посетит его какое-нибудь несчастье, просит пощады и у воображаемого врага. Эту истину о.Амвросий так изображал: «Человек как жук. Когда теплый день и играет солнце, летит он, гордится собою и жужжит: «Все мои леса, все мои луга! Все мои луга, все мои леса!» — А как солнце скроется, дунет холодом и загуляет ветер, — забудет жук свою удаль, прижмется к листку и только пищит: не спихни!»

Человек не вдруг стяжевает бесстрашие. А где страсти, там и скорби со многими недоумениями и недоразумениями.

Заговорили как-то о скорбях, одна и говорит: «Лучше болезни, чем скорби». Батюшка ответил: «Нет, в скорбях помолишься Богу и отойдут, а болезнь и палкой не отобьешь. Напрошенный крест трудно нести. А лучше в простоте предаться воле Божией. Не «попустит бо Бог искустися выше меры, но сотворит со искушением и избытие. Кого любит Господь — наказует, бьет же всякого сына, его же приемлет, а если не наказует, то не сыны, а прелюбодейчици есте».

Когда найдет хандра, не забудь укорять себя; вспомни, сколько ты виновата пред Господом и пред собою, и осознай, что ты недостойна ничего лучшего, и ты тотчас почувствуешь облегчение. Сказано: «многи скорби праведным»; и: «многи раны грешным». Такова жизнь наша здесь, — все скорби и скорби; а ими-то и достигается Царствие Небесное. Когда будешь

непокойна, повторяй чаще: «Взыщи мира и пожени и».

В одном из писем старец писал: «Господь столько любит нас, сколько не может любить ни одна мать своих чад. Но мы часто делаемся недостойны такой любви Божией, за что и посылаются праведно на нас многообразные скорби и болезни».

Хотя Господь и прощает грехи кающимся, но всякий грех требует очистительного наказания. Например, благоразумному разбойнику сам Господь сказал: «днесь со Мною будеши в рай»; а между тем после этих слов перебили ему голени; а каково было еще на одних руках, с перебитыми голеньями повисеть на кресте часа три? Значит ему нужно было страдание очистительное. Для грешников, которые умирают тотчас после покаяния, очищением служат молитвы Церкви и молящихся за них, а те, которые еще живы, сами должны очищаться исправлением жизни и милостынею, покрывающей грехи.

После приобщения надо просить Господа, чтобы дар сохранить достойно, и чтобы подал Господь помощь не возвращаться назад, т.е. на прежние грехи.

Когда батюшку спросили: «Отчего после приобщения иногда чувствуешь утешение, а иногда холодность?» — он ответил: «У того холодность бывает, кто ищет утешение от приобщения, а кто считает себя недостойным, у того остается благодать».

Вопрос: «Говорят, когда приобщаешься, то в этот день надо постное есть?» Ответ: «О.Леонтьев говорил, что надо почитать этот день и не есть молочное, а батюшка Макарий снисходил к немощи и говорил, что можно есть».

Когда приобщаешься, то один только день не полоскать рот и не плевать. Если большая частица (Св. Даров), то раздроблять (во рту), а маленькую так проглотить, и не обращать внимания на хульные помыслы, а укорять себя за гордость и осуждение других.

Причастницам батюшка часто говорил: «Чашу спасения прииму и Имя Господне призову». Иногда и следующий стих прибавлял: «Молитвы моя Господеви воздам пред всеми людьми Его».

Сестра, кайся, смиряйся; сестрам уступай — что можно, и не осуждай других, — все с немощами.

Смиряйся, и все дела твои пойдут.

Смирение состоит в том, чтобы уступать другим и считать себя хуже всех. Это гораздо покойнее будет.

Когда говоришь со смиренным, то отдыхаешь, легко с ним; а когда говоришь с тем, кто себя оправдывает, а других винит, — ох, как умариваешься.

О.Амвросий поучительно объяснял слова Спасителя: «Когда ударят тебя в десную ланиту, подставь другую». Ведь обыкновенным порядком, когда ударяют в лицо, ударяют правой в левую щеку, а не в десную. Но Господь хотел представить десною ланитою оскорбление, унижение, обиду за правое дело, в котором ты не виновата. Подставить же левую — значит, в то время, когда без вины оскорбят, помяни пред Господом свои грехи, которыми ты оскорбляешь Его. И через это сознание смиришься, и прими несправедливое поношение, как уже должное.

Кто уступает, тот больше приобретает.

Если не имеешь любви (к ближним), смиряйся.

Прочитай «Живый в помощи Вышняго» да и иди прощение просить, — на кого немирна.

Если кто тебя обидит, не рассказывай никому, кроме старца, и будешь мирна. Кланяйся всем, не обращая внимания, отвечают ли тебе на поклон, или нет. Смирятся нужно пред всеми и считать себя хуже всех. Если мы не совершили преступлений, какие совершали другие, то это, может быть, потому, что не имели к тому случая: обстановка и обстоятельства были другие. Во всяком человеке есть что-нибудь хорошее и доброе; мы же обыкновенно видим в людях только пороки, а хорошего ничего не видим.

На вопрос, можно ли желать совершенствования в жизни духовной, старец ответил: «Не только можно желать, но и должно стараться совершенствоваться в смирении, т.е. в том, чтобы считать себя в чувстве сердца хуже и ниже всех и всякой твари».

«Батюшка, — говорит одна, — отчего это игуменье дано такое право распоряжаться монашенками, как крепостными, — лучше бы как-нибудь любовью?» А батюшка отвечал: «Хуже, чем крепостными: крепостные могли хоть поворчать на своих господ и побранить их за глаза, а у монашек и это право отнято: монашка добровольно отдает себя в крепостное право».

Батюшка рассказывал, как один монах обратился к о.Антонию, спрашивая его о правиле монастырском. Отец Антоний отвечал ему: «У меня много было правил, — жил я и в пустыни, и по монастырям, и все разные были правила, а теперь все правила отошли, осталось одно мытарево: «Боже милостив буди мне грешному».

Одной сестре давно было сказано, что мы стоим на втором плане. На этом плане стоять полезнее, потому что смиреннее. Смирение прочнее всяких возвышений.

Батюшка поучал одну монахиню: «Старайся успокаиваться на втором плане, памятуя всегда, что «денница» со своим чином по причине гордости не обрел покоя и на первом плане, стоя выше всех чинов Ангельских, и за это превозношение низвергся в бездну погибели со всеми послушавшими его. Девять же чинов других Ангелов, пребывая во смирении и покорности воле Божией, не рассуждая, кто выше и кто ниже поставлен Промыслом Божиим, доселе блаженствуют. Не место успокаивает человека, а смирение и покорность воле Божией».

Кто-то сказал батюшке: «Гордость мешает во всем!» — «А ты, — ответил батюшка, — закутайся в смирение, тогда, если небо к земле прильнет, и то не страшно будет».

Должно знать, что первые и последние составляют одних и тех же. Первые, видимо,

должны быть последними в мысли своей и мудрвании; и опять, считающие себя последними в душе своей смирение первыми по достоинству.

Снисходительность

Будь снисходительна к другим. Симеон Новый Богослов писал, что, ежели сто человек успокаивать, а одного оскорбить, то все пропало.

Кто-то сказал старцу: «Как это вы, батюшка, не только не гневаетесь на тех, кто о вас нехорошо говорит, но и продолжаете любить их?» Старец много этому смеялся и сказал: «У тебя маленький сын; сердилась ли ты на него, если он что и не так делал и говорил? Не старалась ли, напротив, как-нибудь покрывать его недостатки?»

«Всегда лучше уступать, — говорил батюшка, — если будешь настаивать справедливо — это все равно, что рубль ассигнаций, а если уступишь — рубль серебром».

Одной своей духовной дочери старец говорил: «В тебе много способности к жертве, но Господь сказал: «Милости хочу, а не жертвы». А милости-то у тебя и мало; почему и судишь всех без снисхождения; смотришь только на дурную сторону человека, и не вглядываешься в хорошую; свои жертвы видишь и превозносишься ими».

Ничего не желай во сне видеть, а то с рожками увидишь. Дурные сны бывают от трех вещей: от осуждения, от тщеславия и от объедания.

Если снам или чему-либо подобному верить, то можно ума лишиться.

В подряснике можно спать, и ничем не накрываться. Сны не рассказывать.

Совість

Бывает, что хотя грехи наши через покаяние и прощаются нам, но совесть все не перестает упрекать нас. Покойный старец о.Макарий для сравнения показывал иногда свой палец, который давно когда-то был порезан; боль давно прошла, а шрам остался. Так точно и после прощения грехов остаются шрамы, т.е. упреки совести.

Иногда помысл приходит: зачем спасаться? Не спасемся все равно, как ни жить. К тому же теперь нет спасающихся, как написано в видении Афонского монаха. На это батюшка так говорил: «То сказано к тому, что теперь совершенных во всем нет, а спасающиеся есть. Не каждый может быть генералом; а иной — генерал, другой полковник, майор, капитан, солдат и простой человек».

На вопрос, как понимать слова Писания: «будьте мудры яко змия», — старец ответил: «Змея, когда нужно ей переменить старую кожу на новую, проходит чрез очень тесное место, и таким образом ей удобно бывает оставить свою прежнюю кожу. Так и человек, желая совлечь свою ветхость, должен идти узким путем исполнения евангельских заповедей. При всяком нападении змея старается оберегать свою голову. Человек должен более всего беречь свою веру. Пока вера сохранена, можно еще все исправить».

Батюшка говорил: «Господь всех равно призывает, а быть между избранными от самого человека зависит».

Когда батюшке говорили о желании переменить монастырь, он отвечал: «А куда уедешь? Куда скроешься от Бога Всеведущего и Всевидящего, через совесть нашу нас обличающего, чтобы взялись за дело спасения, как следует, вместо того, чтобы бесполезно смущаться и винить других».

Страх Божий

На вопрос, как стяжать страх Божий, батюшка отвечал: «Должно всегда иметь Бога пред собою: «Предзрех Господа предо мною выну».

Страх Божий приобретается еще исполнением заповедей Божиих, и чтобы делать все по совести.

Человек яко трава. Кто гордиться, тот вянет, как трава, а кто боится Бога, тот будет помилован Господом.

Одна монахиня говорила батюшке, что ей надо ехать, а то матушка игуменья будет сердиться. На это о.Амвросий ответил: «Бога и своей совести надо бояться, а не матушки игуменьи. Страх Божий есть начало очищения совести».

Отчего человек бывает плох? Оттого, что забывает, что над ним Бог.

Против рассеянности надо иметь страх Божий. Читай у аввы Дорофея о страхе Божиим, о хранении совести и о смиренномудрии.

Одной новоначальной монахине старец писал: «Всем потребен страх Божий к отвращению козней сопротивного, кольми паче юным, когда легкомыслие в силе, и опыта в вреде не приобретено».

Терпение

Приводя слова блаж. Диадоба, старец говорил: «Дом души — терпение, пища души — смирение. Если пищи в доме нет, жилец лезет вон».

Любовь терпит и долго терпит, а если немного не дотерпит — ничего не будет — претерпевый бо до конца, — той спасен будет.

Когда тебе досаждают, не спрашивай никогда: «зачем» и «почему». Этого нет нигде в Писании. Там сказано напротив: ударят тебя по правой щеке, подставляй и левую; а это вот что значит: если бьют тебя за правду, то не ропщи и подставь левую, т.е. вспомни свои неправые дела, и увидишь, что достоин наказания. При этом батюшка прибавил: «Терпя потерпех Господа, и внят ми».

«Батюшка! Научите меня терпению», — сказала одна сестра. «Учись, — ответил старец, — и начинай с терпения находящихся и встречающихся неприятностей». «Не могу понять, как можно не возмущаться обидами и несправедливостями?» — ответ старца: «Будь сама справедлива, и не обижай никого».

Мир всем терпеливым, а нетерпеливым нет спасения: «Претерпевый же до конца — той спасен будет».

Батюшка говаривал: «Терпел Моисей, терпел Елисей, терпел Илия, буду же терпеть и я».

Одной больной монахине батюшка писал: «Приими это посещение Божие благодушно, с покорностью воле Божией. «Его же любит Господь, наказует», — да вразумит и наставит, и научит терпению, ибо в терпении нашем стяжеваются души наша».

Помни, что плод благой стяжевается в терпении. Терпение же не приобретается без различных скорбей и неприятных случаев, смиряющих возношение наше.

Батюшка говаривал желающим поступить в монастырь: «Чтобы идти в монастырь, надо терпения не воз, а целый обоз». И еще: «Чтобы быть монашкой, надо быть железной, либо золотой». Батюшка объяснял это так: железной, значит иметь большое терпение, золотой — большое смирение.

Старец часто приводил пословицу: «Побежишь от волка, нападешь на медведя». Остается одно — потерпеть и подождать, внимая себе и не осуждать других, молясь Господу и Царице Небесной да устроит о тебе полезное, якоже Им угодно.

Тщеславие

Тщеславие, если его тронуть пальцем, кричит: «Кожу дерут». Тщеславие и гордость одно и то же. Тщеславие выказывает свои дела, чтобы люди видели, как ходишь, как ловко делаешь. А гордость после этого начинает презирать всех. Как червяк сперва ползает, изгибается, так и тщеславие. А когда вырастут у него крылья, взлетает наверх, так и гордость.

Тщеславие не дает покоя, подстрекая к ревности и зависти, которые мятут человека, возбуждая в душе бурю помыслов.

Уединение

Когда старца просили благословить пожить в уединении, он говорил: «Когда Лот жил в Содоме, был свят, а когда вышел в уединение, пал».

Уныние значит та же лень, только хуже. От уныния и телом слабеешь, и духом. Не хочется ни работать, ни молиться, в церковь ходишь с небрежением; и весь человек ослабевает.

Скука унынию внука, а лени дочь. Чтобы прогнать ее прочь, в деле потрудись, в молитве не ленись, тогда и скука пройдет, и усердие придет. А если к сему терпения и смирения прибавишь, то от многих зол себя избавишь.

Царство Небесное

Григорий Двоеслов пишет о том, какой ценой приобретается Царствие Небесное. Для него не существует цены определенной. Всякий человек должен отдать за него все, что имеет. Апостол Петр отдал сети и получил Царствие Небесное; вдовица отдала две лепты; у кого миллионы, пусть отдаст их; а у кого ничего нет, пусть отдаст произволение.

Царствие Божие не в словах, а в силе; нужно меньше толковать, больше молчать, никого не осуждать и всем мое почтение.

Чтение книг

Нужно больше читать в тот день, когда причастишься, особенно Новый Завет, Послание к Ефессянам и Апокалипсис.

Книги читать по утру с четверть часа до работы; а потом целый день жуй, — что читала, как овца жвачку.

Списывать с книг, пожалуй, можно; только нужно усваивать, что понятно, то читать, читать надо меньше, но понимать.

Евангелие можно сидя читать, только не в положенное время.

Перед причастием читать св. Ефрема о покаянии.

Оттого не любишь отеческих книг, что они обличают тебя.

Книги давай читать, хотя и маслом зальют, запачкают, — ничего, только по разбору, — кто читает.

Стараясь жить благочестиво, должно помнить и никогда не забывать, что все читаемое и понимаемое должно относить к себе, а не к другим; к себе быть благоразумно строгим, а к другим снисходительным. Благоразумно строгим быть — значит не смущаться бестолково. Пример сего мы можем видеть в детях различного возраста, которым оказывается снисхождение по мере их понимания.

Необходимо читать книгу аввы Дорофея и знать ее, как солдат знает пункты военной службы. Без сего нет утверждения в духовной жизни; и монах не может жить правильно.

Только хоть прочитай книгу. Если и не запомнишь ничего в то время (т.е. во время чтения), и то получишь пользу.

Книги лучше не раскрывать (чтобы узнать неизвестное).

В смутном положении прежде всего читай Евангелие шепотом, но чтобы уши твои слышали; хотя бы и ничего ты не понимала. Слова Святого Духа отгонят мрак душевный, паче же вражеский.